

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ**

**КРИМИНАЛИСТИКА, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ:
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
(К 70-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ)
(66-е ежегодные криминалистические чтения)**

*Сборник научных статей
по материалам международной научно-практической конференции
(Москва, 25 апреля 2025 г.)*

Часть 3

**Москва
2025**

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ

**КРИМИНАЛИСТИКА, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ:
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
(К 70-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ)
(66-е ежегодные криминалистические чтения)**

*Сборник научных статей
по материалам международной научно-практической конференции
(Москва, 25 апреля 2025 г.)*

Часть 3

Москва
2025

УДК 343.9
ББК 67.52
К82

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Кузьмин М. Н.*, кандидат юридических наук (Ростовский юридический институт МВД России; *Иванов Д. А.*, доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя).

К82

Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) (66-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 25 апреля 2025 г.) : в 3 ч. / под ред. С.И. Курилова, Ю.Е. Салевой, Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, М.М. Алиева, О.Е. Рословой. – Москва : Академия управления МВД России, 2025. Ч. 3. – 280 с.

ISBN 978-5-907721-82-1

Сборник научных статей сформирован на основе материалов международной научно-практической конференции, проведенной на базе Академии управления МВД России 25 апреля 2025 г. кафедрой управления органами расследования преступлений.

В сборнике представлены результаты научных исследований по криминалистическим, уголовно-процессуальным, уголовно-правовым и криминологическим вопросам обеспечения безопасности Российской Федерации в финансовой сфере.

Сборник представляет интерес для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, научных и практических работников, адъюнктов, слушателей, студентов.

Издается в авторской редакции.

УДК 343.9
ББК 67.52

ISBN 978-5-907721-82-1

© Академия управления МВД России, 2025

Содержание

Абзбаева Д.С. Понятие и сущность процессуального срока в уголовном судопроизводстве: теоретико-правовой анализ	7
Бекетова В.В. Идентификационные и диагностические исследования при производстве экспертизы следов зубов . . .	13
Бобоев У.Т. Криминалистическая характеристика опийного наркорынка. Соотношение опиатов и опиоидов в структуре наркорынка	18
Бобровская Д.В., Красильников А.В. Нормативный правовой акт в системе источников уголовно-процессуального права	22
Гирятович Д.В. Разоблачение фальсификации доказательственной информации на электронных носителях . .	27
Гольцов С.Е. Возможности получения голосовой информации при наложении ареста на почтово-телеграфные отправления . . .	34
Гордеев Д.С. Тактические аспекты расследования преступлений против здоровья человека, совершенных лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости	41
Григорьева М.Л. К вопросу об эффективности самозащиты подозреваемого, обвиняемого в уголовном процессе	46
Дмитриева Л.В., Кудряшова М.Е. Совершенствование способов фиксации внешности человека в условиях цифровой трансформации правоохранительных органов.	51
Залялов И.М., Куфтерин А.Н. К вопросу о цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности	57
Касьянова Е.В. Использование специальных знаний в ходе осуществления уголовного преследования несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования в Российской Федерации и Китайской Народной Республике	65
Киселева А.А. Благоприятствование защите как основание допустимости производных свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов	71

Колобова А.А. К вопросу о предмете склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ	76
Краснов М.А., Попова Ю.К. Цифровая трансформация уголовно-процессуальной и экспертно-криминалистической деятельности	82
Лавриновская И.С. Процессуальные полномочия прокурора по оценке доказательств, собранных при производстве дознания в сокращенной форме.	89
Лушин И.А. К вопросу об оценке результатов использования специальных знаний при раскрытии преступлений по «горячим следам».	96
Магомедова Т.В. О понятии и системе уголовно-процессуальных гарантий	99
Майорова О.В., Рослова О.Е. Графический планшет как объект криминалистического исследования	104
Маклакова А.А. Актуальные проблемы порчи имущества на железнодорожном транспорте	110
Малахова А.Е. К вопросу о масштабировании уведомления о подозрении на предварительное следствие.	117
Манакова Е.А. Почему в МВД России необходимы следователи-криминалисты?.	123
Мещерякова Т.А. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых при управлении средствами индивидуальной мобильности	128
Минин А.А. Организация взаимодействия следователя и органов дознания в процессе розыска подозреваемых и обвиняемых.	135
Множина Д.Н. К вопросу о необходимости криминалистического определения зажигательного и (или) огнеметного оружия	140
Молунова Н.И. Обеспечение прав участников следственных действий, сопряженных с применением физического принуждения в условиях несовершеннолетнего нормативно-правового регулирования	145
Мухторов Я.А. Ускоренное и упрощенное производство по уголовным делам	150

Намсараев А.Ч. Нетипичный способ идентификации личности в сфере оперативно-розыскной деятельности по борьбе с кражами, совершаемыми с проникновением в жилище	159
Николаева А.Н. Преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей: современное состояние и проблемы их предупреждения . . .	165
Попова Е.В., Сычёв П.Г. Тактические особенности рассмотрения сообщения о преступлении, совершенном в инвестиционной сфере	170
Рашупкина В.А. Особенности изъятия цифровой информации в ходе производства отдельных следственных действий	176
Реброва В.С. Дознание – упрощенная форма расследования? . . .	188
Редозубов К.А. Типовые модели механизма вербальных (речевых) и невербальных преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.	192
Синекин А.А. Система принципов уголовного процесса Российской Федерации	198
Синельников С.Н. Понятие и значение института приостановления предварительного расследования	202
Синютин Ю.В., Яковенко А.А. О перспективах использования технологии виртуальной реальности при подготовке сотрудников органов внутренних дел по специализации «Криминалистика» в образовательных организациях МВД России	208
Соколова А.В. Учет неутраченного оружия: «балласт» или «двигатель» криминалистической регистрации?	214
Сологубов А.Ю. Динамичность уголовно-процессуальных обращений	218
Тайтубаева Л.М. Производство вербальных следственных действий с использованием информационных технологий . . .	223
Топчиев А.А. К вопросу о причинах злоупотребления правом на заявление отводов в уголовном судопроизводстве и способах решения данной проблемы	227

Тучков Я.В. Уроки арбитражного судопроизводства в цифровизации уголовного процесса	233
Ушакова В.В. Вещественные доказательства как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними	241
Фарафонов О.А. Особенности дистанционного формата производства очной ставки	246
Филимонова М.Д. Запрет определенных действий как элемент гуманизации уголовно-процессуальной политики: теоретический и прикладной аспекты	252
Фурлет Я.П. Анализ практики проведения оперативно- розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений»	257
Хубаев А.М. Типовые модели механизма нарушений ПДД, повлекших смерть человека	264
Четвертакова К.В. Основные элементы системы криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования	268
Шестаков М.И. Термины «законность» и «качество» расследования в федеральном и ведомственном нормотворчестве	273

Понятие и сущность процессуального срока в уголовном судопроизводстве: теоретико-правовой анализ

Аннотация

Настоящая статья посвящена отдельным аспектам теоретико-правового анализа понятия и сущности процессуального срока в уголовном судопроизводстве. Целью исследования является раскрытие дефиниции «процессуальный срок» и выявление его ключевых существенных характеристик посредством применения методов догматического и сравнительно-правового анализа. В статье рассматриваются различные подходы к определению процессуальных сроков в уголовно-процессуальной науке, обосновывается авторское видение сущности данной правовой категории и ее значения для обеспечения эффективности и законности уголовного процесса.

Ключевые слова и словосочетания: *срок; процессуальный срок; уголовное судопроизводство; время; понятие; сущность; промежуток времени.*

Очевидно, что всякий процесс, в любой его исторической и правовой определенности, должен характеризоваться соответствующей временной продолжительностью, направленной на стимулирование участников в получении эффективного результата.

На современном этапе развития общественных отношений государство посредством правового регулирования сроков способно оказывать целенаправленное воздействие на общественные отношения, в том числе уголовно-процессуальные. В юридических нормах четко закреплены предельные сроки производства конкретных процессуальных действий, истечение которых связано с наступлением соответствующих юридических последствий.

Формой выражения срока выступает социально-философская категория времени. Время – это форма протекания физических и психических процессов, мера длительности существования всех объектов, характеристика последовательной смены их состояний в процессах и самих процессов, изменения и развития. Однако данной категории

присуща черта необратимости, – то есть время течет в одном направлении от прошлого через настоящее в будущее независимо от воли человека. В свою очередь, срок не обладает таким свойством, так как он строго устанавливается законом, где предусматривается возможность его приостановления, возобновления или восстановления.

Согласно данным толкового словаря С. И. Ожегова, срок представляет собой «определенный промежуток времени, момент наступления, исполнения чего-нибудь» [1]. Следовательно, существует непосредственная зависимость между понятием срока и понятием времени, выражающаяся в том, что исчисление сроков осуществляется посредством общепринятых временных единиц, таких как годы, месяцы, сутки, часы и прочее.

Категории «время» и «срок» тесно связаны, но не являются тождественными. Понимание их соотношения крайне важно для юридической науки, в частности для уголовного судопроизводства, где категория «срок» играет ключевую роль.

Время – это философская и физическая категория, обозначающая форму существования материи, характеризующуюся длительностью и последовательностью смены явлений и процессов. Время объективно, непрерывно и является всеобщей формой бытия. В широком смысле время – это абстрактное понятие, отражающее течение событий и возможность их измерения.

Срок, напротив, является юридической категорией, производной от категории «время». Срок – это конкретный, определенный отрезок времени, установленный законом или иным правовым актом для совершения каких-либо действий или наступления определенных юридических последствий. Срок всегда конкретен, измерим, имеет начало и конец, и носит нормативный характер.

Осуществим дифференциацию понятий «срок» и «время» на основе анализа их характерных признаков:

1. В отношении нормативности и объективности следует отметить, что «срок» является нормативной категорией, регулируемой нормативно-правовыми актами. «Время», напротив, выступает как объективная категория, независимая от нормативных предписаний и человеческой воли.

2. Анализируя целенаправленность, можно констатировать, что «срок» является инструментом целеполагания для стимулирования деятельности, обеспечения своевременности и фиксации юридически значимых моментов. «Время» же имманентно бытию и не имеет цели.

3. В аспекте измеримости следует подчеркнуть, что «срок» обладает количественной определенностью и измеряется в дискретных еди-

ницах времени. «Время», будучи универсально измеримым, конкретизируется до практически значимых единиц измерения.

4. Рассматривая последствия, необходимо отметить, что истечение срока влечет за собой возникновение юридически значимых последствий, а время не влечет юридических последствий, оно является средой, в которой эти последствия возникают.

Срок всегда существует во времени. Он является конкретным фрагментом непрерывного потока времени. Время – это более широкая и фундаментальная категория, включающая в себя множество различных сроков. Время – это объективная реальность, существующая независимо от воли человека. Срок – это социальная и юридическая конструкция, созданная для регулирования деятельности людей в рамках времени.

Категория «срока» в уголовном судопроизводстве является фундаментальной и играет ключевую роль в обеспечении своевременности, организованности и эффективности уголовного процесса. Теоретико-правовой анализ этой категории позволяет глубже понять ее природу, значение и влияние на реализацию принципов уголовного судопроизводства, а также защиту прав участников процесса.

В общем смысле под уголовно-процессуальным сроком можно понять юридически значимые периоды времени, в рамках которых участники уголовного процесса обязаны или имеют право совершать определенные процессуальные действия.

Фундаментальный вклад в разработку теоретических основ понятия «процессуальный срок» был внесен профессором И. Я. Фойницким, который полагал, что внесение изменений в процессуальное законодательство стремится «к устранению медленности судопроизводства», вследствие чего «значительно сокращаются сроки движения дела» [2]. Под сроком в уголовном процессе профессор понимал «определенный законом промежуток времени, в течение которого должно быть выполнено данное действие» [2, с. 367].

В своих исследованиях, профессор М. С. Строгович справедливо отмечал, что: «Соблюдение процессуального срока – необходимое условие для того, чтобы соответствующее процессуальное действие имело юридический эффект» [3, с. 201].

И. В. Маслов определяет процессуальный срок как особый вид процессуальной гарантии, направленный на обеспечение, реализацию, защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, «... на обеспечение публичных интересов: защиту общества и государства от преступных посягательств» [4, с. 9]. Тем самым автор делает акцент на гарантийной функции процессуального срока с учетом

его двойственной направленности, стремлением обеспечить справедливого и эффективного уголовного судопроизводства.

По мнению И.М. Алексева, уголовно-процессуальный срок – это установленный уголовно-процессуальным законом, исчисляемый в соответствии с его предписаниями определенный промежуток времени, в пределах которого участники уголовного процесса имеют право либо обязаны совершить процессуальные действия, либо воздержаться от их совершения с целью обеспечения назначения уголовного судопроизводства в разумный период времени» [5, с. 8]. В рассматриваемом определении подчеркивается, что ключевой целью процессуальных сроков выступает обеспечение своевременного уголовного судопроизводства.

Следует обратить внимание, что К.Ю. Хатматуллин выделяет, самостоятельные «право-временные средства, закрепленные в нормах уголовно-процессуального права, которые, являясь средством регулирования уголовно-процессуальных отношений путем установления определенных промежутков времени и длительностей для совершения процессуальных действий и принятия решений, влекущих за собой определенные процессуальные последствия, обеспечиваются уголовно-процессуальными санкциями и служат гарантией принципа процессуальной экономии, своевременности и эффективности расследования и разрешения уголовных дел, охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [6, с. 7]. Также автор отмечает, что «...посредством рационального и эффективного использования процессуальных средств в условиях соблюдения прав участников уголовного судопроизводства при исполнении требований закона» реализуется принцип процессуальной экономии [6, с. 8].

Постижение сущности категории «срок» в рамках уголовно-процессуальной деятельности осуществляется путем рассмотрения комплекса атрибутивных свойств, ей присущих. Настоящее исследование, опираясь на представленные определения, позволяет идентифицировать следующие ключевые признаки:

- *определенный промежуток времени*, или *одномоментность*;
- *нормативность*: сроки устанавливаются законом, а в некоторых случаях уполномоченными должностными лицами в соответствии с законом;
- *обязательность*: большинство сроков в уголовном процессе являются обязательными для исполнения. Их нарушение влечет за собой определенные процессуальные последствия, такие как признание действия незаконным, утрата процессуального права, применение мер процессуального принуждения;

– *определенность*: сроки должны быть четко определены и измеримы. Закон устанавливает способы исчисления сроков (годы, месяцы, дни, часы, минуты);

– *гарантированность*: срок выступает гарантом реализации назначения уголовного судопроизводства;

– *дискретность*: процессуальный срок прерываем, согласно уголовно-процессуальному законодательству ему свойственно приостановление, возобновление, восстановление;

– *эффективность*: стимулирование достижения результата с учетом экономии временного ресурса.

Проблемы и перспективы совершенствования института сроков в уголовном судопроизводстве:

Несмотря на важность и теоретическую разработанность института процессуальных сроков, на практике возникают проблемы, связанные с их соблюдением и применением:

– *сложность исчисления сроков*: уголовно-процессуальное законодательство содержит достаточно сложные правила исчисления сроков, что может вызывать трудности в практической деятельности;

– *недостаточная гибкость сроков*: в некоторых случаях законные сроки могут быть недостаточно гибкими и не учитывать конкретные обстоятельства дела, что может приводить к формальному соблюдению сроков в ущерб качеству расследования и судебного разбирательства;

– *проблема затягивания уголовного процесса*: несмотря на наличие сроков, проблема затягивания уголовных дел остается актуальной. Это может быть связано с объективными (большой объем дел, сложность расследования) и субъективными (недостаточная организация работы, загруженность следователей и судей) факторами;

– *отсутствие четких критериев разумности сроков*: принцип разумного срока уголовного судопроизводства закреплен в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, однако отсутствуют четкие критерии его определения, что затрудняет оценку соблюдения этого принципа на практике.

Перспективы совершенствования института сроков в уголовном судопроизводстве:

– упрощение правил исчисления сроков: необходимо рассмотреть возможность упрощения правил исчисления сроков для повышения их практической применимости;

– повышение гибкости сроков: в отдельных случаях необходимо предусмотреть возможность продления сроков в исключительных случаях, обусловленных объективными обстоятельствами, при условии соблюдения прав участников процесса;

– усиление контроля за соблюдением сроков: необходимо усилить контроль со стороны прокуратуры и суда за соблюдением сроков на всех стадиях уголовного процесса;

– разработка четких критериев разумности сроков: необходимо разработать более четкие критерии оценки разумности сроков уголовного судопроизводства для обеспечения эффективной реализации этого принципа.

Категория «срока» является неотъемлемым элементом уголовного судопроизводства, обеспечивающим его организованность, дисциплину и эффективность. Теоретико-правовой анализ сроков позволяет выделить их сущность, функции, виды и значение для реализации принципов уголовного процесса и защиты прав участников. Совершенствование института сроков является важным направлением развития уголовно-процессуального законодательства, направленным на повышение качества и эффективности уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

В заключении необходимо отметить, что процессуальные сроки играют ключевую роль в уголовном судопроизводстве, обеспечивая его динамику, законность и эффективность. Теоретико-правовой анализ позволяет глубже понять сущность и значение процессуальных сроков, а также выявить проблемы и перспективы их совершенствования для обеспечения справедливого и своевременного правосудия.

Список литературы:

1. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М. : Оникс [и др.], 2009. 1359 с.
2. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1896. Т. 1. 594 с.
3. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М. : Наука, 1968. Т. 1. 468 с.
4. *Маслов И.В.* Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с.
5. *Алексеев И.М.* Правовая регламентация сроков в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. 23 с.
6. *Хатмуллин К.Ю.* Право-временные средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 31 с.

Вероника Вячеславовна Бекетова,
слушатель
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: beketovaveronika@yandex.ru

Идентификационные и диагностические исследования при производстве экспертизы следов зубов

Аннотация

Установление следователем и судом объективной истины предполагает использование достоверных доказательств, полученных из предусмотренных законом источников, в частности заключения криминалистической, в том числе трасологической экспертизы. При обнаружении следов рук, ног, зубов появляется возможность идентифицировать оставившего их человека, получить о нем конкретные сведения и использовать их для розыска преступника. По следам можно судить об условиях их образования и, следовательно, о механизме совершения преступления. Первые из названных экспертных задач являются идентификационными, остальные относятся к числу диагностических. Идентификационные и диагностические исследования следов зубов требуют специального рассмотрения. Это обусловлено тем, что данные исследования относятся к редко встречающимся в практике объектам. Именно поэтому эксперты, следователи и судьи должны иметь полную информацию о современных возможностях этой экспертизы, решаемых задачах, признаках, на основе которых проводятся идентификация и диагностика человека, о методах и методиках, с помощью которых они осуществляются.

Ключевые слова и словосочетания: *идентификация; диагностика; криминалистика; задачи; судебная экспертизы; зубы; исследование зубов.*

Теория идентификации охватывает изучение понятий идентификационных признаков и их диагностических свойств, а также сравнительного анализа этих признаков и их оценки. Это, по сути, наука о принципах идентификации объектов на основе их репрезентаций, что позволяет собирать судебные доказательства [7]. По мнению С.М. Потапова, «...криминалистическая идентификация как процесс есть сравнительное исследование мысленно отделяемых в представлении признаков вещи, но именно тех, которые опреде-

ляют ее тождество и отличают от всех других вещей. Сам же способ такого исследования, состоящий в отделении признаков и оценке их значения для доказательства тождества или отсутствия тождества, является методом криминалистической идентификации...»

В рамках экспертизы следов зубов целесообразно осуществлять классификацию объектов на четыре категории, что было предложено Н. В. Терзиевым. Первая категория включает в себя идентифицируемые объекты, представляющие собой лиц, чьи следы зубов были обнаружены на месте происшествия. Вторая категория охватывает объекты, которые осуществляют установление и идентификацию, к ним относятся продукты питания, а также человеческое тело. Третья категория состоит из проверяемых объектов, среди которых можно выделить лиц, модели зубов которых представлены для анализа. Четвертая категория включает образцы для сравнительного анализа, такие как экспериментальные следы зубов и слепки. Данное деление является наиболее полным и всесторонним в отношении всех объектов, рассматриваемых в рамках данной экспертизы.

Когда речь идет о теоретических аспектах идентификационных исследований следов зубов, важно отметить, что они, в отличие от многих других методов, не всегда обеспечивают непосредственную идентификацию личности. В ситуациях, связанных со следами съемных зубных протезов, эксперт определяет не совпадение идентичности человека, а сходство протезов, которые были использованы. Процесс идентификации в этих случаях становится двухступенчатым: вначале отождествляются протезы, а затем человек, их носивший; причем следователю или суду необязательно на втором этапе прибегать к специальным знаниям эксперта. Принадлежность протеза определенному лицу может быть установлена не с помощью экспертизы, а путем производства других следственных действий [2].

В дополнение к идентификационным исследованиям в экспертизе следов зубов активно применяются диагностические исследования, которые охватывают широкий спектр решаемых задач. В контексте экспертизы следов зубов данный термин в полной мере отражает объем анализируемых диагностических вопросов, включая определение возраста, пола, профессии, а также в ряде других аспектов, не связанных непосредственно с идентификацией. Сам термин «диагностические» заимствован из медицины и является несколько условным и ограниченным, но если его рассматривать в широком криминалистическом плане, к диагностическим относятся и ситуационные исследования. Применительно к экспертизе следов зубов этот термин полностью отражает и объем рассматриваемых диагностических задач [6].

В криминалистической литературе имеются различные подходы к дифференциации вопросов, решаемых при идентификационном и диагностическом исследованиях. Эти исследования часто являются неотъемлемыми частями одной экспертизы, в ходе производства которой нередко решаются связанные между собой задачи криминалистической экспертизы.

В экспертных исследованиях следов зубов решение диагностических вопросов занимает значительное место (около 50 %) и носит самостоятельный характер. Разграничение теоретических и практических аспектов идентификационных и диагностических исследований следов зубов имеет огромное значение. Изучая текущее состояние объекта, условия, в которых возникли следы, а также анатомические и патологические характеристики зубов, оставивших эти следы, специалисты могут более глубоко осмыслить суть изучаемых фактов и их взаимосвязь. При описании данного типа исследования необходимо учитывать два основных аспекта: первый – это анализ реального состояния объекта, его свойств и общих характеристик, а второй – исследование следов, условий их образования и времени формирования, а также других факторов, касающихся рассматриваемого инцидента [4].

На каждом этапе процесса проведения идентификации эксперт постоянно сталкивается с делением предметов на группы на основании сходства или различия с предметами другой группы, распределением признаков и свойств. Такое распределение принято объединять одним понятием «классификация». В основу идентификационной классификации могут быть положены только идентификационные признаки [8].

В теории криминалистической идентификации отмечается, что не все признаки объектов (общие и частные) могут быть признаны идентификационными. Идентификационными считаются только те, которые отображают свойства, индивидуализирующие объект либо определяющие его групповую принадлежность. Они относительно стабильны, редки, специфичны для данного объекта, допустимы для выявления, изучения и сравнительного исследования.

Идентификационные признаки делятся на общие и частные. Общие признаки отражают универсальные свойства объекта, оставляющего следы, в то время как частные признаки демонстрируют особенности отдельных элементов рельефа и их поверхности. В совокупности эти общие и частные идентификационные признаки формируют уникальность и индивидуальность, присущую конкретному объекту.

В контексте экспертизы следов зубов в настоящее время успешно применяется комплекс идентификационных признаков человеческих зубов. Существуют разработанные методические подходы к исследованию их следов, а также научные данные, достаточные

для эффективной идентификации. Тем не менее некоторые элементы этой методологии требуют дальнейшего развития, а классификация признаков зубов человека нуждается в уточнении и совершенствовании для повышения ее эффективности.

В ходе криминалистической экспертизы зубов и их следов наряду с идентификационными разрешаются и диагностические вопросы.

Как уже отмечалось, диагностические исследования представляют собой самостоятельную категорию криминалистической экспертизы. Они по своей природе противопоставляются идентификационным, так как их целью не является установление тождества объектов. В случаях, когда производится сравнительное исследование, оно не сводится лишь к процессу отождествления, вместо этого применяются иные параметры. Следовательно, диагностические и идентификационные исследования различаются как по содержанию, так и по своим целям [5].

Понимание задач диагностических исследований можно улучшить, рассмотрев ориентировочный перечень вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертом. В частности, необходимо определить: оставлены ли следы зубами человека или животного, каким конкретно типом челюсти они были созданы, подходят ли следы для целей идентификации, какие именно зубы (резцы, клыки и др.) оставили следы, каков возраст лица, чьи следы исследуются, какова половая принадлежность этого человека, какие болезни могли присутствовать у него, а также какая профессия может соответствовать человеку, чьи зубы или следы были предметом исследования [3].

Для получения достоверных ответов на данные вопросы необходимо глубокое понимание процессов изменения зубов на протяжении роста и старения, отличительных признаков зубов у мужчин и женщин, а также изменений, которые могут происходить как у отдельных зубов, так и у всего организма в результате различных заболеваний.

Все это подчеркивает, что исследование следов человека, и в частности, зубов, представляет значительный интерес в контексте решения идентификационных и диагностических задач, изучения природы веществ, оставшихся в следах, и механизма их формирования.

Зубы человека обладают набором специфических признаков, которые отличаются высокой степенью индивидуальности и четко отражаются в следах, что значительно способствует установлению тождества, раскрытию преступлений и ведению розыскных меро-

приятий, а также выражаются в совершенствовании и повышении эффективности одной из традиционных трасологических экспертиз – экспертизы следов зубов человека, которая все чаще в последнее время приобретает характер комплексного исследования [1].

Таким образом, можно сказать, что работа со следами занимает ключевое место в деятельности следователя, связанной с вещественными доказательствами. Кроме того, развитие и усовершенствование криминалистической теории о следах является одной из приоритетных задач современной криминалистики.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза : курс общей теории. М. : Норма, 2008.
2. *Майлис Н.П.* Введение в судебную экспертизу. М. : Юнити-Дана, 2011.
3. *Майлис Н.П.* Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс : учебное пособие для студентов вузов. М. : Юнити-Дана, 2015.
4. *Майлис Н.П.* Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.
5. *Грановский Г.Л.* Основы трасологии. М., 1965.
6. Трасология : учебник / под ред. Н.П. Майлис. М., 2014.
7. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2001 г. № 23. Ст. 2291.
8. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511. Доступ из СТРАС «Юрист».

Криминалистическая характеристика опийного наркорынка. Соотношение опиатов и опиоидов в структуре наркорынка

Аннотация

В настоящей статье затрагивается вопрос о значении структурного анализа опийного наркорынка, как одного из ключевых элементов криминалистической характеристики [1, с. 43] опийного наркорынка. Автор уделяет внимание тому обстоятельству, что соотношение (величина удельного веса) в структуре опиаты и опиоиды позволяет сделать вывод об уровне формирования наркорынка на территории государства за счет преимущественно контрабандных поставок или внутреннего производства. Чем точнее будут полученные данные, тем эффективнее удастся ориентировать стратегию противодействия опийному наркорынку, что особенно актуально в условиях нехватки кадровых ресурсов в правоохранительной системе.

***Ключевые слова и словосочетания:** криминалистическая характеристика; опиаты; опиоиды; производные; наркорынок; структура наркорынка.*

Вопросы противодействия распространению опийного наркорынка периодически затрагиваются в научной литературе, при этом особое внимание уделяется тенденциям его развития [2, с. 523]. Анализ криминалистической характеристики таких преступлений свидетельствует о том, что особую сложность представляет поиск источников происхождения, изъятого из незаконного оборота наркотического средства опийной группы. В большинстве случаев правоохранители пресекают одну из звеньев незаконного оборота (потребители, перевозчики, распространители), которые в сущности своей являются лишь «верхушкой айсберга» опийного наркорынка. Очевидно, что пресечение незаконной деятельности одних лишь сбытчиков, перевозчиков и потребителей недостаточно для уничтожения основ опийного наркорынка, но на основе анализа уже имеющейся информации о выявленных фактах противоправной деятельности вполне возможно получить достоверную информацию об имеющихся незаконных

производствах опиатов и опиоидов, а также приблизительно рассчитать их производственные мощности.

Прежде чем перейти к структурному анализу имеющихся данных структуры опийного наркорынка, необходимо уточнить сущностное различие понятий опиаты и опиоиды. В самом общем виде понятие «опиаты» охватываются наркотические средства, полученные из встречающихся в природе соединений алколоидов опия, которые содержатся в растениях мака. К наркотическим средствам опиатной группы относятся: опиум, кодеин, морфин. Понятие «опиоиды» включает в себя наркотические средства, синтезированные из опиатов и оказывающие схожее действие, то есть опиоид это вещество природного, синтетического или частично синтетического происхождения, воздействие активной части которого на организм человека осуществляется посредством воздействия на опиоидные рецепторы в головном мозгу и, соответственно, оказывающие опиатоподобное действие [3]. К опиоидам относятся: метадон, гидроморфин, ترامadol, омнопон, промедол, фентанил [4].

Правоохранительными органами Республики Таджикистана и России накоплен значительный опыт противодействия незаконному обороту наркотических средств, в том числе по противодействию преступлений, являющихся элементами наркотрафика наркотических средств опийной группы. Безусловным подтверждением наличия сформировавшейся системы противодействия являются следующие статистические данные: в 2021 году правоохранительными органами Республики Таджикистан из незаконного оборота изъято 4 083,3 килограммов наркотических средств из которых 251,9 килограммов героина (правоохранительными органами России соответственно 21 242,05 килограммов из которых 551,39 килограммов героина); в 2022 году правоохранительными органами Республики Таджикистан из незаконного оборота изъято 4991,17 килограммов наркотических средств из которых 243,58 килограммов героина (правоохранительными органами России соответственно 16 957,86 килограммов из которых 722,83 килограммов героина); в 2023 году правоохранительными органами Республики Таджикистан из незаконного оборота изъято 5 282,81 килограммов наркотических средств из которых 421,58 килограммов героина (правоохранительными органами России соответственно 16 099,16 килограммов из которых 393,96 килограммов героина) [5, 6].

Достичь указанных количественных показателей по изъятию из незаконного оборота наркотических средств опийной группы правоохранительным системам России и Республики Таджикистан удалось по результатам следующей проделанной работе:

- в 2021 году в России выявлено 179 732 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, из них: 132 157 тяжких

и особо тяжких, 64 445 совершенных в крупном и особо крупном размерах, 103 446 фактов сбыта, 695 фактов контрабанды. По признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 228, 228.1, 228.2 УК РФ, было выявлено 172 092 преступлений, из которых 103 446 фактов сбыта, 581 фактов производства, 328 фактов пересылки. В Республике Таджикистан выявлено 694 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств;

- в 2022 году выявлено 177 741 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, из них: 135 580 тяжких и особо тяжких, 65 438 совершенных в крупном и особо крупном размерах, 110 895 фактов сбыта, 286 фактов контрабанды. По признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 228, 228.1, 228.2 УК РФ, было выявлено 171 099 преступлений, из которых 110895 фактов сбыта, 829 фактов производства, 345 фактов пересылки. В Республике Таджикистан выявлено 688 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств;

- в 2023 году выявлено 190 988 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, из них: 150 442 тяжких и особо тяжких, 68 605 совершенных в крупном и особо крупном размерах, 126 159 фактов сбыта, 275 фактов контрабанды. По признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 228, 228.1, 228.2 УК РФ, было выявлено 184 113 преступлений, из которых 126 159 фактов сбыта, 850 фактов производства, 380 фактов пересылки. В Республике Таджикистан выявлено 699 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Структурный анализ приведенных данных позволяет сделать вывод об ориентированности современного опийного наркорынка, в частности сформировавшегося между Россией и Республикой Таджикистан, на производственный потенциал. Вполне вероятно предположить, что на территории постсоветского пространства функционируют подпольные цеха по производству «опиоидов». Так как наркотрафик между Россией и Республикой Таджикистан может осуществляться через ряд других государств (автомобильный и железнодорожный транспорт), а также напрямую (воздушный транспорт), на маршруте трафика возможно размещение производств, в которых «опиаты» будут перерабатываться в «опиоиды». Такая переработка значительно уменьшает вес (возрастает провозная способность наркотрафика), увеличивается цена, любое производство, в том числе и незаконное создает добавленную стоимость, как бы ни трагикомично это не выглядело. Сведения о выявляемых производствах наркотических средств свидетельствуют о том, что ни одну из стран, находящихся на территории постсоветского пространство мы не можем исключать как потенциальную площадку для размещения нарколабораторий. Так, например, самая крупная за всю историю нарколаборатория в России по производству синтетических наркотических средств

была обнаружена сельским участковым в сельской местности рядом с г. Санкт-Петербургом [7].

Приведенную последовательность цепочки структурного анализа опийного наркорынка вполне возможно рассматривать как аналитическую модель производственного потенциала, которая находится на вооружении экономической науки и применяется для оценки производственных мощностей, соответственно более углубленный структурный анализ наркорынка позволит дополнить криминалистическую характеристику наркопреступлений новыми данными о таких обстоятельствах преступной деятельности как вероятный регион производства, используемое сырье и его происхождение, используемое оборудование и уровень подготовки работников.

Список литературы:

1. Суров О. А. Понятие, содержание и структура криминалистической характеристики незаконного международного наркотрафика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4.

2. Юнусов М. Д., Кужевская Е. Б. Современные тенденции незаконного оборота наркотиков // Актуальные проблемы предварительного расследования : сборник научных статей международных научно-практических конференций. СПб., 2022.

3. Владимиров В. Ю. «Опийные» войны. Генезис Современности // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. СПб., 2024.

4. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 1998 г. № 681. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Министерство внутренних дел России : официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 13.01.2025).

6. АКН Республики Таджикистан : официальный сайт. URL: <https://tjinform.com/> (дата обращения: 13.01.2025).

7. Самую крупную нарколабораторию в России нашел сельский участковый Петров. URL: <https://www.kp.ru/daily/27078/4149684> (дата обращения: 17.01.2025).

Дарья Владимировна Бобровская,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: bobrovskaya.darya@yandex.ru
Алексей Владимирович Красильников,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России
E-mail: 89619310910@yandex.ru

Нормативный правовой акт в системе источников уголовно-процессуального права

Аннотация

В статье автор преследует цель определить место и роль нормативного правового акта в системе источников уголовно-процессуального права. Отдельное внимание уделяется разграничению существенных признаков нормативного правового акта как формы уголовно-процессуального права и как его источника.

Ключевые слова и словосочетания: *нормативный правовой акт; форма права; источники уголовно-процессуального права; система формальных источников уголовно-процессуального права.*

Право можно рассматривать как идеальное явление, существующее вне зависимости от человека, общества и государства. В таком понимании право предстает в виде природной закономерности, которую только предстоит познать. При этом, поскольку право предстает в виде некой абстракции, его познание опытным путем невозможно. Априорное же познание феномена права не всегда позволяет мыслить его содержание адекватно реальности. В связи с изложенным возникает необходимость в определенном способе выражения права в реальном мире. В таком случае источник права выступает в качестве средства выражения содержания права, отражения его сущности. Важным будет отметить, что источники права имеют исторически-национальный характер, обусловленный принадлежностью к конкретной правовой системе [1].

Основным источником права в российской правовой системе, в силу принадлежности ее к романо-германской правовой семье, признается нормативный правовой акт. В частности, в системе источников уголовно-процессуального права главная роль отводится Уголовно-

процессуальному кодексу Российской Федерации. Указанное соответствует сложившейся правовой традиции, согласно которой основополагающие принципы построения отрасли права находят отражение в кодифицированном акте, который закладывает ее фундамент, а также определяет дальнейшее развитие основополагающих институтов и характер их взаимосвязи. Одновременно с этим нормативный правовой акт является элементом целостной системы формально-юридических источников права, которые обычно определяют как исходящие от государства и признаваемые им официально-документальные формы(способы) выражения и закрепления норм права, имеющие юридическое, общеобязательное значение [4].

Современное право представляет собой юридически оформленное социально-правовое явление, реально существующее в правовой действительности, что приводит к смещению акцентов от идеальных естественно-правовых начал права к его эмпирическому выражению в виде позитивного законодательства. В частности, В.С. Шадрин полагает, что в настоящий момент уголовно-процессуальное право также следует признавать позитивным [13], что вполне оправдано, учитывая, что естественное право в отличие от позитивного не обладает признаком общеобязательности в силу абстрактности своего содержания, тогда как правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства требует формальной определенности.

Позитивное право неизменно ассоциируется с государством. *В первую очередь, оно находит свое выражение в системе формальных источников права.* Исходя из ведущей роли государства в формировании уголовного процесса, факт преобладания формально-юридического подхода к определению источников уголовно-процессуального права является вполне оправданным, так как удовлетворяет практический интерес как законодателя, так и правоприменителя. Здесь право предстает в виде реального фактически осязаемого нормативного регулятора, существующего в законах и иных официальных документах, на основе которого определяется мера дозволенного поведения, а также выносятся императивно-властные решения судов и других государственных органов [2]. В свою очередь, ограничение представлений о праве рамками нормативного правового акта, позволяет исчерпывающе определить круг его источников, что также имеет огромное практическое значение. Здесь уместно будет отметить, что по замечанию Н.М. Коркунова, на уровне правоприменительной практики понимание права преимущественно ограничивается установленными в законе предписаниями [7]. Отсюда справедливым видится мнение, высказанное Ф.М. Гаджиновой, согласно которому, несмотря на противоречивость приравнивания форм позитивного права к источникам права, в узкоюридическом

смысле официальные формы внешнего выражения права в сущности могут сохранять имя источников права, поскольку приобретают значение «исходного начала» в рамках правоприменения [6].

В таком случае, вполне закономерным является то, что долгое время понятия источник и форма права признавались синонимичными, в виду чего их разграничение между собой не проводилось. Действительно, тогда, когда речь идет о формально-юридических источниках права, по замечанию М.Н. Марченко, вполне возможно совпадение формы права с его источником [9]. В частности, И.В. Упоров считает, что отождествление формы права и источника права возможно по той причине, что «без надлежащей формы право не может функционировать» [12]. Отсюда представляется затруднительным отделить друг от друга два смысловых значения нормативного правового акта, что дает возможность одновременно рассматривать его в обоих указанных значениях. В контексте данных рассуждений принципиально важным видится отметить, точку зрения М.Ю. Спирина. По его мнению, романо-германская правовая традиция предполагает принципиальную невозможность того, что любой источник права обладает способностью приобретать свойства официальной признанной формы права. В то время форма права, в силу концентрированности в ней правовой материи, в сущности будет являться источником права [10].

Представляется, что источник права как понятие наиболее близкое к праву и несущее основные его свойства, является средством его познания¹, неким «проводником» правовой идеи, заключенной в естественном праве, из чего возникает необходимость в определенном способе его выражения в реальном мире, придания ему правовой формы. Источники права изначально зарождаются в виде абстрактных идей, ценностей и только в последствии отражаются в реальной конкретной социально-правовой действительности в определенной форме. Отсюда мы полагаем, что источники уголовно-процессуального права предшествуют его формальному закреплению и создают необходимую основу для последующего действия конкретных юридических норм. В частности, нормативный правовой акт можно рассматривать как результат взаимодействия идеи права и созидательной правотворческой деятельности человека, представляющий собой конечную форму, в которую облекается право. Поскольку его возникновению, как правило, предшествуют уже существующие правовые феномены, то его принято относить к вторичным источникам права, что подчеркивает его производность от права как категории более высокого порядка.

¹ В частности, в таком качестве источники права рассматриваются: *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1907.; *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1910.

Объективация права в положительном законодательстве позволяет представить его как формально-определенное явление, что дает возможность познавать право как часть эмпирической действительности. В свою очередь, нормативность правовых актов, их формальная определенность, признание государством и обеспеченность его принудительной силой, определяют ведущую роль нормативного правового акта в системе источников уголовно-процессуального права [8]. Наряду с этим нормативный правовой акт как формально-юридический источник права обладает такими свойствами, как цельность (единство), устойчивость (гарантированность) и способность к единообразному восприятию всеми субъектами правовой системы [5].

Вместе с тем, представляется, что даже на отраслевом уровне проблема источников права не должна подчиняться исключительно практическим задачам. Полагаем, что источники уголовно-процессуального права не должны рассматриваться исключительно как способ объективации уголовно-процессуальных норм. Смещение понятий форма права и источник права приводит к тому, что свойства нормативного правового акта как формы объективизации содержания правовой нормы, переносятся на нормативный правовой акт как на источник уголовно-процессуального права, что не совсем корректно.

Нормативный правовой акт как бы находится на стыке между естественным правом и правом позитивным. С одной стороны, его содержание соотносится с правом в его идеальном понимании, поскольку так или иначе в нем находит отражение сама идея права. С другой стороны, в силу субъективного преломления положительное право несколько отличается от исходного естественного права. Искажения, происходящие в результате объективации права, являются результатом воздействия многих факторов. В итоге в процессе создания нормативного правового акта находят свое отражение не только социально значимые интересы и правовые идеи, но и субъективные факторы, включающие в себя политическую волю, правосознание законодателя [3]. Созидательный характер формирования правовых актов, выраженный в правотворческой деятельности, позволяет проследить процесс перехода идеи права в ее материальное воплощение в виде правовой нормы или, как в случае с нормативным правовым актом, их совокупности [11].

Подводя итоги наших размышлений, считаем, что нормативный правовой акт является наиболее универсальным и эффективным способом выражения права, поскольку в наибольшей степени отвечает требованиям правоприменительной практики. Вместе с тем двойственность его природы позволяет одновременно рассматривать его и как форму права, и как источник уголовно-процессуального права.

Список литературы:

1. *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.
2. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : Статут, 2010. 471 с.
3. *Афанасьев В.С.* Правообразование и правотворчество // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4).
4. *Богатова О.В.* Нормативный правовой акт как источник права: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 20 с.
5. *Бочков А. А., Гурщенков П.В.* Источники права от формы к содержанию : монография / под ред. Р.А. Ромашева. СПб. : Алетейя, 2022. 482 с.
6. *Гаджинова Ф.М.* Источники права и их система в современном российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
7. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. М. : Юрайт, 2024. 352 с.
8. *Крамской И. С., Лысенко В. А., Рязанова Н.А.* Особенности нормативно-правового акта как источника российского права // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4.
9. *Марченко М.Н.* Источники права : учебное пособие. М. : Проспект, 2016. 768 с.
10. *Спирин М.Ю.* Соотношение источников права и форм права в условиях господства формально-позитивного (легистского) подхода в юриспруденции // Право и современное государство. 2023. № 1.
11. *Спирин М.Ю.* Основные проблемы цифровизации формальных источников права // Вопросы теории и истории государства и права. 2021. № 2 (93).
12. *Упоров И.В.* Социальная реальность как первооснова источников права // Научный аспект. 2024. № 5.
13. *Шадрин В.С.* Формирование реального правового регулирования в практике применения уголовно-процессуального закона // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5. № 2.

Даниил Викторович Гирьятович,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: dv.gir@ya.ru

Разоблачение фальсификации доказательственной информации на электронных носителях

Аннотация

В статье раскрыто понятие разоблачения фальсификации доказательственной информации, показаны особенности применительно к цифровой информации. Приведена система тактических задач, направленных на разоблачение фальсификации доказательственной информации на электронных носителях.

Ключевые слова и словосочетания: фальсификация; доказательственная информация; электронный носитель информации; противодействие расследованию преступлений; разоблачение.

Актуальность решения научной задачи, состоящей в определении содержания разоблачения фальсификации доказательственной информации на электронных носителях, обусловливается закономерностями цифровой трансформации преступности, которая выражается в изменениях механизма совершения преступлений, возникших в доцифровую эпоху, и в возникновении новых видов преступлений, непосредственно связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и технических средств сбора, обработки, хранения компьютерной информации, а также ее передачи по линиям связи [2, с. 6]. Профессор Ю. В. Гаврилин к числу тенденций указанной трансформации относит: развитие дистанционных способов совершения преступлений; совершенствование способов сокрытия преступлений, основанных на использовании сервисов анонимизации личности в цифровом пространстве; использование криптовалют в криминальных взаиморасчетах; использование технологий искусственного интеллекта в противоправной деятельности и др. [2, с. 7–17].

Сказанное подтверждается в соответствующих в данных МВД России¹: в 2024 году зарегистрировано 765,4 тыс. преступле-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 12.01.2025).

ний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1 % больше, чем в 2023 году. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8 % до 40,0 %. Почти половина таких преступлений (48,2 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (369,3 тыс.; рост на +7,8 %), четыре преступления из пяти (84,8 %) совершаются с использованием сети Интернет (649,1 тыс.; рост на +23,2 %), почти половина (45,2 %) – средств мобильной связи (346 тыс.; рост на +14,3 %).

Цифровая трансформация влияет на совершенствование способов фальсификации доказательственной информации на электронных носителях [3] и актуализирует выработку и совершенствование мер по ее разоблачению. Однако широко применяемый в криминалистической науке термин разоблачение [7, с. 64; 10, с. 14, 17, 22; 11, с. 4, 6, 20, 24] не имеет четкой интерпретации, что не позволяет сформулировать перечень тактических задач, связанных с разоблачением фальсификации доказательственной информации на электронных носителях и соответствующих криминалистических методов и средств по их разрешению.

Полагаем, что поскольку фальсификация доказательственной информации представляет способ противодействия расследованию преступлений, то ее разоблачение включается в систему действий, направленных на ее преодоление. Система мер преодоления противодействия расследованию шире по объему, чем меры по его разоблачению.

Заметим, что фальсификация доказательственной информации, как способ противодействия расследованию преступлений, включает в свой объем как совершение уголовно наказуемых деяний, предусмотренных, например, ст. 303 УК РФ и др., так и деяния, формально не являющиеся уголовно наказуемыми. Однако в обоих случаях данные обстоятельства входят в объективную сторону преступления и в соответствии с ст. 73 п. 1 УПК РФ подлежат доказыванию. В науке отмечается, что собранные при расследовании сведения о противодействии подозреваемого (обвиняемого) и иных связанных с ним лиц впоследствии используются судом в ходе судебного разбирательства и вынесения решения по делу; учитываются они и при определении виновному меры наказания [8, с. 31].

Учитывая, что термин разоблачение в криминалистической литературе нередко рассматривается в связке с термином выявление или распознавание, то видится необходимость проведения их соотношения.

Профессор В.П. Лавров отмечает, что выявление противодействия состоит из деятельности следователя (дознателя, оператив-

ного работника) по обнаружению и оценке признаков как начавшегося, так и возможного противодействия [6, с. 54]. Возникает вопрос, в какой момент начинается разоблачение? Тогда, когда признаки противодействия уже выявлены? Или разоблачение уже включает в себя этап обнаружения признаков? Исходя из того, что разоблачение без фальсификации доказательственной информации невозможно без обнаружения ее признаков, что дает основания для последующих действий, включая установление лиц, совершивших противодействие, закрепление (фиксацию) обнаруженных признаков фальсификации в материалах уголовного дела и др., то мы полагаем, что разоблачение выступает более широким понятием, включающим в себя выявление. Таким образом, выявление является одним из этапов разоблачения [4].

Однако недостаточно лишь выявить фальсификацию доказательственной информации. В рамках разоблачения также необходимо закрепить выявленные признаки подобной фальсификации в материалах дела, что в свою очередь является отправной точкой для осуществления последующих действий по установлению обстоятельств ее совершения, а также пресечению и нейтрализации такого противодействия. При этом мы полагаем, что разоблачение не включает в себя такую категорию, как пресечение, поскольку первое состоит в выявлении тайных негативных замыслов, а последнее выражается в активном недопущении продолжения противодействия, в связи с чем разоблачение может выступать этапом, предшествующим пресечению и нейтрализации негативных последствий фальсификации доказательственной информации.

Учитывая вышеизложенное, разоблачение фальсификации доказательственной информации – это деятельность по установлению факта совершения лицом подобных действий и иных обстоятельств, необходимых для последующего пресечения такого противодействия и нейтрализации его последствий.

Рассматривая разоблачение фальсификации доказательственной информации на электронных носителях, отметим, что оно включает в себя ряд тактических задач, к которым относятся:

Обнаружение, фиксация и изъятие электронных носителей, на которых может содержаться криминалистически значимая информация. Данная задача носит обеспечивающий характер, поскольку позволяет собрать релевантную цифровую доказательственную информацию, содержащуюся на различных электронных носителях. От того, насколько полно и качественно осуществлены действия по обнаружению электронных носителей, фиксации и изъятию содержащейся в них цифровой информации зависит возмож-

ность обнаружения признаков фальсификации доказательственной информации, так как неграмотные действия могут повлечь уничтожение или искажение криминалистически значимой информации.

Исследование криминалистически значимой информации. Значимость решения данной задачи проявляется в возможности выявить признаки фальсификации доказательственной информации на электронных носителях, включающих общие (несоответствие формата файла какому-либо установленному образцу; неправильная структура записи, например, электронного журнала регистрации информационной системы; несоответствующие или отсутствующие метаданные файла; противоречия между информацией, содержащейся в различных частях одного и того же файла; противоречия между информацией, содержащейся в разных файлах; противоречия между информацией в файле и информацией, полученной из иных источников; признаки наличия следов использования того или иного программного или аппаратного средства, предназначенного для модификации цифровой информации) и частные, дифференцируемые в зависимости от конкретного вида цифровой информации [5].

Установление способа фальсификации, а также использованных орудий, средств и их следов. Отметим, что способы фальсификации доказательственной информации на электронных носителях, классифицируемые в зависимости от вида такой информации [3], отражаются, в частности, в вышеуказанных признаках. Кроме того, в науке обосновано [3, с. 114], что способы «компьютерных преступлений» в зависимости от доступа к компьютерным средствам и системам дифференцируются на совершенные непосредственным доступом и совершенные опосредованно (т. е. удаленно через компьютерные сети – локальные или глобальные).

Наше эмпирическое исследование показывает, что в большинстве случаев при фальсификации доказательственной информации на электронных носителях используется непосредственный доступ (68,3 %), а в 31,7 % случаев – удаленный.

Указанное влияет на специфику подходов по установлению орудий и средств подобной фальсификации. К их числу по материалам изучения приговоров по уголовным делам можно отнести: программное обеспечение (89,1 %), компьютеры и ноутбуки (82,6 %), сеть Интернет (62 %) и мобильные устройства (16,3 %).

Например, если признаки фальсификации обнаружены на изъятых электронных носителях, у которых отсутствует возможность подключения к сети, тогда необходимо осуществить исследование содержащейся на них информации с использованием как штатных, так и специализированных программ, по выстраиванию последова-

тельности действий в информационной системе, установлению факта подключения различных устройств к ней, списка последних запускаемых программ и файлов в них и др.

Особенности исследования опосредованного способа совершения фальсификации доказательственной информации заключаются в необходимости устанавливать устройство, с которого осуществлялся выход в сеть, узлы, через которые проходила цифровая информация. В частности, это связано с выявлением активного сетевого оборудования и исследованием содержащейся на нем криминалистически значимой информации, такой как IP-адреса, MAC-адреса, записи журналов регистрации событий, статистика сетевого трафика и информация о подключенных к сетевому оборудованию устройствах (например, идентификационные данные, типы устройств, периоды активности и т. д.) [9, с. 212]. К такому оборудованию в науке относят следующие типы устройств [12, с. 32]: сетевой адаптер, коммутатор, маршрутизатор, ретранслятор, медиаконвертер и сетевой трансивер. Отметим, что исследование данных сетевого трафика позволяет устанавливать широкий круг обстоятельств, связанных с работой лица в сети. Подчеркнем, что указанные действия требуют применения специальных знаний.

Установление лица, совершившего фальсификацию доказательственной информации на электронных носителях, сопряжено с трудностями, обусловленными, во-первых, таким свойством цифровой информации, как обезличенность, и, во-вторых, возможностями анонимизации личности в сетевом пространстве, что в совокупности усложняет решаемую задачу.

Полагаем, что в процессе установления лица, совершившего подобную фальсификацию, большое значение имеет взаимодействие следователя и сотрудника, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность по выдвижению и проверке версий. Большой интерес в данном аспекте представляют выводы А.А. Балашовой [1, с. 47] относительно типов цифровой информации, дифференцированной на общедоступную и необщедоступную, что помогает сузить круг подозреваемых. Например, если сфальсифицирована информация, относящаяся к необщедоступной, то, вероятно, злоумышленник имел к ней доступ или несанкционированно завладел ею, оставив следы.

В процессе деанонимизации лица возможно использование данных, которые при подменном сетевом идентификаторе остаются неизменными и позволяют в своей совокупности при некоторой фильтрации и сопоставлении идентифицировать подлинное устройство (например, к таким данным можно отнести: время нахождения в сети, разрешение экрана, количество переданного и полученного

трафика, протокол и другие характеристики). В случае подмены, например, номеров с использованием SIP-телефонии, если при этом задействованы иностранные провайдеры, то необходимо получение от отечественных операторов связи следующих сведений: наименование провайдера, дата и время соединения, продолжительность соединения и IP-адрес сервера, которые при сопоставлении с иной технической информацией позволяют деанонимизировать устройство.

Установление и оценка последствий фальсификации доказательственной информации на электронных носителях. В результате проведенного эмпирического исследования констатируем, что к последствиям рассматриваемой фальсификации относят:

- выдвижение ложных версий по раскрытию и расследованию преступления (71 %);
- исключение возможности использования такой информации в качестве доказательства по уголовному делу в будущем (46,8 %);
- признание приобщенного доказательства недопустимым (27,4 %);
- избежание лицом мер уголовно-процессуального пресечения (43,5 %);
- необоснованное применение к лицу мер уголовно-процессуального пресечения (19,4 %);
- привлечение невиновного к уголовной ответственности (25,8 %).

На фоне вышеизложенного повышается важность выявления связей между выявленной сфальсифицированной информацией, принятыми на ее основе решениями субъектов расследования и последовавшим от этого ущербом. Указанная задача предполагает по возможности восстановление достоверности сфальсифицированной информации и ее использование в уголовном судопроизводстве с целью преодоления негативных последствий.

Значение сформулированных задач в том, что они определяют соответствующие криминалистические методы и средства по их решению.

Таким образом, понятие «разоблачение» в контексте криминалистического учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению является самостоятельной категорией, находящейся во взаимосвязи с иными категориями названного учения. Из содержания разоблачения формулируются характерные тактические задачи, которые обуславливают применение различных криминалистических методов и средств.

Список литературы:

1. *Балашова А.А.* Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
2. *Гаврилин Ю. В.* О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : научно-практическое пособие. М. : Академия управления МВД России, 2021. 72 с.
3. *Гаврилин Ю.В.* Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
4. *Гирьатович Д.В.* Классификация способов фальсификации доказательственной информации в условиях цифровой трансформации преступности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4 (28).
5. *Гирьатович Д.В.* Система признаков фальсификации доказательственной информации на электронных носителях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43).
6. *Лавров В.П.* Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : курс лекций. М. : Академия управления МВД России, 2011. 148 с.
7. *Попов В.П.* Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 214 с.
8. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. 3-е изд. М. : Юрайт, 2021.
9. *Ращупкина В.А.* Обнаружение и фиксация доказательственной информации в сетевом оборудовании при расследовании преступлений экономической направленности // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2024.
10. *Ушенин А.В.* Распознавание и разоблачение инсценировок и фальсификаций при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 22 с.
11. *Холевчук А.Г.* Фальсификация как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 225 с.
12. Cisco Networking Academy Program CCNA 3 and 4 Companion Guide. М. : «Вильямс», 2006

Возможности получения голосовой информации при наложении ареста на почтово-телеграфные отправления

Аннотация

С принятием Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ у органов предварительного расследования появилась возможность получения передаваемых по сетям электросвязи электронных сообщений в соответствии с ч. 7 ст. 185 УПК РФ. Однако, порядок получения голосовой информации подобным способом в правовой науке, следственной и судебной практике не нашел своего отражения.

***Ключевые слова и словосочетания:** голосовая информация; электронные сообщения; расследование; осмотр; выемка.*

Федеральным законом № 375 от 6 июня 2016 года в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) введена ч. 7 ст. 185. Применение указанной нормы стало возможно лишь после вступления в силу Федерального закона № 374¹ (далее – ФЗ № 374), которым внесены изменения в Федеральные законы «О связи»² (далее – ФЗ «О связи») и «Об информации, информационных технологиях, и о защите информации»³ (далее – ФЗ «Об информации»), возложившие на операторов связи, организаторов распространения информации в сети Интернет обязанность по хранению голосовой информации абонентов операторов связи и пользователей сети Интернет. В соответствии с ч. 2 ст. 19 ФЗ № 374, реализация ч. 7 ст. 185 УПК РФ должна была стать возмож-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087/ (дата обращения 12.02.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения 12.02.2025).

³ О связи : Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения 12.02.2025).

на с 1 июля 2018 года, когда организации телекоммуникационной инфраструктуры будут технически готовы к осуществлению хранения указанной информации.

Голосовая информация может передаваться посредством фиксированной телефонной, мобильной связи, электронной почты в виде аудиофайлов, сервисов обмена мгновенными сообщениями (далее – мессенджеры) в форме аудиосообщений, иных Интернет-технологий.

При использовании для передачи голосовых сообщений мессенджеров, электронной почты она подпадает под признаки электронных сообщений, которые содержатся в норме ч. 7 ст. 185 УПК РФ, поскольку в соответствии со ст. 2 ФЗ «О связи» под электросвязью понимается передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или *сообщений любого рода* по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам.

Однако, при получении голосовой информации на основании указанной нормы следователи сталкиваются с рядом правовых коллизий.

Организация связи, с которой должен взаимодействовать следователь в ходе производства рассматриваемого следственного действия, не является субъектом уголовно – процессуальных отношений.

В соответствии со ст. 2 ФЗ «О связи» оператором связи является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии; организацией связи является юридическое лицо, осуществляющее деятельность в области связи в качестве основного вида деятельности. Согласно ч. 1 ст. 10.1 ФЗ «Об информации» организатором распространения информации в сети Интернет является лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет.

Возможно предположить, что следователь при реализации ч. 7 ст. 185 УПК РФ должен взаимодействовать с операторами связи и организаторами распространения информации в сети Интернет, но в таком случае в ст. 185 УПК РФ должны фигурировать указанные организации, но не «учреждение связи», правовое значение которого не определено.

Так, С.В. Супрун придерживается рассуждений о том, что ч. 7 ст. 185 УПК РФ задумывалась для регулирования правоотно-

шений лишь при передаче электронных сообщений по федеральной почтовой связи, но если вышеуказанная норма предполагала осмотр и выемку всех существующих электронных сообщений, то в таком случае возникают правовые коллизии в части регламентации предмета указанного следственного действия и форм его производства, а также между смежными законами, устанавливающими правоотношения в сети Интернет [12]. Скорее всего, автор имел в виду противоречия между ч. 7 ст. 185 УПК РФ, ФЗ «О почтовой связи», ФЗ «О связи» и ФЗ «Об информации», а также правовой неопределенности, каким Законом руководствоваться при взаимодействии с «учреждениями связи».

Кроме того, не совсем понятны действия следователя (дознавателя) при реализации ч. 7 ст. 185 УПК РФ: необходимо ли посещение офиса «учреждения связи» в целях получения голосовой информации производством выемки, или же существует возможность их дистанционного получения, но в рамках какой процедуры?

Среди научного сообщества существуют позиции, поддерживающие возможность применения указанной нормы для осмотра и выемки электронных сообщений, но с учетом определенных условий, так и ее противники.

В.Ф. Васюков утверждает, что нормы ч. 7 ст. 185 УПК РФ не ограничивают следователя при осмотре и изъятии электронных сообщений в абонентских устройствах [2]. Утверждение спорно, скорее, осмотр предметов (ст.ст. 176, 177, 180 УПК РФ) более применимы уголовно-процессуальные нормы по отношению к осмотру абонентских устройств, поскольку детальнее регламентируют порядок осмотра.

О.М. Ефремова полагает, что следователь вправе произвести осмотр и выемку информации, хранение которой предусмотрено операторами связи в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 64 ФЗ «О связи», по решению суда, вынесенного в соответствии со ст. 165 УПК РФ и ч. 7 ст. 185 УПК РФ [5], однако акцентирует внимание на том, что технически использование указанной нормы осуществляется в форме, не присущей порядку, предусмотренному ст. 185 УПК РФ [6]. Но автор упускает также возможность их применения для получения голосовой информации, которую обязаны хранить организаторы распространения информации в сети Интернет согласно ч. 3 ст. 10.1 ФЗ «Об информации». О.М. Ефремова, принимая во внимание позицию Ю.А. Андриенко, предлагающего в целях формирования единой практики в применении норм права, касающихся получения компьютерной информации следственными органами, предусмотреть в УПК РФ правовые положения, регламентирую-

щие данную область [1], предлагает дополнить уголовно-процессуальный закон новым следственным действием «Получение компьютерной информации у операторов связи». Однако снова автор повторно указывает лишь операторов связи и упускает в своих предложениях получение голосовой информации у организаторов распространения информации в сети Интернет.

В.В. Гончар, Н.Н. Горач, Д.В. Галиев, Д.В. Гусев напротив предлагают применять ч. 7 ст. 185 УПК РФ для получения таких сообщений [4].

Более приемлемые позиции у противников применения ч. 7 ст. 185 УПК РФ. Так, по мнению А.Л. Осипенко, уголовно-процессуальный порядок, установленный УПК РФ, который предусматривает наложение ареста на почтовотелеграфные отправления, невозможно применять на практике при работе с электронными сообщениями [7].

Действительно, применение ч. 7 ст. 185 УПК РФ для выемки и осмотра таких сообщений невозможно, поскольку из смысла статьи 185 УПК РФ наложение ареста на почтово-телеграфные отправления предполагает выемку и осмотр корреспонденции в письменной форме на бумаге, либо иной физической форме предметов (посылок, бандеролей и др.), передачу которых возможно задержать как материальный объект, а ч. 7 указанной статьи не соответствует порядку, предусмотренному ч. 1–6 ст. 185 УПК РФ.

Л.В. Черепанова придерживается подхода, что ч. 7 ст. 185 УПК РФ невозможно использовать в целях изъятия электронных сообщений, а только для осмотра, а саму выемку необходимо производить в порядке, предусмотренном ст. 164.1 УПК РФ [13]. Скорее невозможно использовать не только выемку, но и осмотр, поскольку такие сообщения возможно осмотреть лишь при их содержании в пользовательском оборудовании, либо электронных носителях информации.

Е.И. Свежинцев считает, что возможно дополнение самой статьи 185 УПК РФ словом «... и копирование» [11]. Таким образом, конструкция нормы, как представляется, должна предполагать действия не по выемке, а по копированию электронных сообщений, поскольку такой термин более применим к голосовой информации, выраженной в форме аудиосообщений пользователей.

Т.И. Гарипов утверждает, что необходимо выделить отдельное следственное действие, которое касалось бы копирования и осмотра электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электро-связи сообщений [3]. В таком случае конструкция нормы должна четко регламентировать порядок их получения, с каких носителей

информации они могут быть изъяты, с какими «учреждениями связи» необходимо взаимодействовать следователю, что позволило бы исключить неоднозначные толкования норм уголовно-процессуального закона в части получения голосовой информации.

Так, в рамках ч. 7 ст. 185 УПК РФ судом было удовлетворено постановление следователя о возбуждении перед судом ходатайства о производстве осмотра абонентского устройства [9]. Доводы и аргументация суда в данном случае являются необоснованными, поскольку он обратился к ч. 7 ст. 185 УПК РФ и посчитал, что при осмотре сообщений, содержащихся в абонентском устройстве, необходимо решение суда. Осмотр абонентского устройства необходимо проводить в соответствии со ст.ст. 176, 177, 180 УПК РФ и без получения судебного решения. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что осмотр для изъятия информации из памяти абонентского устройства не предполагает вынесения для этого специального судебного решения [8].

Подобная аргументация содержится в ином решении суда: «осмотр электронных сообщений, содержащихся в мобильном устройстве, производился на основании решения районного суда в соответствии с ч. 7 ст. 185 УПК РФ по месту предварительного расследования, что соответствует уголовно-процессуальному закону» [10]. Указанное постановление суда вновь демонстрирует необоснованное применение ч. 7 ст. 185 УПК РФ при осмотре абонентского устройства, содержащего электронные сообщения.

В настоящее время в соответствии с ч. 1.1 ст. 64 ФЗ «О связи» и ч. 3.1 ст. 10.1 ФЗ «Об информации» в качестве субъектов получения голосовой информации у операторов связи и организаторов распространения информации в сети Интернет выступают органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). Следователь и дознаватель отсутствуют в ФЗ «О связи» и ФЗ «Об информации» в качестве подобных субъектов. По данной причине возможность ее получения у указанных организаций существует только в порядке направления поручения органу дознания.

Таким образом, ввиду недостаточной регламентации ч. 7 ст. 185 УПК РФ, предлагается рассмотреть вопрос о наделении следователей и дознавателей полномочием получать голосовую информацию, передаваемую по сетям электросвязи, по запросам, направляемым операторам связи и организаторам распространения информации в сети Интернет. Указанная мера предоставит возможность следователям напрямую взаимодействовать с указанными организациями телекоммуникационной инфраструктуры, чем обезопасит процесс получения голосовой информации от возможных

нарушений законности, а также потенциальных временных затрат ее получения, поскольку часто результаты ОРД не отвечают требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам. Кроме того, поручения органу дознания не всегда исполняются в срок не позднее 10 суток.

Список литературы:

1. *Андриенко Ю.А.* Отдельные аспекты использования информационных технологий и работы с электронными носителями информации в доказывании по уголовным делам // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32).
2. *Васюков В.Ф.* Осмотр, выемка электронных сообщений и получение компьютерной информации // Уголовный процесс. 2016. № 10 (142).
3. *Гарипов Т.И.* Вопросы процессуальной регламентации копирования и осмотра электронных сообщений в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 4 (38).
4. *Гончар В. В., Горач Н. Н., Галиев Д. В., Гусев Д.В.* Направление запросов при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершаемых с использованием IT-технологий: организации и располагаемые ими сведения : методические рекомендации. М. : Следственный департамент МВД России ; Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. 44 с.
5. *Ефремова О.М.* Процессуальные механизмы получения следователем информации об электронных сообщениях при расследовании уголовных дел // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1 (23).
6. *Ефремова О.М.* Реализация полномочий следователя, направленных на получение и использование компьютерной информации при производстве следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2021. 32 с.
7. *Осипенко А.Л.* Особенности расследования сетевых компьютерных преступлений // Российский юридический журнал. 2010. № 2.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Евгения Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 93, 176, 177 и частью второй статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Определение Конституционного Суда Рос. Федерации

от 24 июня 2021 г. № 1364-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление 5 гарнизонного военного суда от 1 августа 2017 г. по делу № 3/7-4/2017. URL: <https://actofact.ru/case-61GV0015-3-7-4-2017-2017-08-01-3-0/> (дата обращения 20.02.2025).

10. Постановление Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 10 апреля 2018 г. по делу № 3/10-63/2018. URL: <https://actofact.ru/case-25RS0002-3-10-63-2018-2018-03-26-3-0/> (дата обращения 20.02.2025).

11. *Свежинцев Е.И.* Уголовно-процессуальные средства получения доступа к информации, содержащейся в электронных системах обмена сообщениями (данными) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48).

12. *Супрун С. В.* О противоречивом характере новеллы в законодательном регулировании следственного действия «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления» // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 1.

13. *Черепанова Л.В.* Процессуальный порядок получения сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, при производстве по уголовному делу // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19-1.

Дмитрий Станиславович Гордеев,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: dsgordeev@list.ru

Тактические аспекты расследования преступлений против здоровья человека, совершенных лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей, возникающих у органов предварительного следствия в процессе расследования преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. На основе результатов анкетирования следователей следственных органов Российской Федерации выявлены и классифицированы основные организационно-информационные, методические и тактические вопросы, затрудняющие эффективность предварительного расследования. Предложены рекомендации, направленные на совершенствование нормативно-правового, методического и организационного обеспечения расследования рассматриваемой категории преступлений, с целью повышения его эффективности и соблюдения прав участников уголовного процесса.

Ключевые слова и словосочетания: *криминалистика; предварительное расследование; психические расстройства; вменяемость; судебно-психиатрическая экспертиза; симуляция психических расстройств; тактика назначения экспертизы.*

Расследование преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, имеет комплекс особенностей, обусловленных специфическими характеристиками личности. Психические расстройства влияют на восприятие, мышление и поведение человека, что отражается на всех этапах предварительного следствия и судебного разбирательства: от сбора доказательств до назначения наказания.

Как отмечают Ю.М. Антонян и В.В. Гульдан, «проблема криминальной патопсихологии – изучение преступности лиц с психическими аномалиями в современном обществе по-прежнему актуальна и требует дальнейшего изучения» [1, с. 5]. Обращаясь к статистике

состояния судебно-психиатрических экспертиз, можно обнаружить, что за последние 15 лет относительно стабильно остается число лиц, признанных невменяемыми (ст. 22 УК РФ). Другая ситуация складывается с категорией лиц, которая была признана вменяемой, но страдающей психическим расстройством. Если в 2001 г. по результатам СПЭ были признаны вменяемыми, но страдающими психическими расстройствами 79 987 лиц, в 2011 г. – 81 151 лиц (темп прироста 3,7 %) [2, с. 100], то в 2022 г. уже – 132 467 лиц (увеличение почти в два раза) [3, с. 48–49].

В рамках исследования был использован метод анкетирования следователей органов внутренних дел Российской Федерации. Как отмечает Р.С. Белкин, анкетирование как метод социально-психологического исследования с помощью анкет широко применяется в криминалистических научных исследованиях, в частности, для выяснения эффективности новых экспертных методов, определения путей повышения качества расследования, научной организации труда следователей и экспертов [4, с. 16.].

Выборка респондентов характеризовалась высоким уровнем профессионального опыта: более трех четвертей опрошенных (76 %) имели стаж службы в правоохранительных органах более 20 лет, а значительное большинство (68 %) занимали руководящие должности в следственных подразделениях МВД России от 3 лет и более (54 человека, сентябрь-декабрь 2024 г.).

Выявленные в ходе исследования аспекты, с которыми сталкиваются следователи при расследовании преступлений указанной группы, можно классифицировать по нескольким направлениям.

Организационный аспект включает в себя, прежде всего, получение необходимой информации и медицинской документации, характеризующей подозреваемого с психическим расстройством. Около трети респондентов (30 %) указали на сложности с получением медицинской и иной документации, в том числе из ведомственных учреждений. Аналогичная ситуация возникает при получении материалов из других регионов РФ и государств (примерно треть, 34 %) и характеризующих материалов (почти 40 %). Важность полноты и качества материалов, предоставляемых экспертам, подчеркивают и сами судебно-психиатрические эксперты: «Полнота и качество представленных экспертам объектов исследования в значительном мере определяют надежность и доказательность экспертных выводов» [5, с. 4]. Хотя данное утверждение приводится экспертами в отношении посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по ст. 110 УК РФ, оно имеет ключевое значение для всех видов судебно-психиатрических экспертиз. Как было выявлено в ходе экспертного интервью

судебно-психиатрических экспертов, проблема качества материалов, предоставляемых на экспертизу, является ключевой наряду с формулировками вопросов при назначении экспертизы.

К данной категории относится и проблема длительных сроков ожидания результатов судебно-психиатрических экспертиз, которую значительная часть следователей (40 %). Данная ситуация находит подтверждение в заявлении судебных психиатров о проблеме доступности стационарного судебно-психиатрического освидетельствования в ряде регионов РФ, особенно в Северо-Кавказском ФО, где соответствующие отделения отсутствуют [3, с. 14]. Указанный аспект ограничивает возможность проведения экспертизы для органов дознания, органов предварительного следствия и судов, расположенных на территориях, где отсутствуют соответствующие подразделения [3, с. 88].

Методические аспекты связаны с недостаточной разработанностью методического обеспечения следственной деятельности и подготовкой следователей в части работы с указанной категорией лиц. В отношении создания и использования методических рекомендаций следователями по-прежнему отмечается их теоретизированность, что затрудняет практическое применение [6, с. 127–128]. Отмеченные четверть века назад аспекты сохраняют актуальность и для настоящего времени.

Более половины опрошенных (54 %) считают, что подготовка следователей скорее недостаточна для выявления психических расстройств. Кроме того, низким оценивается уровень информированности следственных органов о психических расстройствах и их влиянии на поведение.

Эксперты обращают внимание на проблемы, возникающие из-за недостаточной компетентности следователей. В частности, судебные психиатры отмечают распространенность случаев постановки следователями «неправомерных вопросов», являющихся «некорректными в медицинском отношении» [7, с. 13–14]. Кроме того, эксперты указывают на ошибки следователей при назначении комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, выражающиеся в ошибочной формулировке вопросов, адресованных судебному эксперту-психологу, и неправильном определении характера экспертизы (однородной или комплексной) [7, с. 31–32]. Таким образом, недостаточная подготовка следователей в психиатрических и психологических вопросах не только затрудняет их собственную работу на этапе предварительного расследования, но и создает дополнительные препятствия для эффективного проведения судебно-психиатрических экспертиз. Именно поэтому, как отмечается, «единообразно сформулированные экспертные вопросы, наиболее точно и адекватно соответствующие

положениям судебной психиатрии, могли бы способствовать улучшению взаимопонимания между экспертами и органами, назначающими экспертизу, оптимизировать процесс производства судебно-психиатрических экспертиз, предотвращать некоторые встречающиеся на практике упущения и ошибки» [7, с. 4].

Тактические аспекты. К данной категории можно отнести сложности при проведении следственных действий, обусловленные психическим состоянием подозреваемого (более половины респондентов иногда сталкиваются с этой проблемой), что может затруднять установление контакта, получение показаний и проведение других следственных действий. Кроме того, симуляция психических расстройств существенно осложняет расследование (большинство респондентов, 70 % отмечают значительное влияние симуляции на продолжительность и сложность расследования). Основными трудностями при выявлении симуляции являются недостаток специальных знаний у следователей (около трети) и противодействие со стороны защитников (более четверти). Как отмечают Ю.М. Антонян и В.В. Гульдан, «повышению эффективности следствия способствовало бы участие в расследовании преступлений специалистов-психологов, их постоянная консультативная помощь с момента возбуждения уголовных дел, а при наличии психических нарушений – специалистов в области патопсихологии» [1, с. 351; 8; 9].

Проведенное исследование демонстрирует, что существует ряд отличительных аспектов расследования преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Выявленные в ходе исследования трудности не являются изолированными или частными – они образуют комплекс взаимосвязанных проблем, затрагивающих организационные, методические и процессуальные аспекты предварительного следствия. Ключевым звеном в этом комплексе выступает недостаточная специализированная (психолого-психиатрическая) подготовка следователей, что, в свою очередь, усугубляется дефицитом методического обеспечения и организационными барьерами, препятствующими своевременному и качественному проведению судебно-психиатрических экспертиз и сбору необходимой информации. Результаты опроса следователей, подкрепленные мнениями экспертов-психиатров, свидетельствуют о том, что эффективное расследование рассматриваемой категории преступлений должно сопровождаться совершенствованием нормативно-правовой базы, методическим обеспечением, системой подготовки кадров и эффективным межведомственным взаимодействием.

Список литературы:

1. *Антонян Ю. М., Гульдан В. В.* Криминальная патопсихология. 2-е изд. М. : АСТ, 2024. 400 с.
2. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2011 году : аналитический обзор. М. : ФГБУ «ГНЦССП им. В. П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2012. 196 с.
3. *Шпорт С. В., Макушкина О. А., Муганцева Л. А.* Мониторинг показателей судебно-психиатрической экспертизы и профилактики в психиатрической службе Российской Федерации (2018–2022 гг.). М. : ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2024. 201 с.
4. *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М. : Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
5. *Макушкин Е. В., Бадмаева В. Д., Дозорцева Е. Г. и др.* Подготовка материалов следователями для производства посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, окончивших жизнь самоубийством (статья 110 УК РФ) : методические рекомендации. М. : ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2018. 20 с.
6. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Норма, 2001. 240 с.
7. *Макушкин Е. В., Ткаченко А. А., Шишков С. Н. и др.* Назначение судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам (выбор вида назначаемой экспертизы и формулирование экспертного задания) : практическое пособие. М. : ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2020. 45 с.
8. *Матвейчев Ю. А., Шкаплеров Ю. П.* Общие условия предварительного расследования: история и современное состояние правового регулирования: монография. Могилев, 2022.
9. *Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей.* Могилев, 2024.

К вопросу об эффективности самозащиты подозреваемого, обвиняемого в уголовном процессе

Аннотация

Право на защиту от обвинения выступает одним из фундаментальных принципов уголовного процесса, повышая эффективность уголовного судопроизводства как института, задачей которого является установление истины по уголовному делу. Наряду с приглашением адвоката, представителя или иного защитника, подозреваемый, обвиняемый вправе осуществлять защиту самостоятельно, используя для этого доступные процессуальные права и обязанности. Между тем, в условиях усложнения уголовного процесса, действенность и результативность самозащиты в научных кругах все чаще ставится под сомнение, что повышает исследовательский интерес к этому актуальному вопросу. Настоящей статьей подвергается осмыслению институт самозащиты в уголовном процессе, дается оценка эффективности данного процессуального инструмента с позиции достижения целей уголовного судопроизводства [1].

Ключевые слова и словосочетания: *подозреваемый; обвиняемый; самозащита; процессуальный статус; защитник; представитель; эффективность.*

В силу положений статьи 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), подозреваемый и обвиняемый вправе осуществлять защиту лично, без помощи защитника [2].

Самозащита реализуется посредством самостоятельного и полноценного использования подозреваемым, обвиняемым процессуальных прав, закрепленных в статьях 46 и 47 УПК РФ. В рамках самозащиты подозреваемый, обвиняемый собирает и предъявляет доказательства, заявляет ходатайства, дает показания и объяснения, обжалует процессуальные действия и решения следователя, осуществляет защиту иными средствами, не запрещенными законом.

Обязаны содействовать самозащите обвиняемого, подозреваемого и участники уголовного процесса со стороны обвинения. Сле-

дователь, дознаватель, прокурор активно участвуют в защите прав подозреваемого, обвиняемого, разъясняя ряд важных процессуальных аспектов, указывая на имеющиеся процессуальные права, что позволяет обеспечить баланс между реализацией функций обвинения и функций защиты.

Наиболее активно при самозащите подозреваемый, обвиняемый пользуется правом на заявление различных ходатайств. Между тем следователь принимает решения по поступившим ходатайствам, руководствуясь следственной ситуацией и необходимостью совершения следственного или процессуального действия для целей расследования. Отказ в удовлетворении ходатайства может быть обжалован в суде, что также является формой самозащиты в уголовном процессе.

Например, как следует из содержания одного из апелляционных определений, подозреваемый обжаловал постановление, вынесенное следователем, которым должностное лицо отказало в удовлетворении ходатайства о производстве следственного эксперимента. Несмотря на то что суд подтвердил правомерность позиции следователя и отказал в удовлетворении ходатайства подозреваемого о признании постановления следователя незаконным [3], данный пример показывает, что участники стороны защиты не могут быть лишены права на самозащиту.

Между тем, осуществление самостоятельной защиты прав подозреваемым, обвиняемым в уголовном процессе получает неоднозначную оценку исследователей с позиции влияния данного процессуального института на эффективность уголовного процесса.

Некоторые авторы, в частности В.Д. Постанюк, анализируя практику самозащиты в уголовном процессе, подчеркивают, что отказ от защитника не умаляет право человека на защиту, поскольку, во-первых, это является правом каждого подозреваемого и обвиняемого (за некоторыми исключениями); во-вторых, любой участник стороны защиты вправе на каждом этапе уголовного процесса обратиться с ходатайством о предоставлении ему защитника; в-третьих, гражданин вправе использовать все процессуальные возможности для осуществления самостоятельной защиты [4].

Между тем, в большинстве случаев самозащита как процессуальный институт подвергается критике со стороны ученых, указывающих на возросшую сложность уголовно-процессуальных отношений, дифференциацию уголовного процесса, что практически всегда требует привлечения к защите профессиональных советников по уголовным делам.

Так, В.А. Семенцов пишет, что дифференциация уголовного процесса, формирование общих и специальных условий расследо-

вания уголовных дел, соблюдения определенных процессуальных процедур усложняют процесс защиты прав подозреваемых, обвиняемых, без привлечения квалифицированных специалистов. Самостоятельная защита при таких условиях часто бывает неэффективной, а нарушение прав участников стороны обвинения может остаться незамеченным, что не способствует достижению целям уголовного судопроизводства, и, следовательно, существенно снижает его эффективность [5].

Следует поддержать данную позицию и указать, что современный уголовный процесс, осуществляемый в рамках уголовного судопроизводства, представляет собой сложное и комплексное явление, осложненное различными видами производств. На каждом этапе уголовного преследования и расследования уголовного дела следователь, дознаватель обязан соблюдать правила уголовного судопроизводства, которые, даже при их разъяснении участникам стороны защиты, далеко не всегда правильно понимаются и надлежащим образом оцениваются подозреваемым и обвиняемым в силу недостаточной правовой и процессуальной компетенции.

Нельзя не указать и на наличие двух форм расследования – дознание и предварительное следствие, которые имеют некоторые существенные различия, что отражается и на процессуальном статусе подозреваемых, обвиняемых, однако эти аспекты также не всегда доступны для понимания.

Кроме этого, существует особый порядок судопроизводства по отдельным категориям уголовных дел, а также в отношении несовершеннолетних и других субъектов, в отношении которых применяется специальный порядок судопроизводства.

Вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что самостоятельная защита своих прав подозреваемым, обвиняемым может быть неэффективной в силу отсутствия правовых и процессуальных знаний относительно особенностей расследования уголовных дел, полноценной реализации процессуальных прав, непонимания сущности процессуальных и следственных действий, а также содержания особых производств.

Полагаем, что во многом исходя из данных соображений, реализация права на самостоятельную защиту в уголовном процессе подвергается определенным ограничениям.

Во-первых, статья 51 УПК РФ закрепляет случаи обязательного участия защитника, что исключает самозащиту подозреваемого, обвиняемого.

Во-вторых, несовершеннолетние лица осуществляют самозащиту путем дачи показаний, заявления ходатайств, представления

доказательств только с участием законного представителя. Соответственно, самозащита в ее узком понимании для несовершеннолетних исключается.

Подводя итоги, представляется возможным сделать вывод о том, что самозащита участника стороны обвинения реализуется путем реализации подозреваемым, обвиняемым своего процессуального статуса, не прибегая к помощи адвоката, представителя или иного защитника, что нередко приводит к нарушениям процессуальных прав участников судопроизводства.

Таким образом, несмотря на то что данная форма защиты прав подозреваемых и обвиняемых прямо предусмотрена УПК РФ, на практике самозащита не является эффективной формой реализации процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого.

Отмечено, что самостоятельная защита своих прав подозреваемым, обвиняемым может быть неэффективной в силу отсутствия правовых и процессуальных знаний относительно особенностей расследования уголовных дел, полноценной реализации процессуальных прав, непонимания сущности процессуальных и следственных действий, а также содержания особых производств.

Нарушение процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, участвующего в уголовном процессе без привлечения защитника, в свою очередь, свидетельствует о низкой эффективности уголовного процесса. Фактически, в отсутствие адвоката участник стороны защиты, не обладающий специальными знаниями, зачастую не способен глубоко понимать сущности осуществляемых процессуальных действий, и принимаемых следователем дознавателем, прокурором решений, а также сущности последствий, наступающих от их применения.

В этой связи представляется возможным указать на несовершенство уголовно-процессуального закона ввиду наличия нормативных положений, снижающих эффективность уголовного процесса. Полагаем, что отказ от адвоката при производстве по уголовному делу возможен только в случае, если подозреваемый, обвиняемый признали вину в полном объеме и активно сотрудничают со следствием, способствуя раскрытию и расследованию преступления. Во всех иных ситуациях, как видится, должен быть введен законодательный запрет на отказ подозреваемого, обвиняемого от адвоката (защитника) в уголовном процессе и осуществление самозащиты.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.
3. Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-2513/2020 22К-2513/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 3/10-6/20. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 10.01.2025).
4. *Постанюк В.Д.* Отказ от адвоката (защитника) в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2021. № 1.
5. *Семенов В.А.* Сокращенная форма расследования // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : сборник статей по материалам международной научной практической конференции. Тюмень, 2022.

Людмила Валентиновна Дмитриева,
старший преподаватель
кафедры экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: Leninv94@mail.ru

Мария Евгеньевна Кудряшова,
эксперт отделения № 4 межрайонного отдела № 1
ЭКЦ МВД России по Тверской области
E-mail: Cudriashova.marija@yandex.ru

Совершенствование способов фиксации внешности человека в условиях цифровой трансформации правоохранительных органов

Аннотация

В статье рассмотрены современные возможности и перспективы применения 3D-моделирования при идентификации личности по признакам внешности. Раскрыты понятие, общие положения и описан принцип действия 3D-сканера Calibry Mini. Также проанализирован способ получения 3D-моделей в качестве образцов для дальнейшего сравнительного исследования в рамках портретной экспертизы.

Ключевые слова и словосочетания: *идентификация личности по признакам внешности; использование 3D-моделирования в портретной экспертизе.*

Качественные изменения в структуре и характере преступности, с которыми столкнулась правоохранительная система России, требуют новых подходов к вопросам криминалистического обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений [5]. В современной России активным образом происходит цифровая трансформация во всех сферах деятельности, в том числе и в области раскрытия и расследования преступлений. Внедрение современных технологий в уголовное судопроизводство открывает новые горизонты для установления личности в целях раскрытия и расследования преступлений [1]. Одним из таких инновационных методов является 3D-моделирование. Это направление демонстрирует значительный потенциал, предлагая более точные и наглядные инструменты для идентификации лиц при производстве экспертиз и исследований.

3D-моделирование (трехмерная графика) – это процесс математического координатного представления поверхности объекта в трех измерениях с помощью специализированного оборудования и программного обеспечения. Процесс 3D-моделирования заключается в математическом координатном представлении объекта фиксации в трех измерениях с помощью специальных технических средств и программного обеспечения [2].

В 2022 году сотрудниками ЭКЦ МВД России было проведено научное исследование, на основании которого было подготовлено методическое пособие по применению 3D-моделирования при производстве трасологических, взрывотехнических и автотехнических экспертиз.

В целях фиксации внешности человека целесообразно использовать оптический координатно-измерительный бесконтактный прибор Calibry Mini (далее по тексту 3D-сканер) и соответствующее программное обеспечение.

Принцип действия данного прибора основан на технологии структурированного света. Контрастное изображение световых линий, генерируемых источником света (проектором) в виде светодиодов, проецируется на измеряемый объект и деформируется на нем в зависимости от геометрии объекта. Прибор производит съемку наблюдаемой зоны двумя цифровыми камерами, расположенными под углом к источнику света. Образуя стереопару, камеры позволяют генерировать ортофотоизображение поверхности объекта вместе с деформированной сеткой. Поток изображений передается по кабелю на персональный компьютер для дальнейшей обработки с использованием программного обеспечения, являющегося неотъемлемой частью прибора. Обработка производится по специальным математическим алгоритмам по принципу триангуляции. Программа сопоставляет контрастные линии, спроецированные на объект сканирования, на каждом кадре, объединяет в единый массив, и используя известные параметры взаимного расположения камер, определяет координаты точки путем вычисления длины одной из сторон треугольника, образованных проектором и камерами по углу и стороне треугольника, образованного этой точкой и двумя другими известными точками (центры камер). Формируются трехмерные координаты точек поверхности сканируемого объекта в единой системе координат [3].

Получение полной объемной цифровой модели объекта, в которой для каждой точки известны ее трехмерные координаты, достигается путем объединения в одну модель облаков точек, полученных при съемке (сканировании) объекта в различных положениях.

Совмещение облаков точек осуществляется автоматически, выделением характерных элементов геометрии объекта или посредством дополнительных позиционных меток, наносимых на измеряемые объекты. Между любыми из определенных точек модели можно провести линейные измерения [3]. 3D-модель состоит из большого количества точек, которые соединяются между собой ребрами и образуют плоские многоугольники (полигоны). Полигоны, соединяясь под разными углами, создают модель объемной фигуры, отражающую размер, форму и внешний вид объекта. Чем больше фигур в составе 3D-модели, тем больше она соответствует реальному объекту и точнее воспроизводит рельеф его поверхности, что несет большое идентификационное значение в области отождествления личности [4].

3D-сканер представляет собой устройство, состоящее из проектора и двух цифровых камер, объединенных в единый корпус. Размеры данного устройства 165x85x274 мм, вес 0,9 кг, что способствует легкости в его эксплуатации. 3D-сканер работает в трех режимах: трекинг по геометрии, трекинг по маркерам и трекинг о текстуре, что позволяет охватить огромное многообразие сканируемых объектов.

В настоящее время объектами идентификации личности по признакам внешности являются цифровые изображения и видеозаписи с камер видеонаблюдения, которые имеют сложный ракурс. Однако, образцами для сравнительного исследования выступают фотографии, сделанные по правилам сигналетической фотосъемки, разработанным в XIX веке А. Бертилионом. Объекты исследования и сравнительные образцы очень сложно визуально сопоставить, что в свою очередь затрудняет проведение портретного исследования.

Начиная с 2022 г., в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя в группах повышения квалификации экспертов экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел РФ по производству портретных экспертиз в рамках написания и защиты курсовых проектов (рефератов) для отбора сравнительных образцов использовался ручной 3D-сканер Calibry Mini.

Для получения образцов сравнительного исследования и последующего их использования в портретной экспертизе необходимо соблюсти ряд условий и учесть влияние различных факторов.

К таким условиям можно отнести:

- помещение, в котором имеется свободное пространство, позволяющее беспрепятственное прохождение лица во время сканирования;
- лучше использовать приглушенное искусственное освещение;

- рекомендуемое расстояние до объекта 1 м, также следует учитывать индикацию самого прибора: при сканировании на дисплее захваченные точки будут визуализироваться зеленым цветом, если точки начали становиться красными, значит сканер расположен слишком близко к объекту и стоит увеличить расстояние, если же точки приобрели синий окрас – значит сканер сильно удален от объекта и стоит приблизиться;

- необходимо начинать сканирование с верхней точки, постепенно спускаясь вниз и в процессе перемещать 3D-сканер таким образом, чтобы захватить как можно больше информации с разных углов зрения. Особое внимание следует уделить областям, расположенным за ушами, в области подбородка и в подмышечных областях – для получения полной информации сканер стоит расположить как можно ниже относительно данных точек. Лицо рекомендуется снимать за один проход, так как человек во время сканирования может моргнуть или изменить мимику, что приведет к наложению нескольких текстурных кадров, что в свою очередь может повлиять на качество финальной текстуры модели. Также следует обратить внимание на тон волос сканируемого: если волосы темные им следует уделить больше внимания и времени для сканирования для получения наиболее точных параметров.

После производства сканирования, полученные данные автоматически переносятся на ПК с установленным программным обеспечением Calibry Nest для формирования, работы и сохранения 3D-модели. 3D-модели формируются в двух визуализациях: 3D-модель с текстурой (цветная модель) и 3D-модель без текстуры (монохромная модель). Особенностью этого программного обеспечения являются возможность работы с 3D-моделями, созданными с использованием различных 3D-сканеров, а также 3D-модели, полученные в результате сканирования 3D-сканером Calibry и сохраненные с использованием данного программного обеспечения доступны для работы с иными программным обеспечением.

Для производства портретной экспертизы предпочтительнее использование 3D-модели с текстурой, которое позволяет в высоком разрешении исследовать особенности внешности человека. Возможности программного обеспечения Calibry Nest позволяют производить измерения полученной модели в разных плоскостях и в 3-х проекциях с высокой точностью, что является высокоинформативной функцией для производства портретного исследования. Также при работе с текстурными моделями возможно отрегулировать яркость, контрастность и градации насыщенности цветов, для усиления визуального восприятия особенностей внешнего

облика человека, без изменения качественно составляющих особенностей внешнего облика человека.

Сохранять 3D-модели возможно в двух вариантах – с текстурой (цветная модель) и без текстуры (монохромная модель) в форматах Stereo Lithography (*.stl), VRML, with texture (*.wrl), Wavefront Object, with texture (*.obj), Polygon File Format (*.ply), причем в последних двух форматах сохраняется не только сама 3D-модель, но и карта текстур. Карта текстур представляет растровое изображение, которое накладывается на поверхность модели для придания ей цвета, свойств окраски и иллюзии рельефа.

Эти форматы, отличаются от тех, которые мы привыкли использовать на сегодняшний день в рамках судебной фотографии. Что в свою очередь ведет к необходимости освоения принципа их работы.

Каждый сохраненный файл (модель с текстурой, модель без текстуры и карта текстур) обладает своим индивидуальным кодом – хеш – суммой файла, что позволяет индивидуализировать данный объект в цифровой системе и при фиксации, обеспечить сохранность запечатленной информации исходного объекта.

Также, необходимо отметить, что объем памяти для хранения подобных файлов не велик, и соответствует объемам хранения фото, сделанного на цифровую фотокамеру, что в свою очередь упрощает возможность работы с такими объектами, как с вещественными доказательствами: хранение, запись на носитель (CD диск, USB – флеш – накопитель и др.) с целью приобщения к материалам уголовного дела, признания вещественным доказательством и предоставления для проведения необходимых исследований.

Выявленные в результате работы преимущества 3D-моделей в качестве образцов для сравнительного исследования при производстве портретной экспертизы дают возможность не только произвести высокоточные замеры, но и подобрать необходимые сопоставимый ракурс к исследуемому изображению. Это открывает большие возможности в области отождествления личности по признакам внешности, так как в условиях отбора образцов для сравнительного исследования не всегда предоставляется возможность получить одноракурсные изображения, ввиду сложности воспроизведения влияния внешних факторов. 3D-модель же дает возможность изучения внешности человека под разными углами и в различных проекциях, что позволяет детально изучить отображения особенностей внешнего облика, то как эти особенности визуализируются под разными углами и объяснить природу происхождения тех или иных искажений, возникших в результате поворотов и наклонов головы.

3D-моделирование внешности человека представляет собой перспективное направление в области развития и производства различных следственных действий, в том числе портретной экспертизы, которое обладает широкими возможностями для уголовного судопроизводства. Несмотря на существующие проблемы, связанные с оснащением структурных подразделений соответствующим оборудованием и обучением сотрудников корректной работе с ним, а также с отсутствием массива исследований в области 3D-моделирования в силу относительной новизны данной отрасли, дальнейшее развитие этой технологии позволит минимизировать риски и сделать 3D-моделирование неотъемлемой частью уголовного судопроизводства. Уже сегодня эта методика способствует более эффективному расследованию преступлений и поиску лиц, а в будущем она может стать стандартным инструментом работы правоохранительных органов.

Список литературы:

1. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М. : Бек, 1997. 342 с.
2. *Иванов В. П., Батраков А. С.* Трехмерная компьютерная графика / под ред. Г.М. Полищука. М. : Радио и связь, 1995. 224 с.
3. Описание типа средства измерений «Приборы оптические координатной измерительные бесконтактные Calibry», регистрационный №92244-24, утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 3 июня 2024 г. № 1344, номер записи в реестре аккредитованных лиц № RA.RU.312126.
4. Сайт Thor 3D – команды выпускников МГУ и МГТУ имени Н.Э. Баумана, наиболее известной выпуском первого в мире беспроводного ручного 3D-сканера. URL: <https://calibry3d.ru/areas-of-use/> (дата обращения: 10.01.2025).
5. *Севастьянов П. В., Гаврилин Ю. В., Попов Е. В. и др.* Использование технологий 3D-моделирования при производстве судебных экспертиз. М. : ЭКЦ МВД России, 2022. 118 с.
6. *Севастьянов П.В.* Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации. М. : ЭКЦ МВД России, 2024. 194 с.

Ильнур Марсович Залялов,

адъюнкт

Академия управления МВД России

E-mail: zalyalo2021@mail.ru

Андрей Николаевич Куфтерин,

преподаватель кафедры административного права

и административной деятельности

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: qqqwerty33@mail.ru

К вопросу о цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности

Аннотация

Статья посвящена определению факторов и принципов цифровизации уголовного судопроизводства. Авторами обоснована актуальность исследования проблем использования цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности. Существенное внимание уделено достоинствам и недостаткам внедрения электронного уголовного судопроизводства. Определены проблемные вопросы нормативного регулирования в данном сегменте. Сделан вывод, что одной из первых задач является формирование понятийного аппарата, определение основных стратегических направлений и границ цифровизации с последующей разработкой соответствующих теоретико-правовых основ.

Ключевые слова и словосочетания: *цифровизация; факторы цифровизации; принципы цифровизации; дигитализация; электронное судопроизводство; электронные доказательства; электронный процессуальный документ.*

Стремительное внедрение компьютерных технологий и телекоммуникаций в жизнь общества, наблюдаемое в последние годы, запустило глобальный процесс информатизации с всеобъемлющим переходом к дигитализации (цифровой трансформации) экономики, здравоохранения, образования и многих других отраслей. Современный тренд развития общества предполагает повсеместное внедрение информационных технологий. В нашей стране 12 мая 2008 г. было создано Минцифры России, в 2019 г. Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в 2024 г. Прези-

дентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию определены приоритеты в области цифровой трансформации государственного управления до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., включая внедрение технологий работы с большими объемами данных, искусственного интеллекта и машинного обучения¹.

Государственные инициативы по этому направлению предусматривают цифровую трансформацию всех публичных услуг, доступных гражданам (приложения госуслуги, госключ, налоги ФЛ, ЦБ онлайн, МЧС России и др.). Учитывая такие тенденции развития нашего государства, вполне логично, что потребность в информатизации не обошла стороной и уголовное судопроизводство, которое по мнению В.И. Самарина постоянно изменяется и реформируется с целью поиска оптимального баланса интересов сторон уголовного процесса, государства и общества. По мнению ученого достижение целей уголовного судопроизводства в наши дни должно опираться на последние достижения научно-технического прогресса [5, с. 3].

Дигитализация (от англ. *digital* – цифровой) обоснованно признается одной из основных тенденций развития российского уголовного судопроизводства. С точки зрения Л.В. Голоскокова, вопрос о целесообразности дигитализации уголовного процесса является открытым ввиду наличия сложностей, связанных с зависимостью от зарубежных технологий, возможностью утечки персональных и служебных данных, несанкционированного вмешательства в содержание и оборот электронных документов, вероятностью выхода из строя носителей данных и т. п. [1, с. 429].

Вместе с тем, внедрение новейших цифровых технологий в этой области представляется весьма востребованным поскольку имеются перспективы существенного повышения эффективности деятельности субъектов уголовного судопроизводства при решении ряда задач, в частности, по внедрению новых возможностей раскрытия преступлений, установлению виновных лиц, их связей и мест нахождения, ускорению производства процессуальных и иных действий при использовании режима видеоконференций, уменьшению времени согласования решений, упрощению урегулирования разногласий и т. д.

В последние несколько лет проблематика цифровизации становится все более популярной в отечественной правовой литературе и научных исследованиях. Современные взгляды ученых на перспек-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 26.02.2025).

тивы и особенности процессов цифровизации в области уголовного судопроизводства изложены в диссертационных работах Д. А. Авдеева, А. С. Каменева, Е. С. Кудряшовой, А. Б. Кокушева, К. В. Малыгина, М. Б. Набатова, Х. Х. Рамалданова, Е. А. Русскевича, Д. В. Санникова, А. Г. Себякина, А. А. Саркисян, Ю. А. Телевицкой, С. В. Хашаевой, И. А. Чубаря, М. А. Юркевич и др.

Значительный вклад в развитие современной теории цифровизации уголовного процесса внесли такие отечественные ученые, как Д. В. Бахтеев, В. С. Балакшин, В. Б. Вехов, В. Н. Григорьев, А. И. Зазулин, В. А. Задорожная, С. В. Зуев, О. А. Зайцев. Отдельные аспекты рассматривали Р. О. Никитин, М. О. Медведева, В. В. Глимеиды.

Частная проблематика вопросов цифровизации уголовного судопроизводства освещалась в статьях Т. Ю. Вилковой, В. Ю. Владимирова, Ю. В. Гаврилина, Л. В. Головки, П. П. Ищенко, О. В. Качаловой, С. И. Курилова, Л. В. Лазаревой, Л. Н. Масленниковой, А. В. Победкина, Ю. Е. Салеевой, А. В. Сибильковой, В. А. Семенцова, А. Е. Федюнина, О. В. Химичевой.

Рассмотрению криминалистического аспекта исследуемой сферы научным сообществом уделяется значительное внимание, из публикаций последних лет можно отметить труды таких авторов, как А. А. Рудых, Д. А. Степаненко, Ю. Н. Соколова, А. Б. Смушкина.

Предложения и идеи, отраженные в исследованиях названных авторов, закладывают доктринальную основу внедрения цифровизации в уголовное судопроизводство. Однако, в целом, единый концептуальный подход по правовой регламентации использования информационных технологий при разрешении уголовных дел пока не выработан.

По нашему мнению, цифровизация не ограничивается исключительным использованием технологий. Она характеризуется изменением культуры и образа мышления правоприменителей, обретением ими цифровой компетентности, формированием новых способов и принципов цифрового взаимодействия участников правоотношений и т. д.

Поэтому представляется весьма актуальным проведение фундаментальных исследований относительно цифровой трансформации уголовного судопроизводства России. При этом в качестве первоочередных задач могут выступать: правовая и теоретическая диагностика ситуации в исследуемой сфере, формулирование понятийного аппарата, определение перспективных направлений, а также факторов, обуславливающих актуальность цифровой трансформации уголовного судопроизводства.

Проведенная учеными правовая и теоретическая диагностика ситуации по применению электронных технологий в уголовном судопроизводстве позволяет утверждать, что данный процесс находится на начальной стадии, а существующие цифровые элементы недостаточны для комплексной трансформации уголовного судопроизводства.

На наш взгляд сегодня можно выделить следующие факторы, повлиявшие на рост актуальности и обуславливающие необходимость цифровой трансформации уголовного судопроизводства:

1. *Социально-экономические факторы.* По мнению В.В. Иванова, одним из таких факторов, который повлиял на необходимость цифровизации, особенно в векторе процессуальной коммуникации, стали карантинные ограничения, введенные во время пандемии COVID-19. Как отмечает автор, такие ограничения активизировали поиск путей использования инновационных технологий для обеспечения деятельности судебной системы и устранения угроз в отношении доступности правосудия [3, с. 13].

Другим важным фактором актуализации является осложнение социально-экономической обстановки в стране, что, по мнению С.В. Зуева, вызвало необходимость ускорения и упрощения определенных процедур и алгоритмов, в частности, касающихся сбора доказательств, а также более активного использования цифровых технологий для дистанционного проведения отдельных процессуальных действий и т. д. [2, с. 119].

2. *Нормативно-правовые факторы.* Эти факторы связаны с состоянием законодательного обеспечения цифровой трансформации уголовного процесса, значительно отстающего от объективных потребностей современности относительно более масштабного использования цифровых технологий. Процесс информатизации различных аспектов отечественного уголовного судопроизводства начался еще в 1990-х годах и продолжается до сих пор. Его достижением стало создание значительного количества используемых судами электронных автоматизированных информационных систем (АИС: Судопроизводство, ГАС «Правосудие» и др.), но в плане нормативно-правового обеспечения цифровизации уголовного процесса такие системы еще далеки от совершенства.

По мнению А.Т. Карасева, активная теоретическая проработка понятийного аппарата цифровизации правосудия началась в начале 2000-х годов и ее поступательное движение иллюстрируется изменением применяемой в программах развития судебной системы терминологии, начиная с термина «информатизация судебной системы и судов», через «электронное обеспечение правосудия» – к термину

«электронное правосудие» [4, с. 72]. Последняя программа такого развития, рассчитанная до 2024 г., направлена на обеспечение эффективной и качественной работы судов посредством электронного правосудия (включая мобильное), внедрения аппаратно-программных средств перевода всей поступающей в суды документации в электронную форму, с формированием электронных дел и их архива на электронных накопителях.

3. *Криминологические факторы.* Очевидно, что самым большим стимулом цифровизации является рост компьютерных преступлений в нашей стране и увеличивающаяся с каждым годом угроза кибератак. По данным «Лаборатории Касперского», в 2023 г. были заблокированы на устройствах пользователей свыше 126 млн киберугроз, а за 2024 г. лабораторией было зафиксировано более 1,8 млрд кибератак. По данным МВД РФ, количество киберпреступлений в 2024 г. выросло на 13,1 % и составило 40 % от совокупности всех видов преступлений в России. Одним из негативных последствий кибератак является причинение значительного материального ущерба: в 2024 г. он вырос на 36 % и составил по данным статистики МВД РФ 200 млрд рублей, против 147 млрд в 2023 г. Представляется, что одним из направлений повышения эффективности противодействия «цифровизации преступности» станет цифровизация уголовного процесса.

4. *Праксеологические (обусловленные практикой правоприменения) факторы.* Недостаточный уровень правового регулирования, порождает неоднородность правоприменительной практики, которая нуждается в разработке эффективных алгоритмов использования электронной информации в доказывании и при проведении следственных действий. Соответственно, отсутствие последовательной «цифровой политики» уголовно-процессуального закона влечет за собой несогласованность и появление противоположных по содержанию позиций судебных органов, которые касались как практики использования «электронных доказательств», так и других процессуальных аспектов.

5. *Фактор Big Data (большие данные).*

Лавинообразный рост объемов данных, характерный для всех сфер жизни общества сегодня является одним из главных факторов внедрения цифровизации. Цифровая трансформация процесса доказывания в современных условиях открывает практически не ограниченные возможности раскрытия и расследования преступлений с помощью анализа данных о пользователях социальных сетей, интернет-сервисов, анализа и расшифровки телефонных разговоров лиц, представляющих оперативный интерес.

Таким образом, на необходимость цифровой модернизации правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности влияет комплекс динамически изменяющихся факторов, отражающих современный уровень развития общественных отношений и технологий, тенденции дигитализации и использования больших данных во всех сферах жизни общества, в том числе и в уголовном судопроизводстве.

В эпоху технического прогресса уже не вызывает сомнений, что фиксирование процессуальных действий и решений на бумажных носителях морально устарело. Целью перехода к электронному уголовному судопроизводству является сокращение расходов по ведению дела, оптимизация и объективизация расследования, повышение его эффективности за счет внедрения единых методов управления, автоматизации и стандартизации различных процедур; системной поддержки управленческих решений и управления ресурсами, автоматизированной подготовки отчетов; межведомственной интеграции документов и данных, контролируемость уголовного процесса за счет электронного аудита нарушений в процессе расследования.

Заметим, что, несмотря на в целом положительную оценку перспектив цифровизации, необходимо обратить внимание на отдельные проблемные вопросы, которые могут возникнуть в процессе перехода к электронному способу уголовного судопроизводства. В частности, понадобится разработать основные стандарты, которым должна соответствовать отечественная нормативная модель электронного судопроизводства, исследовать соответствие этим стандартам имеющихся технологических и правовых решений, обеспечить гарантии защиты системы и содержащейся в ней информации, четко определить порядок оперирования виртуальными данными, сбора, фиксации и способов исследования доказательств в электронном формате, учесть профессиональное мнение и рекомендации сотрудников органов следствия, адвокатуры, прокурорских работников, судей и прочее.

Требуют решения и такие проблемы, как утверждение алгоритма идентификации лица, создавшего и распространившего тот или иной электронный документ, который может служить электронным доказательством, разработка критериев отличия оригинала электронного доказательства от копии. Определенные сложности имеют место в доказательстве даты и времени создания подлинника электронного доказательства.

На наш взгляд, для решения озвученных проблем в основе цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности дол-

жен лежать ряд основополагающих принципов, обеспечивающих ее объективность, достоверность и другие необходимые критерии:

1. *Принцип соответствия* (обеспечение цифровой прослеживаемости зависимости процессуальных, материально-правовых решений от фактологических сведений по делу в любой момент судопроизводства).

2. *Принцип процессуального контроля* (каждый структурный элемент электронного процессуального документа должен содержать ссылки на соответствующие ему фактологические сведения и это в целом позволит проверить документ на соответствие требованиям процессуальных норм).

3. *Принцип альтернативности сведений* (обеспечения равных возможностей для включения в цифровые материалы дела любых сведений, способствующих установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, том числе, если они противоречат позиции обвинения).

4. *Принцип дифференциации доступа* (разделение материалов дела на отдельные блоки, доступные для ознакомления отдельным участникам процесса в зависимости от их процессуальных прав).

5. *Принцип обеспечения онлайн коммуникаций* (возможность онлайн обмена информацией и документами между участниками, сторонами уголовного судопроизводства, различными государственными и негосударственными органами, с отражением содержания и результатов этого взаимодействия в электронных файлах дела).

6. *Принцип конфиденциальности сведений* (обеспечение соблюдения запрета доступа к персональным данным и охраняемых законом тайнам (адвокатской, следственной и т. п.) для лиц, не имеющих права на такой доступ).

Учитывая изложенное, представляется, что актуальными для научного поиска в области цифровизации уголовного процесса являются теоретико-правовые аспекты обеспечения прав и свобод человека в условиях цифровизации, формулировка понятийного аппарата и разработка теоретических основ использования цифровых технологий для оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, разработка стандартов, исследование методологических вопросов, границ и возможностей использования технологии искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, разработка теоретико-правовых основ использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве, создание теоретической основы для дальнейшего внедрения электронного правосудия, исследование процессуальных особенностей расследования

киберпреступлений, определение путей формирования цифровой компетентности правоприменителей. В этом аспекте не вызывает сомнений важность осуществления научного поиска в рассматриваемой сфере.

Следовательно, потребность дальнейшей цифровой трансформации уголовного судопроизводства в России с существенной модификацией уголовно-процессуальной деятельности путем внедрения цифровых технологий, перехода на полный электронный документооборот уже не вызывает сомнения и является делом времени.

Список литературы:

1. *Голоскоков Л.В.* Дигитализация законодательства: уголовно-правовые аспекты // Юридическая техника. 2023. № 17.
2. *Зуев С. В.* Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4.
3. *Иванов В. В., Сержантова Л.А.* Развитие электронного судопроизводства в период пандемии COVID-19 // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021.
4. *Карасев А. Т., Савоськин А. В, Мещерягина В.А.* Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2.
5. Уголовный процесс европейских государств : монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М. : Проспект, 2018. 752 с.

Евгения Васильевна Касьянова,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Воронежский институт МВД России
E-mail: kasyanova-evgeniya@mail.ru

**Использование специальных знаний
в ходе осуществления уголовного преследования
несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ
законодательного регулирования
в Российской Федерации
и Китайской Народной Республике**

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного анализа законодательства Российской Федерации (далее – РФ) и Китайской Народной Республики (далее – КНР), регламентирующих порядок осуществления уголовного преследования в отношении несовершеннолетних. Автор, акцентируя внимание на нормах, регламентирующих применение специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, выделяет преимущества и пробелы в действующих законодательных системах двух государств.

Ключевые слова и словосочетания: *несовершеннолетний; уголовно-процессуальный закон; специальные знания.*

Изучение зарубежного опыта использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, имеет важное значение для России. Во-первых, исследование правовых норм другого государства может способствовать разработке более эффективных форм и методов использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, которые могут быть адаптированы и внедрены в российскую правовую систему. Во-вторых, международное сотрудничество в области борьбы с преступностью, включая обмен опытом и информацией, становится все более актуальным. Изучение зарубежного опыта может укрепить связи между правоохранительными органами иностранных государств и способствовать эффективной совместной работе над проблемами, связанными с подростковой преступностью.

Особый интерес представляет изучение законодательства КНР, так как обе страны имели общие черты в правовой системе советского периода РФ (УПК РСФСР 1960 года, УПК КНР 1979 года). Сравнение эволюции этих систем после принятия действующего УПК РФ позволит проследить, как развивается законодательное регулирование расследование преступлений несовершеннолетних в двух государствах, имеющие схожие модели правового регулирования.

Применение специальных знаний в ходе расследования преступлений охватывает широкий спектр областей, включая криминалистику, медицину, психологию, педагогику и др. В расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, особое значение приобретают психологические знания, поскольку они позволяют глубже понять мотивацию преступного поведения.

Правовая система КНР уделяет особое внимание несовершеннолетним. Правовое регулирование отправления правосудия в отношении несовершеннолетних закреплено в части V «Специальные процедуры» главы I «Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних» Уголовно-процессуального кодекса КНР 1979 года [1].

Глава, закрепляющая порядок осуществления уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, появилась в УПК КНР в результате поправок, внесенных в 2012 году, в отличие от РФ, в которой глава 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» действует с момента принятия УПК РФ 2001 года [2]. Выделение в уголовно-процессуальном законодательстве двух государств отдельных глав по отношению к несовершеннолетним свидетельствует о том, что законодатель и РФ, и КНР признает особый статус несовершеннолетних, подчеркивая необходимость их повышенной защиты по сравнению со взрослыми.

Согласно ст. 277 УПК КНР «в отношении несовершеннолетних правонарушителей должна осуществляться политика воспитания, убеждения и спасения, при этом должен соблюдаться принцип воспитания как основного, а наказания как вспомогательного...» [3]. Таким образом, закон устанавливает приоритет воспитания, а не наказания.

Суды, прокуратуры и органы общественной безопасности КНР при расследовании и рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних обеспечивают реализацию их процессуальных прав и получение юридической помощи, законом предусмотрено, так же, как и в РФ, обязательное участие защитника.

Уголовные дела расследуются и рассматриваются судьями, прокурорами и следователями, знающими физические и психические особенности несовершеннолетних.

В РФ подобных требований в уголовно-процессуальном законе нет, лишь в Постановлении Пленума Верховного Суда от 1 февраля 2011 г. № 1 указано, что «уголовные дела в отношении несовершеннолетних в судах как первой, так и второй инстанций должны рассматриваться наиболее опытными судьями» [4].

Особенностью расследования и судебного разбирательства по уголовным делам несовершеннолетних является специальный предмет доказывания. В РФ наряду с доказыванием общих обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, выясняются дополнительные обстоятельства, имеющие значение при решении вопросов о привлечении несовершеннолетнего к уголовной ответственности и применении к нему мер уголовно-правового воздействия. Так, согласно ст. 421 УПК РФ, при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, устанавливаются:

- возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;
- условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;
- влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

Этот перечень обстоятельств хоть и не является исчерпывающим, но представляет собой необходимую основу для всестороннего анализа доказательств по уголовным делам несовершеннолетних.

В КНР, согласно ст. 268 УПК КНР «при рассмотрении уголовных дел, совершенных несовершеннолетними, орган общественной безопасности, народная прокуратура и народный суд в зависимости от обстоятельств могут исследовать обстоятельства взросления, мотивы совершения преступлений, а также условия воспитания и опеки несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых».

Таким образом, расследование и судебное разбирательство по делам несовершеннолетних как в России, так и в Китае, характеризуются особым вниманием к обстоятельствам, выходящим за рамки стандартного уголовного процесса. Речь идет не только о доказательстве вины, но и о глубоком анализе личности подростка, его окружения и условий, которые могли способствовать совершению преступления.

УПК КНР не является единственным источником, закрепляющим порядок осуществления уголовного преследования в отношении несовершеннолетних. В стране действует «Закон Китайской

Народной Республики о защите несовершеннолетних», согласно положениям которого при рассмотрении дел с участием несовершеннолетних, необходимо «учитывать физические и умственные особенности несовершеннолетних, их потребности в здоровом развитии, использовать язык и выражения, понятные несовершеннолетним, и выслушивать мнение несовершеннолетних», а также создавать специальные учреждения или назначать специальный персонал для рассмотрения дел несовершеннолетних. Персонал, ведущий дела с участием несовершеннолетних, должен пройти специальную подготовку. «В специализированных учреждениях или среди специализированного персонала должны быть женщины» [5].

Согласно толкованию Верховного народного суда по применению Уголовно-процессуального закона КНР: «В зависимости от обстоятельств народные суды могут проводить психологическую консультацию несовершеннолетних подсудимых, потерпевших и свидетелей; в соответствии с фактическими потребностями и с согласия несовершеннолетнего подсудимого и его законного представителя несовершеннолетний подсудимый может пройти психологическое обследование. Психологическое консультирование и психологическая оценка могут быть доверены специализированным агентствам и профессионалам. Отчет о психологической оценке может быть использован в качестве справочного материала при рассмотрении дел и обучении несовершеннолетних» [6].

Несмотря на разъяснения положений Уголовно-процессуального закона КНР, в толковании не указаны основания назначения психологической экспертизы, порядок использования ее заключения в доказывании, порядок проведения психологического консультирования, например до проведения судебного заседания или во время его проведения, правовое положение лица, которое проводит консультирование, нет возрастных разграничений по допросам несовершеннолетних правонарушителей, не указаны конкретные участники, например как психолог и (или) педагог в РФ.

Анализ открытых для ознакомления источников о практике использования специальных знаний в КНР указывает на наличие схожих с РФ проблем в данной сфере, а именно использования специальных знаний в рамках непроцессуальной формы – консультирования несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Например, во-первых, «у несовершеннолетних и их законных представителей существует недопонимание относительно психологического консультирования. Во-вторых, сотрудники полиции, занимающиеся вопросами ювенальной юстиции, не обладают и не знают, как использовать психологические методы при ведении дел» [7].

Стоит отметить, что создание специализированных учреждений и подготовка специально обученного персонала говорит о серьезном отношении к вопросу отправления правосудия в отношении несовершеннолетних в Китае, а также о стремлении обеспечить наиболее комфортные и понятные для них условия в рамках судебного процесса, однако закон не раскрывает, как именно должны учитываться психологические и физические особенности несовершеннолетних при расследовании преступлений, где должны пройти специальную подготовку лица, ведущие дела несовершеннолетних.

Таким образом, изучение опыта КНР по использованию специальных знаний в расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, открывает широкие перспективы для совершенствования уголовного преследования в отношении несовершеннолетних. Одним из ключевых аспектов китайской модели осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних является специальная подготовка лиц, осуществляющих ведение дел с участием несовершеннолетних, они должны быть знакомы с физическими и психическими особенностями несовершеннолетних. Акцент в ходе осуществления уголовного преследования делается не только на правах несовершеннолетнего, но и на его социальной реабилитации и предотвращении рецидива.

Однако при заимствовании китайского опыта необходимо учитывать особенности российской правовой системы и культурного контекста. Важно адаптировать зарубежный опыт к российским реалиям, учитывая специфику российского законодательства и социально-экономических условий. Необходимо тщательно анализировать как положительные, так и отрицательные стороны китайской модели, чтобы избежать возможных негативных последствий. Только тщательный и внимательный анализ позволит использовать зарубежный опыт для реального улучшения защиты прав несовершеннолетних правонарушителей в России.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-procedure-law-of-the-peoples-republic-of-china> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-procedure-law-of-the-peoples-republic-of-china> (дата обращения: 10.01.2025).

4. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Закон Китайской Народной Республики о защите несовершеннолетних. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-10/18/content_5552113.htm (дата обращения: 10.01.2025).

6. Толкование Верховного народного суда по применению Уголовно-процессуального закона Китайской Народной Республики от 7 декабря 2020 года. URL: <http://www.jcy.gansu.gov.cn/info/1116/32759.htm> (дата обращения: 10.01.2025).

7. Решение дилеммы психологического консультирования несовершеннолетних, проходящих по уголовным делам дата. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/llyj/201805/t20180520_379159.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

Благоприятствование защите как основание допустимости производных свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов

Аннотация

В последнее время в теории и правоприменительной практике актуализировалась проблема, связанная с определением пределов допустимого использования в доказывании производных свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов относительно информации, ставшей им известной в связи с выполнением профессиональных обязанностей или процессуальных функций. В качестве критерия допустимости показаний указанных лиц предлагается правило «благоприятствования защите» как основа обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова и словосочетания: *правило благоприятствования защите; производные доказательства; показания следователя; предмет показаний свидетеля.*

В теории российского уголовного процесса аксиоматично положение о незаменимости свидетеля в уголовном судопроизводстве. Значение фигуры свидетеля в доказывании подтверждается пространностью использования его показаний в качестве доказательства. Действительно, без сообщенной свидетелем информации зачастую невозможно установить важные для уголовного дела факты, а потому обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств по уголовному делу.

Свидетель – лицо, обладающее сведениями об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела (ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК)). Осведомленным об этих обстоятельствах лицо может стать как непосредственно воспринимая события или действия, сведения о которых имеют значение для дела, так и получая знания о них из других источников (от иных лиц, из документов, аудио, -видеозаписей

и др.). Кроме того, значимая для дела информация может быть принята лицом не только вне производства по уголовному делу, но и в связи с осуществлением проверочных действий или в рамках процессуальной деятельности по возбужденному уголовному делу [5, с. 567].

Ценность свидетельских показаний и незаменимость лица, предоставляющего сведения о важных для дела обстоятельствах, проявляется и в том, что закон содержит минимальные ограничения, препятствующие допросу в качестве свидетеля (ч. 3 ст. 56 УПК). Так, в целом не допуская совмещение процессуальных функций, закон, за отдельными исключениями, предусмотренными ч. 3 ст. 56 УПК, не запрещает допросить в качестве свидетеля лицо, ранее осуществлявшее в уголовном процессе иные процессуальные обязанности, в том числе производство по уголовному делу [5, с. 569]. При этом участие должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, в качестве свидетеля является основанием для его отвода (п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК)¹.

Практика допроса сотрудников правоохранительных органов в качестве свидетелей об обстоятельствах, имевших место вне уголовного судопроизводства, достаточно распространена. Отношение к допустимости таких показаний в судебной практике достаточно сложное, хотя в целом прослеживается тенденция к признанию их недопустимыми. При этом показания следователей (дознавателей) о содержании информации, воспринятой ими в ходе производства следственных действий, практически без исключений признаются судами недопустимыми доказательствами.

Проблема использования в доказывании производных свидетельских показаний сотрудников правоохранительных органов актуализировалась после высказанной Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) позиции о запрете восстановления недопустимых показаний подозреваемого (обвиняемого) на основании положений п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК путем допроса об их содержании следователя (дознавателя) [4]. Такой подход в целом не вызывает возражений. Недопустимые доказательства (о спорности основания, указанного в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК будет сказано ниже) не могут быть восстановлены путем использования любых источников информации о сведениях, полученных

¹ В предмет настоящей статьи не входит рассмотрение случаев, когда допрос следователя, дознавателя об обстоятельствах производства процессуальных действий не исключает дальнейшее осуществление ими уголовного судопроизводства.

в ходе следственного действия, если эти источники сформированы в ходе его производства.

Существенное влияние на отношение к показаниям сотрудников правоохранительных органов о вербальной информации, полученной при исполнении служебных обязанностей, оказала и еще одна правовая позиция Конституционного Суда, согласно которой недопустимо использовать сведения, изобличающие лицо, от него же сотрудником правоохранительного органа и полученные в условиях, не отвечающих конституционным гарантиям (право на квалифицированную юридическую помощь и право не свидетельствовать против самого себя – ст.ст. 48, 51 Конституции Российской Федерации). Такие гарантии распространяются на любое лицо вне зависимости от формального процессуального статуса [3].

Правоприменительная практика, инициированная указанными правовыми позициями Конституционного Суда, трактует запрет на использование в доказывании показаний сотрудников правоохранительных органов (не только следователя, дознавателя о содержании показаний участников процесса) максимально широко. Показания таких сотрудников о воспринятой ими при выполнении служебных обязанностей информации изобличающего характера, признаются недопустимыми вне зависимости от правового режима, конкретных обстоятельств, при которых такая информация была воспринята. Конечно, недопустимыми признаются и показания следователя (дознавателя) о сведениях, которые в ходе следственного действия сообщили его участники.

По смыслу правовой позиции Конституционного Суда, любая информация, полученная должностным лицом от подозреваемого (заподозренного) в ситуациях, когда в отношении него ведется официальное уголовное преследование (при реальном ограничении свободы и личной неприкосновенности, при возбуждении уголовного дела, проведении следственных и процессуальных действий, осуществлении иных действий в целях его изобличения в совершении преступления) не может быть предметом допроса должностного лица в качестве свидетеля.

Однако Конституционный Суд рассматривал конкретные ситуации и его правовые позиции не могут толковаться в отрыве от таковых. Действительно, при осуществлении выраженного уголовного преследования в смысле, придаваемым ему Конституционным Судом (он шире уголовно-процессуального), информация, полученная от преследуемого лица сотрудником правоохранительного органа и изобличающая его, не может приобрести статус допустимого доказательства в результате допроса таких сотрудников.

Между тем в конкретных обстоятельствах даже информация избыточного характера (не говоря об откровенно оправдательных сведениях) может оказаться важной для обеспечения прав и законных интересов лица, сообщившего ее. Так, сведения избыточного характера могут оказаться значимыми для проверки достоверности показаний (в том числе признательных) лица, полученных в последующем. Проверка достоверности первичной информации может свидетельствовать о самооговоре, о совершении преступления меньшей тяжести, чем то, в совершении которого признается лицо.

Даже применительно к недопустимым доказательствам (вследствие применения п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК) нельзя однозначно исключить использование показаний следователя (дознателя) о содержании показаний обвиняемого (подозреваемого).

В основе правила, заложенного в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК и основанного на нем позиции Конституционного Суда – невозможность воспроизводить сообщенные преследуемым лицом сведения о его причастности к преступлению, т.е. информацию обвинительного свойства, которая может признаваться пригодной для доказывания только при предоставлении такому лицу процессуальных гарантий, в том числе вытекающих из конституционных положений.

При этом, как верно отмечается в литературе, «из-за действия правила, установленного в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК, могут серьезно пострадать как интересы правосудия, так и интересы самого подозреваемого, обвиняемого, в то же время оно не способно стать эффективным средством защиты этих лиц от незаконного воздействия» [2, с. 127–139]. Пытаясь защитить права и законные интересы подозреваемого (обвиняемого), авторы данной нормы не учли, что ее действие может оказать противоположный эффект, так как она не позволяет использовать, в том числе, те показания, данные в ходе предварительного расследования, в которых подозреваемый (обвиняемый) сообщает об обстоятельствах, свидетельствующих о его непричастности к преступному событию или указывающих на его меньшую виновность. Таким образом, органы предварительного расследования и суд лишены возможности проверить показания подозреваемого, сопоставив их с иными доказательствами по делу [1, с. 152]. В результате возможно нанесение неоправданного вреда как отдельному лицу, так и правосудию в целом.

Полагаем, что приведенные позиции Конституционного Суда, в том числе и относительно п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК, не должны подвергаться расширительной интерпретации и охватывать любые сообщенные преследуемым лицом в различных правовых режимах сведения. Представляется, что вполне допустимо свидетельствование должностных лиц правоохранительных органов о содержании сооб-

щения преследуемого лица (включая получение показаний подозреваемого, обвиняемого в отсутствие защитника в ходе производства предварительного расследования, которые он не подтвердил в суде) в случае, если показания должностных лиц способны установить невиновность или меньшую виновность лица, подвергающемуся уголовному преследованию.

Конечно, в случае получения показаний подозреваемого, обвиняемого в отсутствие защитника и не подтвержденных в суде, если такие показания могут способствовать защите прав и законных интересов допрошенного, следовало бы просто признать их допустимыми и огласить в суде. Однако в качестве дополнительной гарантии реального сообщения сведений, изложенных в протоколе, о содержании таких показаний (в той или иной части) может быть допрошен и следователь.

Такая трактовка правовых позиций Конституционного Суда не нарушает право лица не свидетельствовать против себя и представляет собой благоприятствование защите, позволяет обеспечить права и законные интересы преследуемого лица и соответствует назначению уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Новиков С. А. «Я виновен!»: Доказательственное значение добровольного признания вины в современном уголовном процессе России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1 (282).
2. Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. 2004. 231 с.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина А. Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 6 февраля 2004 г. № 44-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М. : Юрид. лит., 1973. 736 с.

К вопросу о предмете склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ

Аннотация

В статье проанализирован предмет склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, как элемент криминалистической характеристики преступлений. Выявлена необходимость расширения предмета склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ на законодательном и методико-криминалистическом уровне с целью оптимизации его выявления и расследования.

***Ключевые слова и словосочетания:** предмет преступления (склонения к потреблению); криминалистическая характеристика преступлений; склонение к потреблению; наркотические средства; психотропные вещества; новые потенциально опасные психоактивные вещества.*

В современном обществе проблема наркомании и распространения наркотических средств остается одной из самых острых. Несмотря на существующие правовые меры, направленные на борьбу с этим явлением, динамика преступлений, связанных с наркотиками, свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства. Одним из ключевых аспектов является расширение предмета преступления, связанного со склонением к потреблению наркотических средств и психотропных веществ. Рассмотрим, почему это необходимо и какие изменения могут быть внесены.

Количество преступлений, связанных с наркотиками, психотропными веществами и их прекурсорами, имеет тенденцию к увеличению не только в нашей стране, но и во всем мире.

Согласно утвержденной Указом Президента Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации, одним из направлений антинаркотической политики является профилактика и раннее выявление незаконного потребления наркотиков¹.

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : Указ Президента

Склонение к потреблению в большинстве случаев способствует совершению преступлений в сфере незаконного оборота, выступая при этом в качестве подготовительной стадии.

При этом количество выявленных и зарегистрированных преступлений по склонению к потреблению наркотических средств и психотропных веществ незначительно в общем массиве преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Так, в 2022 г. зарегистрировано 106 таких преступлений [1, с. 3], в 2023 г. – 128 [2, с. 3], в 2024 г. их количество увеличилось до 303 [3, с. 3]. Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, значительно отличается от количества зарегистрированных преступлений. Так, по данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации их количество составляет: в 2022 г. – 88 человек, в 2023 г. – 85 человек, за 2024 г. данные отсутствуют [6].

Уголовная ответственность за совершение склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов предусмотрена ст. 230 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Предметом анализируемого преступления, согласно диспозиции ст. 230 УК РФ выступают: наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги. Хотим обратить внимание на тот факт, что до 2012 г. аналоги наркотических средств и психотропных веществ из диспозиции нормы выпадали [4, с. 61], что поспособствовало проблемам в квалификации, в частности к принятию решений об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия предмета, неоднозначной судебной практике. Так, законодатель закрепил уголовную ответственность за склонение к употреблению аналогов наркотических средств и психотропных веществ¹, с целью повышения эффективности уголовно-правовых и криминалистических средств в борьбе с наркопреступностью.

Из положений научной литературы следует, что предмет преступления выступает определяющим элементом криминалистической характеристики, поскольку без установления предмета преступления в данном случае невозможно квалифицировать действия лица как склонение к потреблению.

В данной работе мы намерены выделить ряд проблем, которые наблюдаются как в научной доктрине, так и в правоприменитель-

Рос. Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон Рос. Федерации от 1 марта 2012 г. №18-ФЗ // СЗ РФ. 2012 г. № 10. Ст. 1166.

ной практике правоохранительных органов. Предмет склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов необходимо учитывать два ключевых критерия [7, с. 68]:

- медицинский критерий подразумевает способность наркотических и психотропных веществ, а также их аналогов, воздействовать на центральную нервную систему человека, что приводит к состоянию наркотического опьянения и формированию зависимости;
- правовой критерий включает в себя законодательно установленный порядок обращения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на территории Российской Федерации.

Анализ следственной практики демонстрирует, что с прогрессом технологий люди не отказываются от употребления вредных веществ и их потребления, а ищут способы «обхода» действующего законодательства. Это касается добавления при производстве наркотических средств и психотропных веществ различных примесей, которые не являются запрещенными, но усиливают влияние на центральную нервную систему человека и способствуют более быстрому формированию зависимости. В то же время, уменьшая количество запрещенных веществ в составе, тем самым избегают уголовной ответственности или же добиваются назначения менее строгой меры наказания.

В этой связи стоит уделить внимание такой проблеме, как частые случаи принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела по исследуемой группе преступлений ввиду отсутствия правового критерия, а именно: ситуации, когда изъятое в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий вещество не включено в соответствующий перечень или Реестр, но согласно заключению эксперта, соответствует медицинскому критерию. На наш взгляд, необходимо уделить особое внимание исследованию данной проблемы и вмешательству государственных органов в ее урегулирование.

В связи с непрерывным появлением новых наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ на нелегальном рынке, государственным органам необходимо оперативно идентифицировать их и вносить в списки запрещенных веществ, утверждаемые Правительством Российской Федерации и Реестром новых потенциально опасных психоактивных веществ.

После широкого освещения массовых отравлений привычными «спайсами» с примесями новых психоактивных веществ, которые приводили к летальным исходам, в 2015 г. были внесены изменения в нормативно-правовые акты [5, с. 47]. Закон «О наркотических

средствах и психотропных веществах» был дополнен определением «новые потенциально опасные психоактивные вещества», подразумевающим вещества, включенные в соответствующий Реестр¹.

Уголовное законодательство также претерпело изменения: в УК РФ появилась ст. 234.1, устанавливающая ответственность за незаконный оборот этих веществ. Однако, отсутствует ответственность за склонение к их потреблению. При этом, хотим отметить, что несмотря на предпринятые законодателем меры, в 2016 г. произошла новая волна отравлений и смертей, когда путем обмана детей угощали конфетами, содержащими психоактивные вещества. Данное обстоятельство, так же получило массовое распространение в средствах массовой информации.

Наблюдается отсутствие упоминаний в научной литературе о склонении к потреблению прекурсоров наркотических средств, психотропных веществ, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ, несмотря на их присутствие в других преступлениях, связанных с наркотиками (ст. 228.4 УК РФ)².

В связи с этим необходимо дополнить ст. 230 УК РФ, включив прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ, а также прекурсоров растений и их частей, содержащих наркотические средства и психотропные вещества и новых потенциально опасных психоактивных в перечень предметов преступного посягательства, чтобы обеспечить привлечение к ответственности виновных лиц и общественную безопасность.

В связи с тем, что законодатель придерживается ограничительного подхода к определению понятия склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, привлечение к уголовной ответственности виновных лиц и обеспечение общественной безопасности в сфере оборота указанных веществ оказывается затруднительным. В результате этого отсутствует следственная и судебная практика, что, в свою очередь, делает невозможным разработку частной методики расследования склонения к потреблению запрещенных веществ, необходимой для эффективного раскрытия и расследования данных преступлений.

Расширение предмета преступления «склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ» является необходимым шагом для усиления борьбы с наркоманией и наркопреступ-

¹ О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс] : Федеральный закон Рос. Федерации от 8 января 1998 г. №3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ностью. Это позволит учесть виды наркотиков и защитить общество, особенно молодежь, от этой угрозы.

В связи с чем считаем целесообразным при рассмотрении предмета преступления, как основного элемента криминалистической характеристики, рассматривать его в следующем виде: предметом преступления выступают наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги, а также растения и их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащие контролю в Российской Федерации, определения которых закреплены в ст. 2 Федерального закона от 8 января 1998 г. №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Список литературы:

1. ГИАЦ МВД России. Форма: статические сборники «Сводный отчет по России о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, и лицах, их совершивших (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429)» за 2022 год. Доступ из ИСОД МВД России (дата обращения: 27.02.2025).

2. ГИАЦ МВД России. Форма: статические сборники «Сводный отчет по России о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, и лицах, их совершивших (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429)» за 2023 год. Доступ из ИСОД МВД России (дата обращения: 27.02.2025).

3. ГИАЦ МВД России. Форма: статические сборники «Сводный отчет по России о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотроп-

ные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, и лицах, их совершивших (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429)» за 2024 год. Доступ из ИСОД МВД России (дата обращения: 27.02.2025).

4. *Климанов А.М.* Особенности квалификации преступления, предусмотренного статьей 230 УК РФ. // Международный научный журнал «Инновационная наука». № 1.

5. *Лихолетов А. А., Решняк О.А.* Противодействие распространению новых потенциально опасных психоактивных веществ: уголовно-правовые меры // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33).

6. Судебная статистика РФ // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.02.2025).

7. *Филин Д. М., Хоршева В.С.* Правовые аспекты регулирования оборота наркотических средств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 1.

Максим Анатольевич Краснов,
слушатель
Академия управления МВД России
E-mail: maxibox80@inbox.ru
Юлия Константиновна Попова,
руководитель отдела технической поддержки
ООО «НБЮТЭК»
E-mail: jpopova@thor3dscanner.com

Цифровая трансформация уголовно-процессуальной и экспертно-криминалистической деятельности

Аннотация

В статье рассматривается вопрос трансформации экспертно-криминалистической деятельности при обеспечении выявления, раскрытия и расследования преступлений, возможность применения новых средств и методов с реалиями настоящего времени. Приводится анализ, состояние преступности рассматривается ее адаптация к условиям социальной среды, реактивного развития искусственного интеллекта. Актуальность данной статьи заключается в отсутствии четкого регулирования применения высоких технологий экспертно-криминалистического обеспечения в автоматизированной поисковой системе портрет-поиск и направлена на повышение эффективности, качества и возможности создания базы лиц, подозреваемых (обвиняемых) и осужденных за совершение преступлений. Внимание уделяется оптимизации взаимодействия компетентных органов между собой для эффективного раскрытия преступлений по «горячим» следам.

Ключевые слова и словосочетания: трансформация экспертно-криминалистической деятельности; персональные данные; искусственный интеллект; автоматизированная поисковая система.

Преступность видоизменяется и совершенствуется с каждым днем, применяя все новые цифровые технологии и возможности искусственного интеллекта. И чтобы как-то противостоять данным негативным факторам нашего общества необходимо модернизировать экспертно-криминалистическое обеспечение при раскрытии и расследовании преступлений, развивать технологии и действовать на опережение, быть на шаг впереди [1].

Анализ и статистика преступлений в России показала, что в январе-декабре 2024 года зарегистрировано 1911,3 тыс. престу-

плений, или на 1,8 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Несмотря на незначительное уменьшение зарегистрированных преступлений ущерб от них (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 627,9 млрд руб., что на 6,9 % больше аналогичного показателя прошлого года. Больше половины всех зарегистрированных преступлений (50,5 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 499,6 тыс. (-14,3 %), мошенничества – 445,7 тыс. (+2,8 %), грабежа – 17,6 тыс. (-20,7 %), разбоя – 2,8 тыс. (-16,3 %). Почти каждая девятая кража (10,7 %), каждый двадцать седьмой грабеж (3,8 %) и почти каждое седьмое разбойное нападение (13,8 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. В январе-декабре 2024 года зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8 % в январе-декабре 2023 года до 40,0 %. Также по данным статистики 21,9 % от количества всех преступлений совершаются в общественных местах, то есть где имеется возможность установления, фиксации и изъятия фотоизображений участников преступления (муниципальные видеокамеры, видеокамеры предприятий и т. д.). [2, с. 1, 45].

При совершении противоправного деяния иногда в силу кратковременности или других обстоятельствах злоумышленник не во всех случаях оставляет свои следы (рук, обуви, орудий взлома, биологические и т. д.), которые могут изобличить его и не всегда удастся специалистам на местах по различным причинам (погодные условия, нехватка технических средств, недостаточный опыт), изъять пригодные для идентификации следы.

В настоящее время цифровые технологии развиваются стремительно, каких-то 10–20 лет назад невозможно было представить повсеместное размещение видеокамер – на домах, магазинах, подъездах, что значительно затрудняет подозреваемому остаться незамеченным и не оставить свой след (изображение лица полностью или его фрагмента, пригодного для идентификации).

Возникает необходимость развития экспертно-криминалистического обеспечения и участия профильных специалистов в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений всех видов, в обновлении информатизации и компьютеризации судебной экспертизы, которые должны обязательно содержать в себе активное использование информационных компьютерных технологий (про-

цессов, методов поиска, сбора, хранения, обработки, представления, распространения информации), и идти в «ногу» со временем, а лучше и опережать и предупреждать совершение противоправных действий.

«Создания и совершенствования информационных систем судебно-экспертного назначения и информационно-телекоммуникационных сетей специального назначения. Позиции, близкой к нашей, придерживалась и Т.В. Аверьянова, которая рассматривала использование компьютерных средств и баз данных, а также систем гибридного интеллекта, говоря об информационных процессах в судебно-экспертной деятельности. Глобальные процессы цифровизации во всех сферах жизни социума дали новый импульс развитию IT-технологий в судебно-экспертной деятельности вследствие замены традиционных аналоговых способов отображения объектов судебных экспертиз следов, фотоснимков, видео- и звукозаписей и др.) качественно новыми объектами, представленными в цифровом виде – цифровыми следами» [2, с. 23].

В диссертации П.В. Севастьянова «Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации» подробно описаны криминалистические технологии фотофиксации невербальной доказательственной информации и технологии 3D-моделирования при фиксации невербальной доказательственной информации. Указаны их превосходства в сравнении с устоявшимися традиционными экспертными средствами и методами, безопасность использования данных технических средств специалиста при проведении следственных действий, сокращение промежутка времени на исследования и в тоже время без потери качества его проведения.

Также в диссертации указано, что «фиксация доказательственной информации является ключевым элементом процесса собирания доказательств. Она направлена на обеспечение их достоверности и относимости к предмету доказывания» [3, с. 76].

Достоинства развития данного направления экспертно-криминалистической деятельности при изучении экспериментов с использованием новых технологий, в том числе 3D-сканеров, дают основание на дальнейшее их развитие и внедрение в экспертно-криминалистическое обеспечение выявления, расследования и раскрытия преступлений.

«Они создают новые возможности получения криминалистически значимой информации, превосходя существующие подходы по полноте получаемых данных, их точности и детализации. С помощью этих технологий успешно решаются актуальные и труднораз-

решимые вопросы по выявлению сложных трасологических следов, определению направления выстрела и траектории полета пули, оценке типа и мощности взрывного устройства по разлету и размеру фрагментов при взрывах, воссозданию места ДТП при фиксации взаимного расположения транспортных средств и т. д.» [3, с. 99].

Развитие технологий 3D-моделирования широко распространены в таких отраслях как искусство, обратный инжиниринг, медицина, историческое и культурное наследие. Но в то же время широкого распространения в подразделениях МВД России в качестве фиксации обстановки места происшествия или ее воссоздания до происшествия, для производства комплексной автотехнической и видеотехнической экспертизы по факту дорожно-транспортного происшествия (до и после), в рамках строительно-технической экспертизы, при производстве комплексных пожаро-технических экспертиз, взрыво-технических экспертиз, и т. д., к сожалению, не получает.

В статье также хотелось бы затронуть вопрос экспертно-криминалистической деятельности по созданию базы данных 3D-изображений лиц (подозреваемых (обвиняемых), осужденных), в установленном порядке прошедшей процедуру оценки соответствия средств защиты информации [4, с. 31], работающей при помощи (либо совместно с) информационно-поисковой системой, предназначенной для создания субъективных портретов подозреваемых в совершении преступлений на основе собранных данных, что несомненно повысит эффективность расследования и раскрытия преступлений в кратчайший срок.

Этот процесс существенно ускорит раскрытие преступлений по «горячим следам», упростит сбор доказательной информации по расследуемым уголовным делам, а также будет влиять на снижение межрегиональной преступности (доступ к базам будет возможен с любого территориального органа МВД России).

Отдельного внимания заслуживает необходимость более тесного взаимодействия МВД России с российскими разработчиками программного и аппаратного обеспечения в сфере 3D-технологий. Подобное сотрудничество способно существенно повысить качество и скорость фиксации и анализа следов (фото или видеоизображений), необходимого при расследовании противоправных деяний.

Также обращает на себя внимание тот факт, что 3D-технологии являются примером неразрушающего контроля, фиксации и анализа объективной реальности, позволяющего зафиксировать детали и артефакты на месте совершения правонарушения без разрушения

улик или изменения их взаимного положения, что позволяет сохранить детальный и высокоточный цифровой слепок места преступления для его дальнейшего анализа, архивирования или передачи на криминалистическую экспертизу.

В силу указанных выше причин, использование 3D-технологий также является незаменимым инструментом для обучения сотрудников криминалистических служб, поскольку позволяет организовать доступ к более емкой и всесторонней информации о местах совершения правонарушений или к детальным 3D-моделям инструментов совершения правонарушения, в случаях, когда исходные объекты являются недоступными.

Другим важным аспектом при использовании координатно-измерительных средств фиксации 3D-информации является принципиальное отсутствие деградации качества данных с течением времени, так как при правильной организации хранения таких данных гарантируется стопроцентная воспроизводимость сохраненной информации, что принципиально отличает данный способ хранения криминалистической информации от привычных методов, связанных с изготовлением слепков или основанных на сохранении физических объектов, склонных к различной степени деградации со временем и требующих специальных условий хранения (материалы, склонные к коррозии, гниению, разложению, воздействию влаги, температуры, и т. д.).

Еще одним существенным преимуществом 3D-данных является простота организации их верификации, а также легкость контроля и предотвращения несанкционированных манипуляций с данными, основанные на возможности использования цифровых подписей, шифрования и хэширования 3D-данных.

Одной из ведущих российских компаний в сфере 3D-технологий является компания ООО «НЬЮТЕК», которая занимается не только разработкой и производством высокоточных профессиональных 3D-сканеров (рис. 1,2), но и разработкой программного обеспечения для обработки и анализа 3D-данных. В настоящее время сканеры серии Calibry используются для трасологических экспертиз, а также в области дендрологического анализа, позволяя не только зафиксировать данные, но и сохранить их для последующего анализа и архивирования. В сотрудничестве с МВД России, компания дополнительно оснастила программное обеспечение Calibry Nest модулем для дендрологических экспертиз, проведения замеров и подготовки отчетов. Ведутся работы по добавлению в программное обеспечение инструментов для криминалистической экспертизы 3D-моделей лиц.

Рис 1. 3D-сканеры российского производителя ООО «Ньютек»

Рис 2. 3D-сканеры российского производителя ООО «Ньютек»

Сканеры Calibry Mini, используемые для высокоточной оцифровки небольших объектов (от слепка отпечатка пальца до лица человека, с точностью до 0.07 мм) уже давно широко используются в производстве, ортопедии, челюстно-лицевой хирургии, искусстве и прочих областях.

Сканеры Calibry, предназначенные для более крупных объектов (от кисти человека до автомобилей и фасадов зданий), идеально подходят для фиксации мест преступлений и создания их детализи-

рованных и высокоточных цифровых моделей, незаменимых в криминалистике, так как используемые в данный момент фото- и видеофиксация, во-первых, позволяют оценивать размеры объектов и расстояния между ними лишь примерно, а во-вторых, не позволяют рассмотреть сцену с разных углов после окончания записи.

В данный момент компанией ведутся разработки нового дальномерного лазерного сканера, предназначенного для проведения замеров и фиксации больших сцен: зданий, ангаров, элементов дорожно-транспортной инфраструктуры. Данные сканеры также могли бы оказать неоценимую помощь в экспертно-криминалистической деятельности МВД России.

Проведенный анализ источников позволяет сделать вывод о том, что искусственный интеллект с непосредственным участием человека в этом процессе применительно к экспертно-криминалистической деятельности является необходимой частью совместного развития технологий и процессов, способных на сбор и анализ данных, ее обработку и последующую выдачу необходимой информации, способствующей к положительному эффекту расследования преступлений и значительному уменьшению сроков проведения экспертиз, обеспечение дополнительной безопасности специалисту. Вышеуказанные факты позволят правоохранительным органам повысить эффективность работы, предоставят возможности предотвращения преступлений, а также минимизируют субъективизм и увеличат объективность оценки материалов дела.

Список литературы:

1. Сборник ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России.
2. *Россинская Е.Р.* Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3.
3. *Севастьянов П.В.* Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации : дис. ... канд. юрид. наук. 2024. 194 с.
4. О персональных данных [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Процессуальные полномочия прокурора по оценке доказательств, собранных при производстве дознания в сокращенной форме

Аннотация

В статье автором анализируются полномочия прокурора в рамках надзора за процессуальной деятельностью дознавателей на стадии досудебного производства, включая производство дознания в сокращенной форме. Также рассматриваются проблемные аспекты, связанные с отсутствием у прокурора права самостоятельно инициировать уголовное преследование, предлагаются пути решения. Делается вывод о ключевой роли прокурора в обеспечении эффективности досудебного расследования и соблюдения принципов уголовного судопроизводства.

Ключевые слова и словосочетания: досудебное производство; сокращенное дознание; оценка прокурором доказательств; цифровые технологии; дознаватель; обвинительное постановление.

Надзорная функция прокурора, реализуемая в отношении различных аспектов деятельности органов дознания, имеет особое значение для вопросов оценки доказательств, собранных в рамках досудебного производства, поскольку именно указанным должностным лицом принимаются важнейшие процессуальные решения, в том числе утверждение обвинительного акта (постановления), в содержании которых отражен перечень доказательств, нуждающихся в анализе и оценке в ходе судебного разбирательства.

Необходимо отметить, что прокурорский надзор остается основным инструментом обеспечения режима законности в рамках течения уголовно-процессуальных отношений, а надзор за деятельностью органов дознания в доктрине рассматривается как более объемное явление, чем надзор за деятельностью органов предварительного расследования.

Отметим, что природа надзорной деятельности прокурора обусловлена объективной процессуальной потребностью в выявлении нарушений требований уголовно-процессуального законодательства,

которые допускаются уполномоченными лицами органов предварительного расследования. Причем значительная часть выявляемых прокурорами нарушений связано с принятием незаконных и необоснованных решений органами предварительного следствия и дознания о возбуждении уголовного дела (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о количестве отмененных прокурорами постановлений о возбуждении уголовных дел, находящихся в производстве органов предварительного следствия и дознания¹

Период	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1. Принято к производству дел в отчетный период	следователями					
	1 321 088	1 376 009	1 319 327	1 259 603	1 228 327	1 242 184
	органами дознания					
	940 631	903 941	868 310	855 350	775 670	708 677
1.1. Из них в сокращ. форме дознания	83 121	69 307	59 077	44 006	31 286	20 573
2. Отменено постановлений следователей о возбуждении угол. дела	7 737	6 912	6 361	5 004	5 496	5 039
3. Отменено постановлений дознавателей о возбуждении угол. дела	8 670	7 695	6 438	4 728	4 301	4 480
3.1. В т.ч. в сокращ. форме дознания	2	2	0	0	2	0

В связи с рассмотрением проблем, касающихся реализации надзорных полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела хотелось бы отметить, что уже достаточно продолжительное время в уголовно-процессуальной доктрине поднимается вопрос о целесообразности принятого законодателем решения о лишении прокурора полномочий по возбуждению уголовного дела. Так, Н.В. Рошко [1, с. 132–136] предлагает вернуть прокурору право на возбуждение уголовного дела, считая, что такое право позволи-

¹ Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ : отчет по форме 1-ЕМ, установленной приказом Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 22 декабря 2017 г. № 858.

ло бы исключить многократные необоснованные решения об отказе в возбуждении уголовного дела, принимаемые органом дознания, дознавателем, руководителем следственного органа или следователем. Вместе с тем автор полагает, что такое решение существенно нивелирует функцию надзора. В свою очередь, А.В. Скабелин [2, с. 157–161] также придерживается аналогичного мнения о необходимости возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовных дел, что, по его мнению, является необходимым этапом развития уголовно-процессуального законодательства и приведения полномочий прокурора в соответствие с его ролью и сущностью, которые установлены Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом № 2202-1 от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации».

Наряду с этим в связи со значительным расширением Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» перечня средств и иных процессуальных действий, производство которых допускается в стадии возбуждения уголовного дела, в доктрине выдвигаются предложения о необходимости дифференциации производства, связанного с проверкой сообщения о преступлении, внутри которого следует выделить форму ознакомления прокурора с материалами проверочного производства, что позволило бы ему осуществлять дополнительный надзор за собранным дознавателем доказательственным материалом в стадии возбуждения уголовного дела.

Отметим, что несмотря на то что прокурор в рамках осуществления своей надзорной деятельности на стадии расследования уголовного дела не участвует лично в производстве следственных или иных процессуальных действий, а также не обладает полномочиями по непосредственному осуществлению предварительного расследования, законодатель позволил указанной уголовно-процессуальной фигуре осуществлять процессуальный контроль над действиями органов дознания.

Непосредственно в рамках производства сокращенного дознания прокурор осуществляет надзор за порядком проведения расследования уголовного дела. Во многом эти полномочия носят общий характер, так как они охватывают собой все формы предварительного расследования.

Вместе с тем наличие сокращенной формы дознания в качестве одной из возможных уголовно-процессуальных форм производства расследования по уголовному делу позволяет выделить ряд специ-

альных прокурорских полномочий по надзору за производством дознания в сокращенной форме.

Полномочия прокурора, связанные с осуществлением надзора в отношении ходатайства о производстве сокращенного дознания.

Во-первых, прокурор должен установить фактическое основание для выбора указанной формы предварительного расследования – непосредственно соблюдение установленных требований к подаче ходатайства, которое должно быть подписано подозреваемым и его защитником.

Во-вторых, прокурор должен убедиться в своевременности уведомления об этом процессуальном решении как потерпевшего, так и самого прокурора (ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ).

В-третьих, прокурор должен удостовериться в отсутствии обстоятельств, исключающих выбор указанной формы предварительного расследования (ст. 226.2 УПК РФ).

Полномочия прокурора, связанные с осуществлением надзора за производством дознания в сокращенной форме.

В соответствии с общими правилами, прокурор имеет право ознакомиться с материалами дела по письменному мотивированному запросу (ч. 21 ст. 37 УПК РФ). Данный запрос направляется дознавателю с целью получения всей необходимой информации для осуществления надзорной деятельности. Основная задача прокурора при ознакомлении с материалами уголовного дела заключается в проверке законности и обоснованности принятых решений. Прокурор исследует каждый документ, каждое обоснование и каждое доказательство, чтобы выявить возможные нарушения и ошибки¹.

Одним из способов реализации полномочий по осуществлению надзора за производством дознания в сокращенной форме выступает дача письменных указаний дознавателю о направлении расследования и производству процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Данное полномочие позволяет прокурору оказать необходимую помощь и осуществить контроль над производством дознания, обеспечивая соблюдение законности и прав человека. Так, письменные указания прокурора могут содержать конкретные инструкции и требования к действиям дознавателя, таким как проведение дополнительных проверок, допросов свидетелей или экспертов, а также действиям, направленным на сохранение и защиту доказательств. Письменные указания являются важным инструментом в работе прокурора, позволяя ему эффективно

¹ Смоляренко Д. А. Место судебных и правоохранительных органов в механизме защиты прав человека и гражданина // Крымский академический вестник. 2020. № 15. С. 258.

контролировать и корректировать деятельность дознавателей в рамках уголовного производства¹.

Кроме того, прокурор обладает полномочиями в отношении продления срока унифицированной формы дознания, однако указанное полномочие лишь косвенно относится к сфере доказывания.

Полномочия прокурора, связанные с осуществлением надзора в связи с поступившими материалами уголовного дела и обвинительным постановлением.

На финальном этапе производства сокращенного дознания стороны уведомляются об окончании расследования, составляется обвинительное постановление, которое предъявляется обвиняемому и его защитнику, после чего, материалы уголовного дела направляются прокурору в том числе и для оценки собранных доказательств. Проведение данной работы необходимо для того, чтобы прокурор мог сформировать личное убеждение в возможности обвинения по конкретному делу, в достаточности и допустимости имеющихся в деле доказательств для выполнения своей функции в суде.

Материалы уголовного дела, поступившие прокурору вместе с обвинительным постановлением, побуждают его к реализации следующих полномочий:

Во-первых, прокурор может возвратить уголовное дело для пересоставления обвинительного постановления в случае, если сочтет объем собранного доказательственного материала недостаточным для обвинения (п. 2 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

Во-вторых, прокурор может направить уголовное дело дознавателю для производства дознания в общем порядке в случае: 1) выявления обстоятельств, исключающих возможность производства дознания в сокращенной форме; 2) в случае допущения существенных нарушений требований УПК РФ; 3) в случае недостаточной совокупности собранных доказательств для обоснованного вывода об обстоятельствах преступления; 4) в случае наличия достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

В-третьих, прокурор может утвердить обвинительное постановление и направить материалы уголовного дела в суд (п. 1 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ). Утверждение итогового решения, принятого дознавателем по уголовному делу, представляет собой одну из ключевых обязанностей прокурора, в ходе выполнения которой он производит всесторонний анализ объема и качества собранных доказательств.

¹ Семенчук В.В. Судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью альтернатива прокурорскому надзору // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 134.

В-четвертых, прокурор может принять решение о прекращении поступившего от дознавателя уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. ст. 24–28.1 УПК РФ. Предусмотренные законом основания для прекращения уголовных дел направлены на исключение возможности незаконного прекращения уголовного дела и обеспечение соблюдения прав подозреваемых, обвиняемых и потерпевших, поскольку прокурор, осуществляя надзорную деятельность, обязан корректно оценивать всю имеющуюся информацию и доказательства, а также следить за тем, чтобы процесс расследования соответствовал установленным нормам и процедурам.

В-пятых, прокурор при утверждении обвинительного постановления обладает полномочиями по изменению квалификации преступления – он может исключить отдельные пункты обвинения или перекалифицировать его на менее тяжкое (п. 4 ч.1 ст. 226.8 УПК РФ).

Таким образом, одним из значимых аспектов осуществления надзорной деятельности прокурором заключается в том, что он, выступая в качестве участника уголовного процесса, должен не только обеспечивать соблюдение законности, но и активно участвовать в процессе сбора и оценки доказательств [3, с. 252]. В юридической доктрине достаточно давно отмечается то обстоятельство, что целый ряд полномочий прокурора, связанных с оценкой доказательств, добытых в рамках унифицированной формы дознания, требуют *de facto* от прокурора осуществления уголовно-процессуального познания. В соответствии с законом, прокуроры имеют полномочия вызывать должностных лиц органов дознания для дачи объяснений. Это является одним из инструментов надзорной деятельности прокурора, направленной на обеспечение законности и правопорядка [4, с. 46].

Рассуждая о деятельности прокурора по оценке доказательств на стадии досудебного производства, необходимо отметить, что в условиях всеобщей информатизации общества крайне актуальными остаются вопросы относительно оценки цифровых доказательств. Так, исследователи отмечают: «Ряд преступлений в сфере экономики совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий. К таковым можно отнести мошеннические действия, связанные со взломом профилей пользователей в социальных сетях и последующей рассылкой сообщений «друзьям» жертвы взлома с просьбой о переводе денежных средств под различными предложениями. В эту же группу можно отнести заведомо фиктивную продажу товаров (услуг) и другие виды противоправной деятельности» [5, с. 58].

К изложенному следует дополнить, что расследование преступлений экономической направленности, совершаемых с применением информационных систем и использованием сети Интернет осложнено

для органов предварительного расследования тем, что прокурор может не обладать специальными знаниями в рассматриваемой области. Кроме того, оценка прокурором достоверности некоторых видов доказательств может быть осложнена их цифровым форматом доказательств для чего потребуются помощь специалистов из других научных областей знаний, которые выражаются в независимом заключении эксперта.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что деятельность прокурора по оценке доказательств, полученных на стадиях досудебного производства обусловлена необходимостью всестороннего рассмотрения обстоятельств уголовного дела, анализа достаточности доказательств, законности их получения, оценке влияния принятого дознавателем решения на процессуальные сроки проведения следственных действий и завершение расследования как конечный исход уголовного дела. Система прав и обязанностей прокурора способствует реализации принципов уголовного судопроизводства, призванных обеспечивать эффективную работу подразделений дознания, поскольку прокурор имеет право контролировать все этапы производства дознания, в том числе в связи с наличием у прокурора функции контроля за производством дознания на всех этапах предварительного расследования в форме сокращенного дознания.

Список литературы:

1. *Рошко Н. В.* Анализ полномочий прокурора по оценке доказательств в досудебном производстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 6 (109).
2. *Скабелин А. В.* Возвращение прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела: за и против // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. № 2.
3. *Серова Е. Б.* К вопросу о роли прокурора в обеспечении истины в уголовном судопроизводстве // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденция. 2016. № 9.
4. *Дикарев И. С.* Кто должен направлять в суд уголовные дела для рассмотрения по существу? // Российская юстиция. 2017. № 11.
5. *Урбан В. В.* Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: общая характеристика и уголовно-процессуальные меры по их противодействию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88).

К вопросу об оценке результатов использования специальных знаний при раскрытии преступлений по «горячим следам»

Аннотация

В данной статье проводится анализ требований и правил, которыми руководствуется следователь при оценке результатов использования форм специальных знаний, применяемых при раскрытии преступлений по «горячим следам». Отмечены некоторые проблемы, возникающие при определении критериев оценки указанных результатов. Выделены авторские требования оценки использования специальных знаний.

Ключевые слова и словосочетания: *формы специальных знаний; заключение эксперта; заключение специалиста; требования и правила оценки; по «горячим следам».*

Современное состояние специальных знаний позволяет использовать их в методике расследования сложных преступлений. Также отдельные формы специальных знаний могут способствовать выявлению новых фактов в расследовании преступлений прошлых лет. Справедливо будет отметить, что специальные знания играют значительную роль в раскрытии и расследовании преступлений по «горячим следам».

Потребность использования специальных знаний в раскрытии по указанной методике заключается в возможности получения результатов изучения следов в кратчайшие сроки. В ходе ранее проведенного нами исследования установлено, что основными формами специальных знаний, используемых при раскрытии преступлений по «горячим следам», являются: экспертиза, непроцессуальные (предварительные) исследования, участие специалиста в осмотре места происшествия, консультативная помощь специалиста, осуществление проверок по экспертно-криминалистическим учетам [1, с. 105–107].

Результаты указанных форм могут носить как ориентирующий, так и доказательственный характер. Несомненно, приоритетным является получение криминалистически значимой информации,

которая в дальнейшем может быть использована в качестве доказательств. Однако не все формы специальных знаний носят процессуальный характер, и в этой связи их результаты не могут носить доказательственного значения.

Результатом производства судебной экспертизы является заключение эксперта и показания эксперта. Помимо требований, предъявляемых к заключению эксперта, существуют научно-обоснованные правила, среди которых, например: своевременность, соблюдение требований законности, объективность, полнота и всесторонность исследования, соблюдение криминалистических правил обращения с объектами экспертизы, целенаправленность и планомерность исследования [2, с. 18]. При этом указанный перечень правил не является исчерпывающим. По нашему мнению, одним из важных правил является доступность. При оценке заключения эксперта у следователя не должно возникать сложностей при его изучении. Несмотря на то что подавляющую часть экспертиз, осуществляемых при раскрытии и расследовании преступлений по «горячим следам», проводят сотрудники государственных учреждений, следователь не должен безоговорочно доверять им, так как нередко непредумышленные ошибки. Однако, зачастую, в указанных случаях следователи проводят оценку судебных государственных экспертиз формально [3, с. 10]. Если выводы, указанные в заключении эксперта, будут непонятны следователю, то у того возникнет необходимость в привлечении специалиста для составления «рецензий» на заключение эксперта. Это также значительно «затягивает» процесс раскрытия преступления.

Остро стоит вопрос об оценке заключения специалиста. Заключение специалиста было включено в уголовный процесс как средство противопоставления заключению эксперту [4, с. 164]. Как мы указывали выше, такого рода заключения специалиста называются «рецензиями» на заключение эксперта. Однако следователь также имеет право привлекать специалиста для дачи заключения. Нет единого понимания, в какой форме применения специальных знаний выступает заключение специалиста. По нашему мнению, заключение специалиста является формой исследования материалов уголовного дела с целью высказывания своего суждения.

Несмотря на то что уголовно-процессуальное законодательство не предъявляет никаких требований к заключению специалиста, оно между тем является доказательством согласно ст. 74 уголовно-процессуального законодательства. Кроме стандартных требований, предъявляемых к доказательствам, мы считаем, что заключение специалиста должно обладать специфичными правилами. Мож-

но предположить, что требования, предъявляемые к оформлению заключения специалиста, аналогичны требованиям заключения эксперта. Однако данный научный вопрос требует фундаментальной научной проработки. Отметим, что при раскрытии преступлений по «горячим следам» заключение специалиста должно обладать следующими требованиями: своевременность, научная обоснованность используемых методов, доступность.

Непроцессуальные формы специальных знаний, такие как предварительные исследования, консультативная помощь специалиста и проверка по экспертно-криминалистическим учетам, оформляются справками [5, с. 42]. Несмотря на то что уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует указанные справки, мы считаем, что они должны обладать собственной структурой, в них должны указываться объекты, представленные для исследования (вопросы, в случае оказания консультативной помощи). Преимущества непроцессуальных форм заключаются в непосредственном взаимодействии следователя и специалиста, что упрощает оценку результатов применения специальных знаний.

Таким образом, были проанализированы основные критерии (требования и правила), на основании которых следователь, осуществляя раскрытие и расследование преступлений по «горячим следам», производит оценку результатов использования форм специальных знаний. Следует отметить, что требования динамичны и зависят от того, являются ли указанные формы процессуальными или нет.

Список литературы:

1. Лушин И.А. Получение криминалистически значимой информации, используемой при раскрытии и расследовании преступлений по «горячим следам» при помощи специальных знаний // Международный научный вестник. 2024. № 12.
2. Хмыз А.И. Правила оформления заключения эксперта // Вестник экономической безопасности. 2023. №3.
3. Овсянников И.В. Процессуальные и криминалистические проблемы : научно-практическое и учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2010. 208 с.
4. Кудрявцева А.В. Оценка результатов использования специальных знаний на стадии предварительного расследования // Вопросы экспертной практики. 2017.
5. Протопопов А.Л., Ардашев Р.Г. Вопросы использования специальных знаний в расследовании преступлений. Улан-Удэ, 2020. 252 с.

Татьяна Владимировна Магомедова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: neco_96@inbox.ru

О понятии и системе уголовно-процессуальных гарантий

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «уголовно-процессуальные гарантии». Автором также преследуется цель определить систему гарантий уголовного судопроизводства, ее состояние и взаимообусловленность.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовно-процессуальные гарантии; гарантии прав личности; гарантии «правосудия»; обеспечение и реализация прав участников; уголовно-процессуальная норма.*

На протяжении нескольких десятилетий ученые-правоведы уделяли значительное внимание определению понятия и систематизации «уголовно-процессуальных гарантий». Правовая характеристика рассматриваемого правового явления зачастую зависела от характера взаимоотношений государства, общества и отдельной личности. Исторически обусловлено, что под влиянием государственной уголовной политики трансформируется само отношение к правам личности в уголовном процессе и, соответственно, к гарантиям прав участников уголовного судопроизводства, в том числе на досудебных стадиях. Закономерности указанных изменений, как и в целом теоретическое осмысление понятия, сущности и системы уголовно-процессуальных гарантий, не могли остаться вне поля научного интереса российской науки уголовного процесса. Однако, несмотря на важность данной правовой категории, различные подходы к ее исследованию обусловили, что проблема уголовно-процессуальных гарантий в теории уголовного процесса до настоящего времени так и осталась до конца неразрешенной.

Одна из первых попыток определения понятия процессуальных гарантий была предпринята корифеем науки уголовного процесса – профессором Н.Н. Полянским. В своих трудах он справедливо отмечал, что решение вопроса о процессуальных гарантиях тесно связано с вопросом о цели уголовного процесса, говоря о том, что «цель уголовного процесса шире, чем цель ограждения интересов

обвиняемого. Исключив из процесса все, что направлено к ограждению права лиц, в той или иной роли захватываемый механизмом правосудия, мы получим еще очень большой остаток процессуальных моментов, который можно объяснить только общей целью правильного, то есть соответствующего формам и нормам объективного права, решения вопроса о субъективном праве государства на наказание» [6, с. 33]. Проанализировав данный подход, мы приходим к выводу, что автор рассматривает процессуальные гарантии в широком смысле, распространяя область рассматриваемой нами категории не только на гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве, но на обеспечение разрешения материального отношения уголовной ответственности. Надо сказать, что данная позиция разделялась далеко не всеми. Рассматривая уголовно-процессуальные гарантии как «средства, предусмотренные нормами уголовно-процессуального права», Э. Ф. Куцова их назначение связывает, в первую очередь, с обеспечением реализации прав граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство. [5, с. 12]. Справедливости ради заметим, что именно гарантированная защита прав и законных интересов всех участников процесса, всестороннее обеспечение их законных интересов позволяет достичь цели уголовного судопроизводства – справедливого разрешения уголовно-правового конфликта.

Чуть позже, известнейшим ученым прошлого столетия – профессором М. С. Строговичем, подход к дефиниции «уголовно-процессуальные гарантии» был несколько конкретизирован. Он утверждает, что процессуальными гарантиями являются те установленные законом средства, при помощи которых участвующие в уголовном процессе граждане могут защищать свои права и интересы. Эти процессуальные гарантии распространяются на всех участников процесса, в том числе на лиц, которые являются неотъемлемой частью системы правосудия [7, с. 63]. В такой постановке вопроса процессуальные гарантии направлены не только на обеспечение прав лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений, но и на решение властными субъектами стоящих перед ними целей и задач уголовного процесса. Подчеркивает значение уголовно-процессуальных гарантий как средства, позволяющего обеспечить государственно властную деятельность, и профессор А. В. Гриненко. По его мнению, уголовно-процессуальные гарантии – это «закрепленные в действующем законодательстве средства и способы обеспечения надлежащей реализации прав и свобод участников уголовного судопроизводства, что позволяет осуществить назначение данного вида государственной деятельности» [3, с. 22]

В этом контексте считаем необходимым подчеркнуть, что, несмотря на значимость защиты прав и обеспечения интересов личности в уголовном судопроизводстве, публичные интересы как конечная цель уголовного судопроизводства не могут игнорироваться, в том числе, с точки зрения создания правовых механизмов, обеспечивающих нормальный ход расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Таким образом, в содержание понятия «уголовно-процессуальные гарантии» можно как минимум включать следующие признаки: функциональное назначение – обеспечение достижения цели и решения задач уголовного судопроизводства; правовую природу – относимость к уголовно-процессуальным правовым нормам, содержанием которых являются права, обязанности и ответственность участников процесса.

На фоне дискуссионности подходов к определению содержания и объема самого понятия уголовно-процессуальных гарантий, продолжают оставаться актуальными для теоретического осмысления и вопросы о том, какие именно правовые средства следует относить к процессуальным гарантиям? Можно ли говорить о наличии в уголовно-процессуальном праве системы процессуальных гарантий и, если да, то как может быть представлена ее структура?

Профессора Г.П. Химичева, О.В. Химичева и А.И. Бородулин однозначно указывают, что «уголовно-процессуальные гарантии вряд ли правильно сводить к какому-либо одному средству. Они представляют собой многоуровневую систему» [8, с. 18]. При этом Н.И. Капинус полагает, что системность феномену уголовно-процессуальных гарантий придает их «органическая целостность как процессуальных средств и способов, взаимодействующих между собой при обеспечении прав и законных интересов участников уголовного процесса в целях установления истины по уголовному делу» [4, с. 149]. По мнению профессора М.М. Выдри, взаимосвязь и взаимообусловленность элементов данной системы придает комплексный характер решаемых ими задач: с одной стороны, данные правовые средства позволяют личности реализовать свои права и интересы, с другой – защищают любого участника, вовлеченного в уголовный процесс, от необоснованных действий органов правосудия [2, с. 8].

Если системность уголовно-процессуальных гарантий, в общем и целом существенных возражений не вызывает, то содержание и структура рассматриваемой упорядоченной совокупности правовых средств понимается далеко неоднозначно. Так, профессор А.В. Гриненко полагает, что в это содержание следует включать:

принципы уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальной формы; закрепленные в законе права и свободы участников процесса [3, с. 26–27]. Система, предложенная уже упоминавшимися нами Г.П. Химичевой и ее коллегами, помимо указанных трех составляющих, включает в себя проверку законности и обоснованности процессуальных действий и решений; обязанность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, разъяснять права участвующим в деле лицам и обеспечить возможность осуществления этих прав [8, с. 18].

Заслуживает особого внимания система уголовно-процессуальных гарантий, предложенная Л.М. Володиной. Она основана на том принципе, что формальное закрепление прав участников уголовного судопроизводства в законе само по себе еще не обеспечивает их эффективную реализацию [1, с. 40]. В этой связи она предлагает в систему уголовно-процессуальных гарантий включать 1) обязанности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в части обеспечения реализации прав его участников; 2) право обжалования действий (бездействий) должностных лиц, в порядке, предусмотренном главой 16 Уголовно-процессуального кодекса РФ; 3) механизмы пересмотра судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

Таким образом, содержание понятия «уголовно-процессуальные гарантии» нам видится как совокупность их сущностных признаков, отражающих назначение – обеспечение достижения цели и решения задач уголовного судопроизводства; правовую природу – относимость к уголовно-процессуальным правовым нормам, содержанием которых являются права, обязанности и ответственность участников процесса; системность – взаимосвязь и взаимообусловленность отдельных средств; и комплексность реализации – необходимость согласованного действия в рамках реализации уголовно-процессуальных отношений.

Список литературы:

1. *Володина Л.М.* Уголовный процесс. Часть общая : учебное пособие. Красноярск, 2004. 40 с.
2. *Выдря М.М.* Гарантии прав участников процесса в судах первой и второй инстанций: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. 8 с.
3. *Гриненко А.В.* Уголовный процесс. Общая часть : учебник / под ред. А.В. Гриненко. М., 2002. 26–27 с.

4. *Капинус Н.И.* Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 149 с.
5. *Куцова Э.Ф.* Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972. 12 с.
6. *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М. : Право и жизнь, 1927. 127 с.
7. *Строгович М.С.* Избранные труды : в 3 т. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. М. : Наука, 1992. Т. 2. 278 с.
8. *Химичева Г. П., Химичева О. В., Бородулин А.И.* Понятие и назначение уголовного судопроизводства (уголовного процесса) : учебное пособие // М., 2002. 18 с.

Ольга Вячеславовна Майорова,
старший эксперт
отдела криминалистических экспертиз
ЭКЦ УМВД России по Астраханской области
E-mail: agentola@mail.ru
Ольга Евгеньевна Рослова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: roslovaolga1@yandex.ru

Графический планшет как объект криминалистического исследования

Аннотация

Авторами статьи освещаются некоторые проблемные вопросы методологического характера, возникающие при исследовании записей и подписей, выполненных с использованием графических планшетов.

Ключевые слова и словосочетания: *почерковедческая экспертиза; изображение подписи; специализированные планшеты; графические планшеты; цифровые следы; цифровые записи; электронный почерковый объект; электронное перо.*

В современных условиях сложно представить себе деятельность человека без использования электронного документооборота. Кроме того, некоторые документы оформляются только в электронном виде без дублирования на бумажном носителе. Все большее распространение получают устройства ввода графической информации (в частности подписей), используемые для подписания различного рода документов путем перемещения по планшету специального указателя (*электронного пера*).

Вопросы судебно-экспертного исследования таких подписей все чаще рассматриваются в научной литературе [1–6]. В методической литературе по судебной экспертизе в настоящее время не освещен подход к данному направлению исследования [7, 8]. При этом в практической судебно-экспертной деятельности остаются вопросы, требующие подробного теоретического осмысления и решения.

Так, в отдел криминалистических экспертиз ЭКЦ УМВД России по Астраханской области было назначено несколько многообъектных почерковедческих экспертиз, объектами исследования которых являлись подписи, выполненные с использованием гра-

фических планшетов. Согласно фабуле дела: «...неустановленные лица в период с 2020 по 2021 год, используя программный модуль “New DOL” OnlineDealer, предназначенный для регистрации абонентских договоров, заключенных в офисах официальных дилеров, их торговых представителей, с помощью удаленного взаимодействия через интернет с сервером салона сотовой связи осуществили оформление абонентских номеров на имя гр. N, а позднее – 81 договора на имя гр. N, без фактического обращения указанного гражданина в отделение связи и без заключения им договора об оказании услуг связи путем внесения недостоверных сведений об оказанных услугах». Таким образом, неустановленные лица нарушили правила эксплуатации средств хранения, обработки и передачи охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, информационных системах, а также правил доступа к этим информационным системам, что повлекло причинение вреда данной инфраструктуре Российской Федерации. В ходе выемки в салоне сотовой связи были изъяты оригиналы договоров на абонентские номера, зарегистрированные на имя гр. N, в количестве 57 шт., а также 81 шт. в электронном виде. Всего на почерковедческие экспертизы поступило 126 документов – абонентских договоров, в которых подлежало исследованию 240 подписей, выполненных от имени оператора (компания сотовой связи) в строках «Оператор» и от имени абонента в строках «Абонент». Часть документов была предоставлена в распечатанном виде, другая – в виде файлов в формате .pdf на электронных носителях (81 договор).

При ознакомлении с представленными документами было установлено, что штрихи и элементный состав подписей, изображения которых были расположены в строках «Оператор» абонентских договоров, *(представленных как в распечатанном виде, так и на электронных носителях)* методом сопоставления, в том числе посредством наложения изображений подписей с использованием графической системы «Растр» совпадали по конфигурации, расположению и взаиморасположению. Также отмечалось одинаковое расположение мест пересечений штрихов изображений всех подписей, расположенных в строках «Оператор» (в иных строках договоров менялись лишь текстовые сведения – номера телефонов, оформляемых сим-карт, коды идентификации, а также подписи в строках «Абонент»). В результате было установлено, что все исследуемые изображения подписей получены с одного «оригинала». Следствием было установлено, что процесс формирования абонентских договоров осуществлялся с использованием программного оборудования, имеющегося в салонах сотовой связи. Абонентские договоры создавались посредством внесения сведений в шаблон файла, использу-

мый программным обеспечением в качестве основы для создания новых документов. Подписи при этом выполнялись с использованием специализированных графических планшетов, установленных в салонах. Подпись от имени оператора (представителя компании сотовой связи) могла выполняться однократно, а в дальнейшем при оформлении значительного количества подобных документов, шаблон с уже выполненной подписью в строке «Оператор» просто копировался для внесения новых сведений по другому абоненту и выполнения подписи в строке «Абонент». Доступ к программе осуществлялся ограниченным кругом лиц, имеющим электронные ключи, (обычно руководителями салонов связи), и мог выполняться удаленно из любого салона сети, где установлено соответствующее программное обеспечение.

В научной литературе отдельными авторами была высказана мысль, что *«представленный файл может быть копией, полученной путем оцифровки оригинала документа, рукописные реквизиты в котором созданы с использованием традиционных материалов и инструментов письма, а может быть оригиналом, записи и подписи в котором выполнены исполнителем в электронном виде при помощи предназначенных для этого программных и технических средств, обеспечивающих функционирование опции рукописного ввода»* [6, с. 55]. Применительно к рассматриваемой ситуации, когда часть реквизитов среди множества файлов неизменна (подписи в графе «Оператор»), а часть внесена при оформлении нового договора (подписи в графе «Абонент» и иные текстовые данные) возникает вопрос: к какой категории относятся представленные на экспертизу документы? К цифровой копии или к оригиналу?

При изучении представленных подписей было также установлено, что подписи, расположенные в графах «Абонент» и «Оператор» выполнены в ограниченном прямоугольными рамками пространстве. Штрихи некоторых подписей в графах «Абонент» (например, верхние части петлевых элементов росчерков, нижние части вертикальных элементов букв «р», «у» и нечитаемых вертикальных элементов) не отобразились (рис. 1) в отличие от подписей в графах «Оператор», расположенных по центру указанных рамок. Можно предположить, что данная ситуация объясняется условиями ввода графической информации. Подписывающий (находясь в салоне связи за стойкой) при выполнении подписи на экране графического планшета путем перемещения по нему электронного пера не видит ограничивающие рамки, предусмотренные шаблоном договора в программе. В то же время сотрудник салона видит перед собой на экране монитора компьютера границы рамки, предусмотренные для подписи, соответственно, может скоординировать свои движения при выполнении подписи на планшете, чтобы не выйти за них.

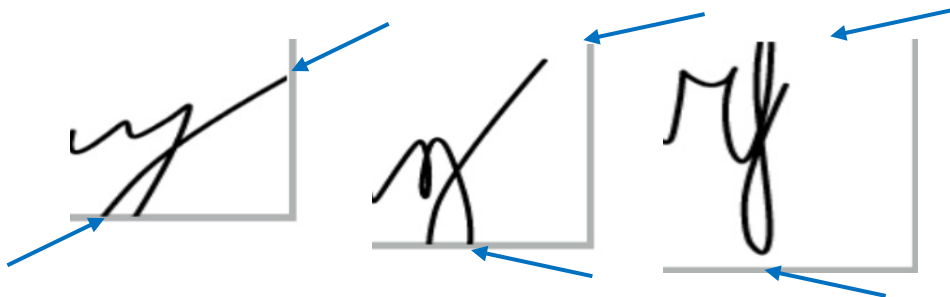

Рис. 1. Фрагменты подписей, расположенных в графах «Абонент» в представленных абонентских договорах¹.
Стрелками указаны границы прямоугольных рамок в графах «Абонент» исследуемых абонентских договоров

Кроме того, в ходе детального изучения каждой из исследуемых подписей была установлена пикселизация штрихов, выражающаяся в наличии признаков дискретной передачи информации, характерной для объектов, выполненных с использованием графических планшетов (рис. 2).

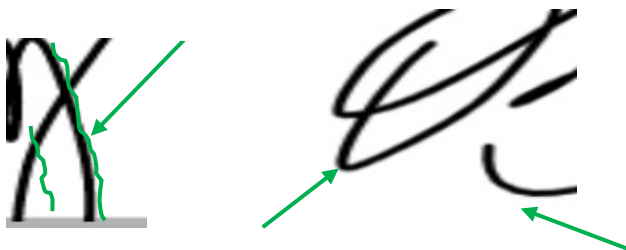

Рис. 2. Фрагменты подписей, расположенных в графах «Абонент» в представленных абонентских договорах. Стрелками указана пикселизация штрихов подписей

Для определения, насколько и каким образом происходит искажение (видоизменение) признаков при использовании конкретных графических планшетов, отличающихся друг от друга по характе-

¹ На основании п.1 ст. 3, ч.1 ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» подпись относится к категории биометрических персональных данных (сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных), в связи с чем в иллюстративных целях в статье будут приведены лишь фрагменты изображений некоторых элементов исследованных подписей, а не их полные изображения [9].

ристикам и назначению, необходимо использование специальных знаний из нескольких областей. Поэтому целесообразно назначение комплексной (почерковедческой и компьютерно-технической) экспертизы. В ходе производства данной экспертизы в качестве источников доказательственной информации может быть использован не только следственный эксперимент, но и экспертный эксперимент, проводимый по аналогии с предложенным ранее в отношении подписей, выполненных от имени других лиц [10, с. 189]. Поскольку изображение подписи, выполненное с использованием устройств ввода графической информации, перед получением конечного результата, которое мы в итоге и наблюдаем на планшете, проходит обработку соответствующим программным обеспечением, то цель данного экспертного эксперимента будет заключаться в установлении особенностей влияния обработки графической подписи программным обеспечением конкретного графического планшета. Учитывая изложенное, можно обозначить несколько нерешенных на настоящий момент вопросов¹:

1. Насколько алгоритм программного обеспечения графического планшета в ходе преобразования подписей видоизменяет их общие и частные признаки?

2. Как установить в таких ситуациях полноту передачи графической информации, содержащейся в рассматриваемых подписях, по сравнению с подписями, выполняемыми привычными пишущими приборами?

3. Каким образом степень полноты оцифровки подписей различается в зависимости от используемого программного обеспечения различных производителей графических планшетов?

Поскольку используемые устройства ввода графической информации находят все большее практическое применение и, соответственно, почерковые реализации, получаемые при их использовании, все чаще поступают в качестве объектов почерковедческих экспертиз, рассмотренные в статье проблемные вопросы требуют более детальной теоретической проработки с последующим внедрением полученных апробированных результатов в практическую судебно-экспертную деятельность.

¹ Разработка данных направлений будет предметом дальнейших теоретических и экспериментальных исследований.

Список литературы:

1. *Россинская Е. Р., Бодров Н. Ф.* Современное состояние и перспективы исследования образов цифровых следов в судебной почерковедческой экспертизе // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1. Т. 21.
2. *Рыбалкин Н. А.* Экспертиза почерковых объектов, выполненных с использованием технических устройств: теоретические и практические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2023. 224 с.
3. *Охлупина А. Н.* Теоретические, методические и организационно- тактические основы применения интеллектуальных систем в судебно-почерковедческом исследовании подписей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
4. *Яскина В. Э., Болдырева Е. А., Круглов Л. М. и др.* Возможности исследования почерковых объектов, выполненных с применением нетрадиционных инструментов и материалов письма : информационное письмо. М. : ЭКЦ МВД России, 2024. 14 с.
5. *Яскина В. Э., Лакеев П. И., Круглов Л. М.* О возможности установления инструментов письма, которыми выполнены рукописные объекты, по их изображениям, представленным на экспертизу в электронном виде // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 3 (56). 2024.
6. *Яскина В. Э., Лакеев П. И., Круглов Л. М.* О некоторых вопросах исследования почерковых объектов, представленных на экспертизу в электронном виде // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. № 2. Т. 18.
7. Исследование изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помощи копировально-множительной техники : методические рекомендации. М. : ЭКЦ МВД России, 2021. 40 с.
8. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина, В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010. Ч. I. 568 с.
9. О персональных данных [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. *Рослова О. Е.* Экспериментальное исследование динамического стереотипа при производстве почерковедческих экспертиз подписей, выполненных от имени других лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4.

Александра Александровна Маклакова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: maklakova86@mail.ru

Актуальные проблемы порчи имущества на железнодорожном транспорте

Аннотация

В статье обсуждаются отдельные уголовно-правовые и криминалистические аспекты вандализма, совершенного на объектах железнодорожного транспорта. Опасностью современного вандализма является то, что указанное деяние в настоящее время сохраняет свою остроту и актуальность, создает угрозу безопасности пассажиров в значительной большей степени, чем возможно технические неисправности подвижного состава, а также влечет за собой предпосылки для совершения более тяжких насильственных преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: вандализм; порча имущества; осквернение имущества; объект преступления; предмет преступления; особенности вандализма на железнодорожном транспорте.

Строительство железной дороги в далеком прошлом значительно упростило сообщение между населенными пунктами, позволив преодолевать огромные расстояния в короткий срок. С одной стороны, железная дорога – это возможность безопасного передвижения из одного пункта в другой, с другой – определенная, зачастую смертельная опасность для тех, кто не желает соблюдать предусмотренные законом правила поведения.

Один из видов транспорта – железнодорожный – наряду с водным и воздушным, важен для нормального функционирования такого государства, как Россия. Общественная безопасность и общественный порядок в нескольких регионах одновременно, обусловленный функциональными особенностями железнодорожного транспорта, является одной из специфических особенностей железнодорожного транспорта.

Согласно федеральному закону, представляющий собой основу транспортной системы Российской Федерации, железнодорожный транспорт во взаимодействии с другими видами транспорта призван обеспечивать во внутреннем и в международном железнодорожном сообщениях потребности населения в перевозках и услугах,

жизнедеятельность всех отраслей экономики и национальную безопасность государства, формирование рынка перевозок и связанных с ними услуг, эффективное развитие предпринимательской деятельности [1, с. 2]. Совершенствование железнодорожных коммуникаций не стоит на месте, а появление высокоскоростных поездов сокращает время, проведенное в пути, обеспечивая пассажиров максимальным комфортом.

Учитывая протяженность железной дороги, востребованность железнодорожного транспорта как наиболее безопасного и общедоступного вида транспорта растет. Определенные трудности в раскрытии преступлений представляют определенный интерес к преступлениям, совершаемых именно на объектах железнодорожного транспорта

Обладая особыми специфическими особенностями, преступления, совершаемые на железнодорожном транспорте, несомненно, отличаются от преступлений, совершаемых, например, в населенном пункте.

Превалирующими преступлениями на объектах железнодорожного транспорта являются противоправные деяния против собственности, такие, как: кража, мошенничество, разбой, умышленное уничтожение и повреждение имущества и т. д.

Особое внимание заслуживает вандализм, то есть осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах [2, с. 214], распространение которого в последнее время набирает обороты в геометрической прогрессии.

Из толкования понятия, предложенного С. И. Ожеговым, под вандализмом стоит понимать бессмысленное и жестокое разрушение исторических памятников и культурных ценностей, варварство [3].

Между тем в толковом словаре Д. Н. Ушакова [4] определение термина вандализма во втором значении – грубость нравов, невежество – характеризует отношение лиц, совершающих вандализм, к общепринятым моральным нормам.

Объективная сторона порчи имущества на объектах железнодорожного транспорта выражается в действиях, оскорбляющих общественную нравственность. Действия вандалов, характеризующиеся насильственностью и беспощадностью, попирают общепринятые принципы морали и нравственности и представляют собой грубое нарушение общественного порядка. Демонстрируя окружающим результаты собственного асоциального поведения, злоумышленники разрушают материальные объекты, созданные другими людьми, обладающие определенной культурной или духовной ценностью.

Обладая высокой степенью общественной опасности, бессмысленные акты насилия наносят колоссальный ущерб собственникам объектов и духовным общественным благам человечества в целом, например, разбитые створки турникетов, вызывающие, а порой – нецензурные и циничные надписи, оставленные вандалами на стенах составов электропоездов, оскорбляют чувства пассажиров (рис. 1). При этом подобное индифферентное отношение злоумышленников к окружающим вызывают у последних чувство страха, ощущение незащитности, ассоциируясь с опасностью и нестабильностью (если так относятся к государственному имуществу, тогда что могут сделать с моим?..).

Рис. 1. Электропоезд ЭД4М-030503, находящийся на станции Поклонная Киевского направления МЖД

Согласно статистическим данным за 2022 год зафиксировано 865 случаев вандализма, из них 288 произошли в поездах, а 577 – на инфраструктуре ЦППК. Общий ущерб от противоправных действий превысил 29 млн. рублей.

К примеру, в 2023 году на Приволжской железной дороге зафиксировано 33 фактов вандализма в отношении подвижного состава и оборудования. Это почти на 18 % больше, чем годом ранее. В числе произошедших нарушений – обкидывание поездов камнями

ми (8 фактов), битье стекол в поездах (8 фактов), битье линз светофоров (4 факта) и раскраска подвижного состава «граффити» (13 фактов) [5] (рис. 2).

Рис. 2. Электропоезд ЭД4М-454, вагоны 05, 06.

На территории Октябрьской железной дороги за 2023 год было зафиксировано почти 300 случаев порчи имущества РЖД. Ущерб составил почти 1,8 млн руб. Среди основных инцидентов – порча вагонов граффити, почти 200 раскрашенных составов были сняты с эксплуатации для восстановления покрытия в 2023 году. Около 40 составов были обкиданы камнями, чаще всего хулиганским действиям подвергаются пригородные электропоезда [6].

Помимо этого, не стоит забывать о возможных социально опасных последствиях акта насильственного воздействия, которым, собственно, является вандализм. Зачастую лица, причастные к осквернению имущества, впоследствии совершают более тяжкие насильственные преступления.

Несмотря на явную очевидность, в вопросах рассмотрения в качестве объекта криминалистического исследования деятельность предприятий железнодорожного транспорта либо деятельность ОАО РЖД среди ученых-криминалистов отсутствует единая точка зрения.

Например, О. П. Грибунов предлагает выделить ряд определенных особенностей, позволяющих определить ОАО «РЖД» как объект научного криминалистического исследования [7].

Применительно к объектам железнодорожного транспорта вандализм можно разделить:

- на разрушение государственного и частного имущества, например, битье стекол подвижного состава, который находится как в пути, так и в парке отстоя поездов. При этом, безусловно, битье стекол электропоездов пригородного сообщения и поездов дальнего следования, находящихся в пути следования, значительно опаснее, нежели битье стекол состава, находящегося в парке отстоя. Обкидывая камнями движущийся состав, нарушители могут причинить вред пассажирам, находящимся внутри состава;
- граффити (нанесение нецензурных записей, циничных и непристойных рисунков и изображений на объектах железнодорожного транспорта);
- поджог государственного имущества (релейных шкафов);
- порчу государственных и частных сооружений (повреждение оборудования железнодорожного транспорта) [8].

Неоспоримая значимость исследований вандализма обусловлена высокой степенью общественной опасности и значительно увеличивающейся распространенностью. Особо важным аспектом порчи имущества на объектах железнодорожного транспорта является возраст правонарушителей – все чаще рассматриваемые противоправные деяния совершаются лицами в возрасте от 10 до 20 лет. Вопросам совершения вандализма на железнодорожном транспорте несовершеннолетними предполагается посвящать отдельную научную работу.

Примечательно, что в последнее время осквернение, порча имущества и др. в некоторой степени не является целью злоумышленников, а является следствием иных противоправных деяний.

Некоторыми проблемами порчи, разрушения и осквернения имущества на объектах железнодорожного транспорта можно назвать:

1. Сложности в идентифицировании личности нарушителей. Качество камер видеонаблюдения, установленные на некоторых станциях Московской железной дороги, оставляет желать лучшего: установить личность преступников зачастую невозможно ввиду размытого и нечеткого изображения. Отсутствие камер видеонаблюдения на перегонах и платформах, в большинстве случаев – в малонаселенных пунктах и отдаленных участках дороги, а также в составах электропоездов пригородного сообщения старой формации, минимизирует шансы на поиски злоумышленника. Безусловно, оснащение камерами видеонаблюдения на всем протяжении пути железной дороги – дорогостоящая и нерентабельная идея.

Однако, на мой взгляд, целесообразно рассмотреть вопрос о размещении средствами видеофиксации максимально возможного качества на криминогенных участках железной дороги и объектах железнодорожного транспорта, наиболее подверженных нападениям правонарушителей.

2. Не всегда возможно задержать нарушителя «по горячим следам». Большая протяженность железной дороги в целом и немалые расстояния между отдельными станциями в некоторой степени влияют на оперативное задержание вандала. Правоохранительными органами и ОАО «РЖД» предпринимаются активные меры для решения данной проблемы, однако установить наряды полиции на каждой станции обслуживаемой территории просто невозможно. В целях предупреждения совершения преступлений на объектах железнодорожного транспорта, противодействия вмешательства в деятельность железнодорожной инфраструктуры, предусмотрены мобильные группы из числа сотрудников полиции, курсирующие по всему участку оперативного обслуживания. Однако в некоторых случаях и этого бывает недостаточно ввиду недостаточной укомплектованности личного состава сотрудников МВД.

Таким образом, необходимо предусмотреть укомплектование личного состава правоохранительных органов и обеспечить оснащение камерами видеонаблюдения высокого качества криминогенные объекты железнодорожного транспорта.

Список литературы:

1. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. Ст. 214.
3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2019. 1376 с.
4. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.
5. Железнодорожники обеспокоены учащением случаев вандализма в отношении подвижного состава и оборудования. URL: <https://www.4vsar.ru/news/jeleznodorojniki-obespokoeny-ychascheniem-slychaev-vandalizma-185256/> (дата обращения: 05.11.2024).

6. Вандалы нанесли ущерб Октябрьской железной дороге почти на 1,8 млн руб. в 2023 году. URL: <https://gudok.ru/news/?ID=1656128> (дата обращения: 05.11.2024).

7. *Грибунов О.П.* Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте. Иркутск : Восточно-Сибирский институт министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. 360 с.

8. *Скороходова А.С.* Вандализм // Социологический журнал. 1999. № 3-4.

К вопросу о масштабировании уведомления о подозрении на предварительное следствие

Аннотация

Статья посвящена анализу актуальности и перспективам реформирования обвинительной деятельности в уголовном процессе Российской Федерации. На основе анализа материалов архивных уголовных дел, а также мнений представителей научного сообщества и практикующих правоприменителей, проанализировано предложение о масштабировании института уведомления о подозрении на предварительное следствие. Освещены положительные аспекты внедрения данного правового института в структуру предварительного следствия.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное преследование; обвинительная деятельность; институт привлечения лица в качестве обвиняемого; уведомление о подозрении; предварительное расследование; обвинительный тезис.

Российское уголовно-процессуальное право, являясь отраслью прогрессивной правовой системы, продолжает стремительно реформироваться. Законодатель уделяет особое внимание оптимизации уголовного процесса, в частности, вопросам обеспечения прав его участников. Тем не менее без внимания остаются отдельные нормы и институты, к необходимости качественного преобразования которых призывают как представители научного сообщества, так и практикующие работники органов правоохранительной системы с момента введения в действие УПК РФ и по сегодняшний день. Среди них – институт обвинения и регулируемые его нормами уголовное преследование и обвинительная деятельность.

Отметим, что 20 февраля 2025 года на ежегодном совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Президент Российской Федерации подчеркнул необходимость дальнейшей гуманизации уголовной политики государства, указав, в частности, на то обстоятельство, что в 2024 год по каждому пятому уголовному делу, рассмотренному судами, уголовное преследование прекращено именно судом [1]. Данное обстоятельство

свидетельствует, среди прочего, и о наличии существенных недостатков в механизме реализации обвинительной деятельности.

Таким образом, считаем очевидной актуальность дальнейшего изучения вопроса реформирования обвинительной деятельности органов предварительного расследования в уголовном процессе России.

Ключевым звеном указанной деятельности в досудебном производстве является институт привлечения лица в качестве обвиняемого. Его значение, как ключевое, определяет множество факторов, среди которых приоритетная задача самой обвинительной деятельности – введение в уголовный процесс нового участника, – обвиняемого.

В зависимости от формы предварительного расследования, дифференцировано содержание обвинительной деятельности. Так, в ходе дознания появление обвиняемого связано с завершением предварительного расследования и составлением дознавателем обвинительного акта (обвинительного постановления). В ходе производства по уголовному делу в форме предварительного следствия обвиняемый становится полноправным участником процесса в связи с вынесением в отношении него постановления о привлечении в качестве обвиняемого. При этом, как показали результаты анализа 250 архивных уголовных дел, проведенного автором настоящей статьи в ходе диссертационного исследования, лишь в 32 % случаев обвинение было предъявлено в окончательной редакции в день окончания предварительного расследования, тогда как 59 % случаев обвинение предъявлялось как минимум за неделю до окончания предварительного расследования, в 6 % более, чем за 10 дней, а в 3 % срок составил более месяца. Таким образом, привлечение лица в качестве обвиняемого при производстве по уголовному делу в форме следствия не сопряжено с окончанием предварительного расследования, когда уполномоченным органом может быть констатирована достаточность полученных доказательств для формирования на их основе обвинительного тезиса и его предъявления подозреваемому, что, по мнению автора настоящей статьи, является недостатком действующего порядка обвинительной деятельности.

Одним из наиболее оптимальных вариантов реформирования обвинительной деятельности представляется реорганизация института привлечения лица в качестве обвиняемого путем его переноса на момент окончания предварительного расследования, совмещение предъявления обвинения подозреваемому с ознакомлением с обвинительным заключением и внедрения процедуры уведомления о подозрении для предварительного следствия.

Подобное предложение впервые было озвучено профессором Б.Я. Гавриловым при подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению, и до сегодняшнего дня находит сторонников как среди представителей научного пространства, так и среди практиков-правовых специалистов [7, с. 106].

Среди положительных перспектив имплантации [6, с. 64] уведомления о подозрении в структуру предварительного следствия автор настоящей статьи видит рационализацию и упрощение обвинительной деятельности.

Во-первых, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого содержится лишь обоснованное и доказанное в установленном порядке к определенному этапу предварительного расследования подозрение, а не окончательный для всего досудебного производства обвинительный тезис. Обвинение должно предъявляться на основании процессуального документа, аккумулирующего результаты предварительного расследования, когда можно вести речь о том, что субъектом обвинительной деятельности получены достаточные доказательства для утверждения виновности конкретного лица в совершении преступления.

Во-вторых, уведомление о подозрении позволяет поставить лицо в известность о сути имеющегося в отношении него подозрения на более ранних этапах предварительного расследования, чем в случае, когда такая информация становится известна ему в результате предъявления обвинения, что дает подозреваемому реальную возможность защищаться от направленной в отношении него обвинительной деятельности с начала ее осуществления уполномоченными субъектами.

В-третьих, несмотря на то что некоторые авторитетные ученые, например, профессор Л. В. Головкин, считают процедуры уведомления лица о подозрении и привлечения лица в качестве обвиняемого практически идентичными [3, с. 22], экономичность института уведомления о подозрении в сравнении с институтом привлечения лица в качестве обвиняемого очевидна, о чем свидетельствует, в частности, исследование, проведенное М.Ю. Колбеевой [4, с. 158–160].

Тем не менее нередко данная законодательная новелла подвергается критике.

Например, Д. В. Шаров убежден, что внедрение процедуры уведомления о подозрении для предварительного следствия по аналогии с дознанием, то есть для тех случаев, когда уголовное дело возбуждено по факту, а не в отношении конкретного лица, приведет к ущемлению прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности [8, с. 210].

Так, уважаемый автор высказывает опасения относительно ситуации, в которой подозреваемый, наделенный таким процессуальным статусом в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела, до момента окончания предварительного следствия никакой новой информации о сути имеющегося в отношении него подозрения, кроме той, которая была изложена в постановлении о возбуждении уголовного дела, не получит.

На первый взгляд, высказанные опасения вполне резонны. Однако изложенная автором позиция далеко не бесспорна.

Несмотря на то что обвинительный тезис, формулируемый в ходе предварительного следствия, в определенном смысле «сложнее», чем в ходе дознания (в связи с тем, что органами предварительного следствия расследуются более тяжкие уголовные дела), процессуальный статус подозреваемого един, вне зависимости от формы расследования. Таким образом, если следовать логике, изложенной Д.В. Шаровым, следует констатировать ущемление прав подозреваемого, в отношении которого осуществляется производство по уголовному делу в форме дознания.

В ходе дознания подозреваемый, в отношении которого возбуждено уголовное дело, знакомится с окончательным (для досудебного производства) обвинительным тезисом только на этапе окончания самого предварительного расследования. При этом, с момента принятия Федерального закона от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ¹, которым в уголовное судопроизводство был введен институт уведомления о подозрении (ст. 223.1), в форме дознания было расследовано более 6,5 млн уголовных дел [5] без классического для предварительного следствия предъявления обвинения, и, как справедливо отмечают Б.Я. Гаврилов и А.В. Красильников, в рассмотренный период жалоб на нарушения права на защиту от осужденных не поступало [2, с. 92]. Кроме того, при подготовке диссертационного исследования соискателем осуществлялся анализ материалов архивных уголовных дел, из которых 130 – дела, расследованные в форме дознания. Ни в одном из случаев ни обвиняемым, ни его защитником не заявлялось ходатайств о продлении срока ознакомления с обвинительным актом (обвинительным постановлением) и материалами уголовного дела.

Ранее нами уже освещались результаты анализа материалов архивных уголовных дел, расследованных в форме следствия, показавшие, что в 32 % случаев обвинение в окончательной редакции

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

предъявлялось в день окончания предварительного расследования. В данной связи смеем предположить, что на момент предъявления обвинения следователем уже было составлено обвинительное заключение. Таким образом, получается, что в этих случаях подозреваемые до конца предварительного расследования оставались в «неведении» относительно объема имеющейся у следователя информации о совершенном деянии, однако приведенное обстоятельство опасений у представителей научного сообщества, судя по всему, не вызывает, поскольку это нормативно урегулированный действующий на протяжении последних 25 лет порядок.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что отдельные уголовно-процессуальные нормы требуют оптимизации. В частности, это касается положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих обвинительную деятельность.

Внедрение процедуры уведомления о подозрении в структуру предварительного следствия может стать эффективным шагом на пути реформирования обвинительной деятельности, в частности, способствуя большей эффективности обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Президент принял участие в ежегодном совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42259> (дата обращения: 12.02.2025).

2. *Гаврилов Б. Я., Красильников А. В.* Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68).

3. *Головкин Л. В.* Институт уведомления о подозрении: мнимые и подлинные смыслы // Законы России: опыт, анализ, практика. № 7. 2023.

4. *Колбеева М. Ю.* Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 222 с.

5. Об утверждении и введение в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблю-

дения № 1-Е, № 1-ЕМ [Электронный ресурс] : отчет по форме «1-Е (МВД)», утвержденный приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. № 858. Доступ из Сервиса ведомственной правовой статистики единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

6. *Россинский С.Б.* Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? // Государство и право. 2022. № 3.

7. *Сопнева Е.В.* Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2015. № 7.

8. *Шаров Д.В.* Масштабирование института уведомления о подозрении на предварительное следствие: за и против // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2.

Почему в МВД России необходимы следователи-криминалисты?

Аннотация

В статье рассматривается проблема остро назревшей необходимости введения в следственных подразделениях МВД России такого субъекта как следователь-криминалист (по расследованию преступлений, являющихся элементами транснационального наркотрафика). Приводятся аргументы за.

Ключевые слова и словосочетания: *следователь-криминалист; расследование преступлений, являющихся элементами транснационального наркотрафика; информационно-аналитическое обеспечение; оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность.*

В ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации среди других участников уголовно-процессуальной деятельности фигурирует следователь-криминалист. Данный субъект входит в состав некоторых правоохранительных органов, но не в МВД России, которое несет на себе основное бремя по борьбе с наркопреступностью.

Следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству¹. Довольно замысловатое определение, на наш взгляд, имеет данный субъект уголовного судопроизводства. Много содержательных вещей остаются непонятными, но основные – какими функциональными обязанностями он обладает, и почему в МВД России его нет?

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).

Обращаясь в прошлое, конечно, ответ на второй вопрос будет очевиден, ведь, общеизвестными являются факты из истории правоохранительных органов Российской Федерации, а именно, что в результате реорганизации органов прокуратуры, отделы криминалистики вошли в структуру нового правоохранительного органа Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) и на смену прокурорам-криминалистам пришли следователи-криминалисты¹.

По мнению О. П. Темираева, вторая часть названия должности «криминалист» (применительно к прокурору-криминалисту) означало в первую очередь профессионала в части тактики и методики расследования преступлений, нежели специалиста в криминалистической технике [4, с. 25].

Г. М. Меретуков не соглашается с вышеуказанным мнением, аргументируя это тем, что просто прокурор или следователь прокуратуры (до создания СК РФ) таким образом не должны обладать навыками в организации и тактике проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий, в криминалистической методике процесса расследования преступлений [2, с. 735–736]. По мнению ученого, следователь-криминалист должен иметь следующие полномочия: по решению следователя (руководителя следственной группы или руководителя следственного органа при принятии дела к своему производству) вправе уполномочивать своим процессуальным решением о производстве следственных и иных процессуальных действий, а также об участии в следственных действиях наряду со следователем, в целях обеспечения надлежащего применения научно-технических средств и процессуального оформления при расследовании преступлений, помощи специалистов и взаимодействия с судебно-экспертными учреждениями, и использования современных возможностей судебных экспертиз, внедрение новых достижений науки и техники передового опыта в раскрытии и расследовании преступлений, разработки научно-методических и практических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений [2, с. 741].

¹ О следственном комитете Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации (вместе с «Положением о Следственном комитете Российской Федерации») [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 14 января 2011 г. № 38. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сложно не согласиться с мнениями указанных авторов, однако, на наш взгляд, почему бы не синтезировать эти две точки зрения в той части, что следователь-криминалист – это лицо, имеющее определенные профессиональные навыки как в технике, так и в тактике и методике расследования групп однородных преступлений?

Конечно, и просто следователь должен обладать этими знаниями и умениями, однако в системе МВД России, когда у следователей зачастую нет линий расследования, это представляется весьма проблематичным. Хотя в данном аспекте стоит сказать о такой необходимости, учитывая, например, положительный опыт борьбы с наркопреступлениями Управления по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Действительно, особенно остро вопрос в необходимости следователей – криминалистов касается расследования такой группы однородных (по предмету – наркотические средства, психотропные вещества) преступлений как транснациональный наркотрафик (далее – ТННТ). Для аргументации данного положения здесь не обойтись без простой математики.

За 2024 год зарегистрировано 198 043 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Из них по ст. 210 УК РФ – 62, что является 0,03 % от общего числа. Остаток нераскрытых преступлений в сфере НОН составляет 955 905, из которых по ст. 210 УК РФ – 160 (0,02 % от общего числа) [3].

Остальная часть как зарегистрированных, так и нераскрытых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков преимущественно составляют такие элементы ТННТ как хранение и сбыт наркотических средств, психотропных веществ. В наших проведенных ранее исследованиях мы придерживаемся мнения, что подобное «вырывание» единичных элементов из самодостаточной и самовоспроизводящейся системы ТННТ, не направлено на системную борьбу с данным видом преступности [1, с. 264].

Ввиду этого, еще с момента проникновения в наше государство транснациональной преступности, возникла давно назревшая необходимость введения в следственных подразделениях в том числе МВД России такого субъекта как следователь-криминалист. Но чем же он будет отличаться от обычного следователя?

В наших исследованиях данный вопрос мы связываем с проблемой информационно-аналитического обеспечения расследования преступлений, являющихся элементами ТННТ.

По нашему убеждению, следователь – криминалист должен стать связующим звеном между оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью.

Обоснованием вышесказанного положения является тот факт, что наибольшей информативностью в системе МВД России по преступлениям, являющимся элементами ТННТ, обладают оперативные подразделения наркоконтроля ввиду специфики своей деятельности. Следственным же органам передается лишь некоторая часть тех оперативных разработок, которые подлежат возбуждению, ввиду чего, следователь, расследовав какой-либо единичный эпизод и передав его в суд, не видит полной цепочки ТННТ.

Мы предлагаем оптимизировать данную деятельность и предложить следующий алгоритм: следователь-криминалист на основе материалов, представленных по результатам оперативной разработки (в том числе по зарубежным) и информации, полученной из иных источников, составляет информационно-аналитическую подборку материалов, представляющих информационную модель ТННТ, включающую в себя этапы совместной реализации материалов ОРД путем доследственных проверок и принятия обоснованных уголовно-процессуальных решений.

Полагаем, такой подход создаст постоянно действующий информационный поток с момента получения первичной информации вплоть до завершающей стадии расследования деятельности организованного преступного сообщества.

Подводя итог вышесказанному, необходимо ответить на вопрос, указанный в названии статьи «Почему...?» Тот существующий механизм борьбы, который осуществляется по преступлениям, являющимся элементами ТННТ, требует незамедлительной оптимизации, при которой, без субъекта, осуществляющего аккумуляцию криминалистически значимой информации, проводящего ее (информации) аналитику с выдачей соответствующих рекомендаций, являющегося по сути, связующим звеном между оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью, не обойтись. Этим ключевым звеном и является следователь-криминалист. В нашем деле важно помнить, выявленные, предотвращенные, раскрытые или расследованные преступления, являющиеся элементами ТННТ – это сотни, тысячи, миллионы спасенных жизней!

Список литературы:

1. Манакова Е.А. Психотропное оружие как разновидность боевого отравляющего вещества диверсионного назначения: криминалистический аспект // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57).
2. Меретуков Г.М. Следователь-криминалист: процессуальный статус и его функции // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109.
3. Сведения о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров ... за январь-декабрь 2024 г.
4. Темираев О.П. Процессуальные полномочия следователя-криминалиста // Российский следователь. 2012. № 18.

Татьяна Анатольевна Мещерякова,
научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и
разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка
Академия управления МВД России
E-mail: tmeshcheriakova3@mvd.ru

Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых при управлении средствами индивидуальной мобильности

Аннотация

В статье рассмотрены примеры особенностей использования специальных знаний, которыми обладают эксперты и специалисты, при расследовании преступлений, совершаемых при управлении средствами индивидуальной мобильности. Рассмотрено влияние механизма управления различными конструкциями средств индивидуальной мобильности, дорожных условий, шин, сезона эксплуатации, физическое состояние и способность лиц управлять средствами индивидуальной мобильности на их возможности обеспечить безопасные условия движения. Данная статья подготовлена с учетом содержания государственного стандарта, устанавливающего технические требования к электрическим средствам индивидуальной мобильности и методам их испытаний.

Ключевые слова и словосочетания: ДТП; средства индивидуальной мобильности; транспортные средства; специальные знания; эксперт; специалист; технические характеристики.

Сравнительно новыми средствами передвижения являются средства индивидуальной мобильности (далее – СИМ). К СИМ относятся транспортные средства, имеющие одно или несколько колес (роликов), предназначенных для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства)¹.

¹ О правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

За последние годы СИМ приобрели большую популярность и это объяснимо удобством передвижения на них, отсутствием сложности в обслуживании и парковке, отсутствием необходимости получения страховых полисов и удостоверений, позволяющих управлять данными транспортными средствами, при этом к управлению допускаются, в том числе, дети, при соблюдении некоторых условий, установленных в Правилах дорожного движения. Если ранее эксплуатация СИМ носила сезонный характер и данные средства передвижения использовались в летнее время, то сейчас СИМ активно применяется в течение всего года, в том числе, для доставки мелких грузов, например, службами курьеров.

Несмотря на определенные преимущества при управлении СИМ, статистика указывает на рост аварийности при их использовании. Так, за 9 месяцев 2024 года зарегистрировано 3 897 (+47,2 %) ДТП с участием СИМ, в результате которых погибли 44 (+41,9 %) человека, ранения получили 4 052 (+48,8 %) человека. Среди погибших в ДТП с участием СИМ, 41 лицо передвигалось на СИМ (12 случаев, когда погибший, передвигавшийся на СИМ, не справился с управлением и допустил опрокидывание; 29 случаев – наезд транспортного средства на СИМ), 2 – пешеходы, на которых совершило наезд СИМ. В одном происшествии произошло столкновение лица, передвигавшегося на СИМ, и велосипеда, при движении обоих по проезжей части, в результате погиб велосипедист [4, с. 29–30].

Если при управлении СИМ произошло событие, при котором имеются погибшие и/или пострадавшие, расследование уголовных дел имеет ряд особенностей. В частности, СИМ не являются механическими транспортными средствами. В отличие от иных транспортных средств, СИМ значительно меняет расположение вследствие удара и лицо, им управляющее, не остается на транспортном средстве; лицо, управляющее СИМ, может оставить место происшествия, забрав с собой СИМ, при этом, не имея номерных знаков, установить участника ДТП и СИМ будет крайне сложно, даже с учетом наличия стационарных (на улицах) и мобильных (в транспортных средствах) систем видеонаблюдения. В подобных случаях не эффективно использование информационных баз данных службы ГИБДД, ввиду отсутствия в них сведений о владельцах и лицах, допущенных к управлению СИМ. В разрешении неясных вопросов значительную помощь оказывают специалисты в различных областях криминалистических знаний.

Специальные знания в уголовном судопроизводстве используются как в процессуальной, так и в непроцессуальной форме. Главное отличие между этими формами заключается в том, что про-

цессуальная форма основана на уголовно-процессуальном и административном законодательстве, а результаты применения специальных знаний имеют значение доказательств [2, с. 81]. Отличительные черты деятельности специалиста заключаются в том, что, во-первых, его помощь следователю нужна, когда необходимо обнаружить некие следы, признаки, доступные наблюдению и восприятию; во-вторых, когда требуется с меньшей затратой времени и усилий обнаружить, изъять и зафиксировать доказательства [3, с. 29].

Законодательно предусмотрено по каждому совершенному нарушению Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в результате которых погибли или ранены люди, проведение автотехнической экспертизы, т. е. исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, технического состояния транспортных средств, следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия (транспортно-трастологическая диагностика), технического состояния дороги, дорожных условий на месте дорожно-транспортного происшествия¹.

По результатам проведенного исследования эксперт составляет экспертное заключение, которое является доказательством по уголовному делу. К процессуальной форме использования специальных знаний следует отнести и такой вид их использования, как подготовку специалистом письменных заключений на поставленные сторонами вопросы (п. 3 ст. 80 УПК РФ), а также допрос специалиста (п. 4 ст. 80 УПК РФ) для разъяснения своего мнения, высказанного в письменном заключении, либо для выяснения обстоятельств, требующих специальных знаний.

К непроцессуальной форме использования специальных знаний можно отнести справочно-консультационную деятельность специалиста. В этой форме специалист оказывает помощь следователю, дознавателю и суду в подготовке и проведении следственных и судебных действий, ставит вопросы перед экспертом, разъясняет сторонам вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию [5, с. 133].

При расследовании преступлений в случае, если при управлении СИМ произошло событие, при котором имеются погибшие и/или

¹ Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России [Электронный ресурс] : приказ Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

пострадавшие, наиболее эффективно использование процессуальной и непроцессуальной форм по следующим причинам.

Нередко перед экспертами и специалистами ставятся вопросы: требовались ли для выполнения требований Правил дорожного движения в данной дорожно-транспортной ситуации большой опыт вождения и владение водительским мастерством, либо ситуация была несложной и для принятия водителем правильного решения не требовалось большого опыта и мастерства? [1, с. 58]. Например, в материалах уголовного дела № 1-1233/2023, возбужденного по ч. 2 ст. 268 УК РФ, (приговор вынесен Нагатинским районным судом г. Москвы 8 декабря 2023 г.), содержится информация о том, что ФИО, находясь на водительском сидении припаркованного автомобиля, резко, с применением физической силы, открыл левую переднюю дверь автомобиля, не убедившись в безопасности своих действий и отсутствии транспортных средств, движущихся по проезжей части, создал помеху ..., под управлением ФИО 1, двигавшегося по проезжей части, который, не имея технической возможности избежать дорожно-транспортного происшествия, совершил наезд на открытую левую переднюю дверь автомобиля марка автомобиля... регистрационный знак ТС, после чего произошло опрокидывание ... под управлением ФИО 1 на проезжую часть. Таким образом, ФИО причинил по неосторожности ФИО 1, согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, тяжкий вред здоровью, что повлекло наступление смерти [6].

Из данного примера следует, что несмотря на то что оба участника и транспортных средства оставались на месте происшествия, механическое транспортное средство не осуществляло маневров, обозначен значительный перечень вопросов, требующих разрешения: имелась ли техническая возможность избежать дорожно-транспортного происшествия у лица, управляющего СИМ и лица, находящегося в стоящем автомобиле; исправность петель и запирающего устройства автомобильной двери; сцепные качества дорожного покрытия (в том числе, наличие осадков); состояние тормозной системы и системы управления СИМ; условия видимости для обоих участников ДТП; наличие препятствий до момента удара о дверь; состояние здоровья участников ДТП до и в момент происшествия; физическая возможность лица управлять определенным СИМ; состояние одежды, обуви, сумки, которые могли ограничивать движения лица, управляющего СИМ, а также наличие мелкого перевозимого груза, телефона в руках, иных предметов.

Хотя законодательством не установлено прохождение специального обучения для допуска к управлению СИМ, тем не менее

имеется принципиальная разница в работе механических транспортных средств и СИМ, в частности, электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса не имеют защиты; в основе отдельных моделей лежит принцип динамического равновесия и для изменения движения требуется принять определенное положение тела. В некоторых руководствах по эксплуатации гироскутеров указано, что данные транспортные средства запрещается использовать для передвижения лицам с недостаточной физической силой или плохой координацией движений, лицам с инвалидностью, а для управления самокатами необходимо переносить центр тяжести в нужном направлении, совмещая с поворотом руля.

Следует отметить, что чем выше скорость движения СИМ, тем труднее реагировать лицу, использующему его для передвижения, на изменение дорожной обстановки, в том числе, на наличие дефектов покрытия проезжей части и тротуаров, бордюров и дефектов на них, неровностей в зоне сопряжения уровней примыканий (пересечений) проезжих частей, пандусов и подобных элементов. Для лиц, передвигающихся на СИМ, важным является сохранение равновесия. При расследовании преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, важно обратить внимание на обеспечение такой возможности, а также определить влияние внешних факторов на способность сохранить управление в обычном режиме.

Некоторые гироскутеры не предназначены для передвижения по городу, имеют небольшие колеса, с помощью которых трудно преодолеть бордюры и дефекты дорожного покрытия. Моноколеса, несмотря на хорошую маневренность, целесообразно эксплуатировать на безбарьерных участках улично-дорожной сети. Самокаты позволяют более комфортно маневрировать в городской среде: из-за низкой платформы с них сложно упасть, дополнительным преимуществом в управлении является наличие руля.

В компетенцию экспертов по исследованию технического состояния транспортных средств входит решение вопросов: их исправности или неисправности в момент совершения ДТП, причин и времени ее возникновения; о возможности обнаружения водителем технической неисправности до момента ДТП и условиях, при которых эта неисправность могла быть обнаружена; о технической возможности предотвращения происшествия при техническом состоянии транспортного средства, которое было определено к моменту происшествия; о причинно-следственной связи с технической точки зрения между обнаруженной технической неисправностью и фактом происшествия [1, с. 59].

Так, несмотря на то что в случае электрического сбоя в системе торможения пользователь электрического СИМ должен иметь возможность осуществить торможение образом, используемым при обычных условиях, или замедлить движение транспортного средства до неподвижного состояния с некоторым значением замедления¹, не исключается поломка средства индивидуальной мобильности во время движения, что приводит к внезапной остановке и, как следствие, падению лица, им управляющего.

Если для механических транспортных средств степень износа рисунка протектора шин имеет количественное значение и является одним из основных параметров, подлежащих исследованию при совершении ДТП, то в случае эксплуатации СИМ, устанавливаются требования безопасности, когда при проведении испытаний:

- СИМ разгоняют до максимальной скорости и отключают питание от батареи;

- замеряют замедление до полной остановки, за исключением последних 0,5 с;

- испытательный участок должен быть чистым, сухим, ровным, с уклоном не более 1 %, с прочным сцеплением (например, асфальт или бетон) и полосой для испытаний шириной 1,20 м;

- температура окружающей среды должна составлять от 5 °С до 35 °С;

- скорость ветра должна быть не более 3 м/с².

Таким образом, создаются некоторые идеальные условия движения.

Государственным стандартом установлено, что колеса СИМ должны быть изготовлены из нескользящего материала. Требования считаются выполненными, если при испытании коэффициент сцепления достигает значения 0,30³.

В отдельных инструкциях по эксплуатации СИМ указывается температурный режим условий их использования, однако это значение не позволяет отнести к запретам передвижение на СИМ вне летнего сезона.

Законодательно закреплены требования к передвижению лиц, использующих СИМ, однако зоны движения пешеходов и СИМ; транспортного потока грузовых, легковых автомобилей, автобусов и СИМ

¹ Электрические средства индивидуальной мобильности. Технические требования и методы испытаний : ГОСТ Р 70514-2022. URL: <https://protect.gost.ru/> (дата обращения: 12.03.2025).

² Электрические средства индивидуальной мобильности. Технические требования и методы испытаний : ГОСТ Р 70514-2022. URL: <https://protect.gost.ru/> (дата обращения: 12.03.2025).

³ Там же.

не всегда разделены техническими средствами организации дорожного движения. В этих случаях определенную трудность вызывает установить какие нарушения являются непосредственными, а какие сопутствующими. Ввиду конструктивных особенностей различных СИМ, без специальных знаний невозможно достоверно установить возможность избежать ДТП, в том числе, как было отмечено выше, гироскутеры, моноколеса ведут себя не одинаково на ровном покрытии и там, где имеются отклонения от предельного нормативного значения.

Таким образом, при расследовании уголовных дел, связанных с управлением СИМ, в случае, когда произошло событие, при котором имеются погибшие и/или пострадавшие, предлагается привлекать экспертов и специалистов для установления возможности избежать ДТП при фактических дорожных условиях с заданными техническими характеристиками СИМ, использовать специальные знания не только, чтобы установить является ли средство передвижения средством индивидуальной мобильности, не относится ли оно к велосипедам или мопедам, исходя из технических характеристик, не производилось ли переоборудование, но и рассматривать данный вопрос в совокупности с конструктивными особенностями улично-дорожной сети, а также физическими способностями лиц управлять СИМ.

Список литературы:

1. Бедняков И. Л., Владимиров С. В., Грязева Н. В. и др. Использование специальных знаний в расследовании преступлений : учебное пособие / отв. редактор И. Л. Бедняков. Самара, 2018. 69 с.
2. Безруков Ю.И. Классификация и применение специальных знаний при расследовании ДТП // Личность, право, государство. 2017. № 2.
3. Безруков Ю. И., Хоменко Е.Г. Классификация и применение специальных знаний в следственных действиях // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2017. № 2.
4. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2024 года // Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 41 с.
5. Кораблев А.А. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2.
6. URL: <https://translate.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/0bcb8e00-d098-11ee-b716-8fe11a19ee91> (дата обращения: 12.03.2025).

Александр Александрович Минин,
старший преподаватель
кафедры криминалистики и специальной техники
Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова
E-mail: novelzx@gmail.com

Организация взаимодействия следователя и органов дознания в процессе розыска подозреваемых и обвиняемых

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы организации и проведения розыска подозреваемых или обвиняемых, скрывшихся от органов предварительного следствия. Особое внимание уделяется роли следователя в организации розыска, его взаимодействию с оперативными подразделениями органов внутренних дел.

***Ключевые слова и словосочетания:** поручение; следователь; розыск подозреваемого; розыскная деятельность; взаимодействие следователя и органа дознания.*

Установление местонахождения подозреваемых или обвиняемых, скрывшихся от органов предварительного следствия, представляет собой одну из ключевых задач правоохранительной системы. Розыск лиц, уклоняющихся от правосудия, имеет важное значение не только для обеспечения привлечения их к ответственности за совершенные преступления, но и для предотвращения потенциального продолжения противоправной деятельности, что в конечном итоге направлено на обеспечение общественной безопасности и защиты прав граждан.

В соответствии со ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «если место нахождения подозреваемого, обвиняемого, неизвестно, то следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление», их розыск «может быть объявлен как во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением»¹. Данная норма позволяет утверждать, что УПК

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

РФ обязывает следователя поручить органам дознания розыск подозреваемого, обвиняемого при условии неизвестности их места нахождения.

Системный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что розыск подозреваемого или обвиняемого невозможен без проведения специальной деятельности, которую называют розыскной. Советский ученый-криминалист А. Н. Васильев указывал, что «розыском называется взаимосвязанная деятельность следователя и учреждений... правоохранительной системы» [2, с.156].

И. Ф. Крылов с соавторами, давая понятие розыска, также учитывал деятельностный подход: «Розыскная деятельность при расследовании преступлений представляет собой особую форму деятельности следователя и органов дознания, целью которой являются установление местонахождения лица, скрывшегося от следствия и суда и от отбытия наказания, розыск без вести пропавших лиц, установление личности погибших, а также отыскание похищенных вещей, документов, ценностей, животных и иных объектов» [5, с. 52].

Краткое, но емкое определение розыскной деятельности дано Р. С. Белкиным: «Розыскная деятельность есть функция органов дознания и предварительного следствия. Ее содержание составляют обнаружение замышляемых, готовящихся и совершенных преступлений, установление и обнаружение виновных, объектов» [1, с. 274].

Представленные определения демонстрируют, что понятие розыска может трактоваться как в широком, так и в узком значении. В узком смысле розыск подразумевает поиск подозреваемого или обвиняемого, скрывающегося от органов предварительного следствия, а также подсудимого, уклоняющегося от явки в суд или осужденного уклоняющегося от исполнения приговора. В широком смысле в контексте работы следователя, розыск может включать в себя поиск следов преступления во время осмотра места происшествия, обнаружение важных вещественных доказательств в процессе обыска и другие аналогичные действия.

Анализ приведенных определений позволяет сделать вывод о том, что розыскная деятельность не является исключительной прерогативой органов дознания, но также входит в компетенцию следователя. В данном контексте С. Б. Россинский неоднократно акцентирует внимание на инкрементальном характере смешения правоохранительных и следственных полномочий, что выражается в переплетении функций «полиции» и «юстиции». При этом автор подчеркивает, что подобная тенденция привела к тому, что на следо-

вателей стали возлагаться задачи, традиционно относящиеся к компетенции органов полицейского характера [6, с. 208].

Роль следователя в организации и проведении розыска многие исследователи считают основополагающей. Не отрицая важность и значимость работы органов дознания, следует отметить, что розыск подозреваемого или обвиняемого, скрывшегося от следствия, они вправе осуществлять только по поручению следователя. При этом успешный розыск невозможен без четкого планирования и эффективного взаимодействия между следователями и оперативными подразделениями. Такая координация позволяет не только своевременно обнаружить скрывшихся лиц, но и обеспечить выполнение задач, стоящих перед следствием.

Спецификой организации взаимодействия является ее плановость и тесное взаимодействие в составлении плана работы по осуществлению розыска [4, с. 93]. В процессе разработки плана в него включаются все необходимые организационные, следственные и розыскные действия, учитывая особенность того или иного расследуемого события. Следователю, как говорилось ранее, принадлежит руководящая и организующая роль, он же осуществляет контроль за исполнением розыска.

При организации и производстве розыскных действий необходимо учитывать тактические рекомендации криминалистики. Следует отметить, что при разработке современных тактических приемов розыска ученые-криминалисты и практические работники следуют исторически сложившейся криминалистической тактике розыска, направленной на проведение комплекса следственных и оперативно-розыскных мероприятий, в целях розыска скрывшихся подозреваемых, обвиняемых, постоянно развивая и дополняя ее современными возможностями. Однако, чтобы эффективно применять эти тактические приемы, следователь должен сначала установить сам факт того, что подозреваемый или обвиняемый скрывается от следствия.

О том, что подозреваемый, обвиняемый скрылся, следователь, как правило, узнает тогда, когда он не является в назначенное время к следователю, однако неявка еще не повод считать, что лицо скрылось и собирается избежать таким образом уголовной ответственности.

Розыск скрывшегося подозреваемого или обвиняемого представляет собой комплексный процесс, состоящий из нескольких взаимосвязанных стадий. Первоначально осуществляется проверка информации, подтверждающей факт уклонения лица от уголовной ответственности. Затем проводится сбор и систематизация сведений о личности разыскиваемого, необходимых для официального объявления его в розыск и передачи соответствующих мате-

риалов в органы дознания. Важным элементом данного процесса является также планирование розыскных мероприятий, которое осуществляется в тесном взаимодействии с органами дознания для обеспечения эффективности и координации действий; производство следственных действий, а также тактических операций, направленных на установление местонахождения подозреваемого, обвиняемого» [3, с. 10].

Для того чтобы следователь мог достоверно установить и документально подтвердить факт уклонения подозреваемого или обвиняемого от ответственности, требуется собрать максимально полный объем информации о данном лице. Это включает в себя получение сведений по месту его проживания, работы, а также данных о его родственниках и близких знакомых. Кроме того, необходимо проверить возможное нахождение лица в медицинских учреждениях, включая больницы и морги. Важным этапом является также анализ информации через учеты Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России и информационных центров (ИЦ) УМВД субъектов Российской Федерации. Действия следователя должны быть направлены на установление местонахождения разыскиваемого лица, используя все доступные средства и методы.

Информация, полученная в ходе проверки местонахождения и изучения личности разыскиваемого, в обязательном порядке должна быть зафиксирована в материалах уголовного дела. Это может быть отражено в протоколах следственных действий, а также в ответах на запросы, направленные в соответствующие учреждения и организации. Только при наличии всех требуемых документов постановление о розыске приобретает юридическую силу и может служить основанием для заведения розыскного дела.

Таким образом, розыск подозреваемых и обвиняемых, скрывшихся от следствия, представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий четкой организации, взаимодействия различных правоохранительных органов и применения современных методов и технологий. Как показывает анализ уголовно-процессуального законодательства, следователь играет ключевую роль в организации розыска, выступая в качестве координатора между следственными и оперативными подразделениями. Только при условии четкой координации действий следователя и органов дознания, а также использования всех доступных ресурсов, можно достичь целей уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г. и др.* Криминалистика : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023.
2. *Васильев, А. Н., Богданов Б. Е., Васильев А. Н. и др.* Криминалистика : учебник. М. : Юридическая литература, 1971.
3. *Гапанович Н. Н., Мартинович И. И. и др.* Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений. Минск, 1983.
4. *Григорьев В. Н., Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. и др.* Справочник следователя. М. : Эксмо, 2008.
5. *Крылов И.Ф., Алексеев Н. С., Бабаева Э. У. и др.* Криминалистика : учебник. СПб., 1976.
6. *Россинский С.Б.* Прелиминарный «полицейский арест» как средство обеспечения уголовного преследования // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 1 (108).

К вопросу о необходимости криминалистического определения зажигательного и (или) огнеметного оружия

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования понятийно-терминологического аппарата в системе криминалистического оружиеведения и прежде всего определения зажигательного и огнеметного оружия в целях методического обеспечения нового направления судебно-экспертного исследования объектов, представляющих собой зажигательные устройства, в том числе самодельные, в целях определения их оружейности. В рамках настоящей работы сформулировано криминалистическое определение зажигательно-огнеметного оружия, содержащее набор признаков, позволяющих сформировать общие методические подходы по судебно-экспертному исследованию данного вида оружия.

Ключевые слова и словосочетания: *оружие; криминалистическое оружиеведение; зажигательное оружие; огнеметное оружие; пожар; самодельные зажигательные устройства; зажигательные вещества.*

В теории криминалистического оружиеведения такой вид оружия, как огнеметно-зажигательное обозначен по формальным основаниям, основным из которых является факт нахождения различных модификаций такого оружия на вооружении как российской армии, так и в вооруженных силах большинства иностранных государств. Еще в III в. н.э. были известны так называемые зажигательные стрелы хоцзянь, использовавшиеся вооруженными силами Китая в качестве зажигательного оружия.

Во время Второй мировой войны все воюющие стороны применяли как легкие (ранцевые) и тяжелые (перекатные) огнеметы, в которых огнеметание осуществлялось сжатым воздухом, так и фугасные огнеметы, в которых огнесмесь выбрасывалась пороховым зарядом [1, с. 94–95].

В настоящее время в связи с обострением международной обстановки и в условиях проведения Специальной военной операции произошла естественная актуализация этого вида оружия в криминальных целях.

Именно поэтому зажигательное и огнеметное оружие как исторически сложившийся и постоянно развивающийся вид оружия требует в настоящее время пристального внимания к инструментально-методическому обеспечению его судебно-экспертного исследования. Совершенствование оружия происходит на основе развития науки и техники, в том числе за счет применения технологий беспилотных летательных аппаратов и других роботизированных систем, создания новых типов зажигательных веществ и смесей, что, в свою очередь, усложняет процесс его квалификации и качественного анализа.

Как отмечал Р.С. Белкин, расширение возможностей судебной экспертизы прямо связано с повышением эффективности комплексного исследования объектов экспертизы [2, с. 116]. Отличительные особенности зажигательного и огнеметного оружия обуславливают применение комплексного подхода его судебно-экспертному исследованию.

В целях обеспечения объективной уголовно-правовой оценки фактов использования различных видов зажигательного и огнеметного оружия, в том числе самодельного изготовления, необходимо введение криминалистического определения зажигательно-огнеметного оружия, содержащего в дефиниции совокупность исчерпывающих критериев для установления факта относимости к данному виду оружия и разработки методических основ его криминалистического исследования как отдельного самостоятельного вида оружия в отрасли криминалистического оружейведения.

Криминалистическая оценка исследуемого объекта с целью определения наличия (отсутствия) у него оружейных свойств (качеств) должна производиться на основе общих положений криминалистического оружейведения, к которым относятся прежде всего следующие: «оружие – это разновидность орудий труда человека, предназначенная для поражения живой или иной цели. Причем степень поражения не имеет значения. Наоборот, вид оружия избирается субъектом его применения ситуационно в зависимости от поставленных (возникших) перед ним задач (лишение жизни, подавление сопротивления и т. д.), это определяет в конечном счете и степень тяжести причиненных в результате поражения цели повреждений» [3, с. 36]. В более общем виде это выглядит следующим образом: «Под оружием ... понимаются устройства или пред-

меты, конструктивно предназначенные и технически пригодные для поражения живой или иной цели, не имеющие прямого назначения в быту или в производстве и по своим боевым (поражающим) свойствам представляющие повышенную общественную опасность в соответствии с принятыми или научно обоснованными для данного вида оружия тактико-техническими данными» [3, с. 111].

Военные авторы к зажигательному оружию относят огнемётно-зажигательные средства, боевые средства для поражения живой силы и военной техники противника, создания пожаров, основанные на использовании зажигательных веществ и включающие зажигательные боеприпасы и огнесмеси, а также средства их доставки к цели [4, с. 261, 508].

Данное понятие является довольно обобщенным, раскрывает основное предназначение зажигательного оружия в военном деле, но не позволяет идентифицировать самодельные аналоги боевых средств, используемые в преступных целях.

В.М. Плескачевский предлагал свое определение зажигательного оружия, под которым понимал устройство конструктивно и функционально предназначенное для летального поражения человека или разрушения преград за счет рассчитанного термического воздействия на поражаемый объект [5, с. 296].

Однако ученый не дал каких-либо пояснений, содержащих детализацию методов и каких-либо формул по установлению критерия «рассчитанного термического воздействия на поражаемый объект», что не позволяет выявить четкие критерии для отнесения того или иного средства к зажигательно-огнемётному оружию, в частности признания самодельных зажигательных устройств указанным видом оружия.

В.А. Ручкин рассматривал зажигательное оружие в качестве объекта судебно-экспертного исследования как средство применения зажигательных веществ и смесей, конструктивно и функционально предназначенное для их доставки и (или) эффективного перевода в боевое состояние (воспламенение) на объекте поражения с целью причинения человеку смертельных повреждений или разрушения преград за счет термического (токсического) воздействия на них [6, с. 159–160].

В данном случае определение не позволяет четко дифференцировать различные зажигательные устройства, в том числе самодельные, и зажигательно-огнемётное оружие. Также не совсем понятен акцент на токсическое воздействие средства как признака зажигательного оружия, использование которого может создать предпосылки для ошибочной интерпретации поражающих свойств некоторых видов объектов исследования.

На основе судебно-экспертного эмпирического материала представляется целесообразным дать этому виду оружия следующее определение: «Зажигательно-огнеметное оружие – это средство специально предназначенное и технически пригодное для термического поражения живой или иной цели за счет воздействия на нее высоких температур, образованных при воспламенении зажигательных веществ и смесей, в том числе путем их прицельного метания, не имеющее прямого назначения в быту и (или) производстве, и по своим тактико-техническим характеристикам (поражающим свойствам) представляющее такую же повышенную опасность как аналогичное оружие заводского изготовления, стоящее или стоявшее на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации либо иного государства».

Такое определение, на наш взгляд, содержит исчерпывающий набор признаков, который при его методической «расшивке» позволит сформировать как общие методические подходы для судебно-экспертного исследования самодельных зажигательных устройств в целях отнесения их к категории оружия, так и ряд частных методик по производству судебных экспертиз отдельных видов (разновидностей и модификаций) зажигательно-огнеметного оружия.

Исходя из указанного определения, отличительными признаками зажигательно-огнеметного оружия являются:

- специальная предназначенность для термического поражения цели;
- техническая пригодность для использования по прямому назначению;
- использование зажигательных веществ и смесей, образующих при их штатном воспламенении устойчивое высокотемпературное горение, достаточное для деструктивного термического воздействия на поражаемый объект;
- наличие конструктивно обусловленного способа доставки к поражаемой цели путем прицельного метания, предварительной закладки (минирования), использования ракетно-бомбового, артиллерийского или стрелкового оружия, либо специального огнеметного устройства (оружия);
- конструктивные особенности, затрудняющие или делающие невозможным использование средства в хозяйственно-бытовых целях или на каком-либо производстве не военного назначения;
- наличие поражающих свойств и надежность в использовании по прямому назначению, позволяющих проводить аналогии с конструктивно подобными видами зажигательно-огнеметного оружия, стоящего (стоявшего) на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации или иного государства.

Совокупность данных характеристик является фундаментом для криминалистической квалификации объектов исследования в качестве зажигательно-огнеметного оружия, в том числе его самодельных вариаций, и создания методик судебно-экспертного исследования, что позволит вести эффективную борьбу с его криминальным использованием.

Список литературы:

1. *Ардашев А.Н.* Зажигательное и огнеметное оружие. М. : Яуза : Эксмо, 2009. 704 с.
2. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : в 3-х т. М. : Юристъ, 1997. Т. 3. 480 с.
3. *Владимиров В.Ю.* Теория и практика криминалистического оружиеведения : монография / под общей редакцией В.П. Сальникова. СПб. : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2003. 400 с.
4. Военный энциклопедический словарь. Издание второе. М. : Военное издательство, 1986. 863 с.
5. *Плескачевский В.М.* Оружие в криминалистике: понятие и классификация. М. : Спарк, 2001. 343 с.
6. *Ручкин В.А.* Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: вопросы теории, практики и дидактики. М. : Московский психолого-социальный институт, 2003. 344 с.

Обеспечение прав участников следственных действий, сопряженных с применением физического принуждения в условиях несовершенного нормативно-правового регулирования

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы обеспечения прав участников следственных действий, сопряженных с применением мер физического воздействия. Раскрывая сущность проблемы, с положительной стороны освещается позиция о допустимости принудительного производства таких следственных действий как обыск, выемка, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, назначение и производство экспертизы в исключительных случаях, вызванных следственной ситуацией. Вместе с тем обращается особое внимание на несовершенство законодательного регулирования этого вопроса. Отсутствие детально-разработанной процедуры производства следственных действий в условиях необходимости применения мер физического воздействия приводит к ряду серьезных проблем. Одна из которых – незащищенность прав участников таких следственных действий. На основании детального анализа положений уголовно-процессуального законодательства выявлены существующие проблемы и недостатки правового регулирования гарантий прав участников следственных действий, сопряженных с применением мер физического воздействия. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова и словосочетания: следственные действия; меры физического воздействия; государственное принуждение; права участников уголовного судопроизводства; защита прав; физическая неприкосновенность личности; гарантии прав.

В современном обществе, где права и свободы граждан являются основополагающими ценностями и находятся под пристальным вниманием общества и государства, вопрос, касающийся возможности ограничения этих прав, становится наиболее актуальным. Особое внимание этому уделяется в отрасли уголовно-процессуального права, что обусловлено спец-

ификой уголовно-процессуальных правоотношений¹. Уголовно-процессуальный закон (далее УПК РФ) предусматривает возможность применения государственного принуждения, направленного на ограничение конституционных прав и свобод личности. Такое ограничение не противоречит сущности уголовного судопроизводства и признается необходимым для реализации его назначения [3, 5].

В частности, потребность в ограничении права на физическую неприкосновенности может возникнуть при производстве отдельных следственных действий, обладающих принудительным потенциалом, с целью обеспечения процесса доказывания.

Судебно-следственная практика показывает², что производство следственных действий зачастую сопровождается конфликтными ситуациями, выражающимися в активном или пассивном противодействии участников уголовного судопроизводства органам расследования.

В настоящее время возможность применения мер физического воздействия при собирании доказательств подтверждается, как отдельными положениями уголовно-процессуального закона³, так и позицией преобладающей части научного сообщества уголовного судопроизводства [1, 4, 5]. Безусловно, в условиях борьбы с преступностью и обеспечения общественной безопасности в исключительных случаях в ходе производства следственных действий требуется кратковременное ограничение прав граждан, однако такие меры должны быть строго регламентированы и контролируемы со стороны органов расследования. К сожалению, законодательство в области уголовного судопроизводства не может таким похвастаться.

К настоящему моменту в уголовно процессуальном законе не определены основания, условия, субъекты, гарантии прав, запреты при производстве следственных действий, сопряженных с применением мер физического воздействия. Такое положение дел оставляет участников следственных действий незащищенными, а органы предварительного расследования

¹ Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhgodnye-doklady> (дата обращения: 19.10.2024); Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhgodnye-doklady> (дата обращения: 19.10.2024).

² Апелляционное постановление Томского областного суда города Томска от 21 декабря 2020 г. № 22-2231/2020; Апелляционное постановление Амурского областного суда от 11 февраля 2016 г. № 22-176/16.

³ В нормах ст. 182 УПК РФ и ст. 184 УПК РФ допускается реализация принудительного потенциала в случаях отказа от добровольной выдачи предметов и документов. Ст. 202 УПК РФ предусматривает границы допустимого уровня мер физического воздействия при получении образцов для сравнительного исследования. В ст. 179 УПК РФ находят отражения положения о возможности принудительного производства освидетельствования.

обязывает самостоятельно находить и соблюдать баланс между интересами правосудия и защитой прав граждан.

Недостаточная правовая регламентация процессуальной формы применения мер физического воздействия создает риски необоснованного ограничения прав личности, что вызывает необходимость глубокого анализа существующих правовых норм и разработки предложений по их совершенствованию.

Акцентируя внимание на обеспечении прав участников следственных действий, сопряженных с применением мер физического воздействия, еще раз подчеркнем отсутствие в законе специальных норм, гарантирующих защиту и реализацию их прав.

Вместе с тем анализ уголовно-процессуального закона позволил усмотреть в ряде норм положения, обеспечивающие права участников уголовного судопроизводства в рассматриваемой ситуации, но не лишённые недостатков.

Первая норма, в которой можно усмотреть положения, обеспечивающие права и законные интересы участников принудительных следственных действий, – ст. 9 УПК РФ. Норма-принцип закрепляет запрет на применение пыток, насилия и иного унижающего человеческое достоинство обращения при производстве по уголовным делам. Однако, несмотря на четкую формулировку данного принципа, его реализация сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, отсутствует единое толкование категорий «пытка», «насилие», «жестокое обращение» и «унижающее человеческое достоинство обращение». Так, например, в законодательно-закрепленном определении категории «пытка» используются такие оценочные термины, как «страдание», «боль». Это и другое приводит к субъективному определению данных терминов и затрудняет их применение на практике.

Во-вторых, нормы УПК РФ не содержат конкретных критериев, которые позволили бы разграничить допустимые пределы физического воздействия и недопустимые формы принуждения в виде насилия и пыток. В результате возникает риск произвольного применения мер физического воздействия, что нарушает права и свободы участников следственных действий.

Следующие положение, в котором усматривается механизм защиты прав участников принудительных следственных действий, определяется совокупностью отдельных норм закона. Так, в ч. 4 ст. 164 УПК РФ и ч. 4 ст. 166 УПК РФ закрепляется требование о протоколировании всех следственных действий с обязательным описанием всех процессуальных действий.

В ч. 14 ст. 182 УПК РФ данное положение детализированно и обязывает в протоколе обыска указывать каждый факт оказания сопротивления

процессу доказывания со стороны участников следственного действия. Отметим, что подобная конкретизация не приведена в отношении других следственных действий, например, попытки спрятать или уничтожить доказательства могут возникнуть и при таких следственных действиях, как освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, назначение и производство экспертизы. Помимо этого, неясно, как именно должны фиксироваться такие факты и необходимо ли фиксировать сам факт применения физического воздействия в случаях его применения, отражать ли основания, субъекта применения, подробно описывать способы применения мер физического воздействия или достаточно указать сам факт принудительного производства следственного действия? Отсутствие четких законодательных положений приводит к разной практике применения рассмотренных норм, что на наш взгляд в отношении вопросов ограничения конституционных прав категорически недопустимо.

Интересной в рамках рассматриваемой проблемы нам представляется ст. 61 УПК РФ, предусматривающая отвод следователя или дознавателя в случае, если он лично заинтересован в исходе дела или имеются основания полагать, что он не способен объективно и беспристрастно вести расследование. Так, с одной стороны, факт применения мер физического воздействия при производстве следственных действий следователем или дознавателем смело можно рассматривать, как основание для их отвода. С другой – справедливо задаться вопросом, каждый ли случай применения мер физического воздействия безоговорочно может повлечь за собой отвод от производства по уголовному делу субъекта расследования? Представляется, что нет. Каждую конфликтную ситуацию необходимо разрешать с позиции вопроса о личной заинтересованности. Другими словами, для отвода должностного лица уголовно-процессуальные правоотношения должны перейти из статуса формальных в статус личных. Данный вопрос требует дополнительного научного исследования, а законодательство в этой части нуждается в уточнении [2, с. 227].

Для повышения эффективности правового регулирования необходимо разработать и закрепить в УПК РФ четкие определения понятий «пытка», «насилие», «жестокое обращение» и «унижающее человеческое достоинство обращение». Это позволит создать единые критерии для оценки законности применения физического принуждения и предотвратит произвольное толкование норм закона.

В целях обеспечения единообразного подхода к фиксации фактов применения физического принуждения при производстве следственных действий необходимо внести изменения в ч. 4 ст. 164 УПК РФ. В частности, следует предусмотреть обязательное протоколирование всех действий, связанных с применением мер физического воздействия, с указанием конкретных обстоятельств и последствий таких действий.

Для предупреждения злоупотреблений со стороны следователей и дознавателей необходимо усилить контроль за соблюдением прав участников уголовного процесса. Это можно сделать путем введения дополнительных механизмов контроля. В качестве последних считаем необходимым также рассмотреть вопросы о возможности обязательного участия защитника или представителя при производстве следственных действий, связанных с применением мер физического воздействия, об обязательном уведомлении органов прокуратуры о каждом факте применения мер физического воздействия с обязательным предоставлением копии протокола следственного действия.

Обеспечение прав участников следственных действий с применением физического принуждения является важной задачей, требующей комплексного подхода и совершенствования нормативно-правовой базы. Только четкое и однозначное регулирование данных вопросов позволит создать эффективные механизмы защиты прав и свобод граждан, а также повысит доверие общества к правоохранительным органам.

Список литературы:

1. *Кальницкий В. В., Марфицин П. Г.* Производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав личности. Омск, 2004. 79 с.
2. *Молунова Н. И.* Гарантии прав участников следственных действий, сопряженных с применением физического принуждения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109).
3. *Москалькова Т. Н.* Правовые и гуманитарные проблемы института уголовно-процессуального принуждения в деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : сборник по материалам международной научно-практической конференции, посвященный 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. Омск : Омская академия МВД России, 2024. 264 с.
4. *Резянов А. А.* Применение уголовно-процессуального принуждения в отношении свидетелей при производстве по уголовным делам. М. : Юрлитинформ, 2018. 181 с.
5. *Стельмах В. Ю.* Применение принуждения при производстве следственных действий // Известия ТулГУ. Серия: Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2.

Ускоренное и упрощенное производство по уголовным делам

Аннотация

В статье исследуются понятия и соотношения упрощенного уголовного судопроизводства и ускоренного производства по уголовным делам. Отмечается, что упрощенная и ускоренная формы уголовного производства представляют собой два различных явления, которые необходимо четко разграничивать, не допуская их смешения. Внедрение упрощенных и ускоренных процедур в уголовное судопроизводство является важным шагом на пути к повышению эффективности правосудия, обеспечению справедливости и защите прав всех участников процесса.

Ключевые слова и словосочетания: упрощенные формы; ускоренные формы; уголовное судопроизводство; ускоренное производство по уголовным делам; упрощенное уголовное судопроизводство; оптимизация ресурсов; установление истины; дифференциация.

Одним из ключевых моментов развития уголовно-процессуального законодательства является повышение эффективности судебной деятельности. Анализируя данную сферу правосудия, ученые «пытаются найти пути процессуальной и организационной оптимизации производства по уголовным делам в ходе досудебного и судебного производства по ним» [1]. Это направление предполагает оптимизацию процессуальных механизмов, что способствует более оперативному и качественному рассмотрению уголовных дел.

Законодатель Республики Таджикистан, следуя общемировым тенденциям, определила собственные пути совершенствования Уголовно-процессуального кодекса. В частности, были разработаны и внедрены специальные процессуальные формы, направленные на повышение эффективности уголовного производства за счет его упрощения и ускорения. Такие меры позволяют сократить сроки рассмотрения дел, снизить нагрузку на судебную систему и обеспечить более оперативное восста-

новление нарушенных прав. Однако, несмотря на достигнутые успехи, в данной сфере сохраняются определенные проблемные аспекты, требующие дальнейшего внимания и изучения. В частности, особого анализа заслуживают ускоренные и упрощенные формы производства, применяемые в уголовном судопроизводстве Таджикистана. Исследование их юридической сущности, а также оценка целесообразности и эффективности их применения на практике позволит выявить возможные пробелы в законодательстве, устранить противоречия и усовершенствовать процессуальные механизмы, обеспечивая при этом соблюдение принципов справедливости и законности. Таким образом, изучение и развитие данных форм производства является важным шагом на пути к повышению качества и эффективности уголовного судопроизводства в Республике Таджикистан.

Уголовный процессуальный закон предусматривает единый порядок уголовного производства, в то же время допуская и его дифференциацию на основе определенных критериев (факторов), предусматривающий предоставление отдельным участникам уголовного производства в силу определенных объективных причин дополнительных гарантий, осуществление дополнительных процедур, усложняющих уголовное производство или же, напротив, его ускорение, упрощение, отказ от определенных гарантий, неоправданных осложнений. Кроме того, «до сих пор дискуссии по ряду законодательных новелл, связанных с введением в уголовное судопроизводство особых порядков судебного разбирательства, не утихают что и предопределяет актуальность постановки соответствующих вопросов в правовой, практической и научной плоскости» [2]. Это связано с тем, что в современных условиях развития правового государства одним из приоритетных направлений деятельности судебных органов является защита прав и законных интересов человека и гражданина. Это требует постоянного совершенствования системы уголовного судопроизводства, чтобы обеспечить ее соответствие современным вызовам и потребностям общества. Одной из ключевых проблем в этой сфере является вопрос сроков рассмотрения уголовных дел и оперативности принятия судебных решений. Данный аспект имеет важное значение для всех участников уголовного процесса, поскольку затягивание судопроизводства может привести к нарушению прав сторон, снижению доверия к судебной системе и ухудшению качества правосудия.

Скорость уголовного судопроизводства должна рассматриваться не только как одна из задач процесса, но и как его фун-

даментальный принцип. Быстрое и своевременное рассмотрение дел способствует обеспечению справедливости, эффективности и доступности правосудия, что соответствует интересам как обвиняемых, так и потерпевших. Вместе с тем ускорение процесса не должно идти в ущерб качеству рассмотрения дел и соблюдению процессуальных гарантий.

Ученые единогласно сходятся во мнении, что уголовно-процессуальное законодательство должно быть ориентировано на внедрение ускоренных и упрощенных процедур в уголовном судопроизводстве, особенно в случаях, когда обвиняемый признает свою вину в совершении преступления. Наличие таких форм производства способствует повышению эффективности правосудия, которое представляет собой сложную и многогранную категорию. Эффективность судебной системы зависит от внедрения механизмов, направленных на ускорение и упрощение уголовного процесса. Однако, несмотря на общую тенденцию к упрощению и ускорению судопроизводства, важно учитывать, что упрощенное и ускоренное производство – это две различные формы, которые не совпадают ни по своим целям, ни по процессуальным особенностям. Упрощенное производство, как правило, предполагает сокращение процессуальных формальностей и упрощение процедур, что позволяет быстрее разрешать дела, особенно в случаях, когда факты очевидны, а обвиняемый не оспаривает предъявленные обвинения. В свою очередь, ускоренное производство направлено на сокращение сроков рассмотрения дел без существенного упрощения процессуальных норм, что требует более тщательного подхода к соблюдению прав участников процесса.

Необходимо подчеркнуть, что нормативные предписания, закрепляющие особенности той или иной процессуальной формы в законодательстве, выполняют двойную функцию. С одной стороны, они устанавливают последовательность и порядок совершения процессуальных действий, а с другой – определяют круг условий, необходимых для их реализации. Эти условия призваны раскрыть нормативные основы процессуальных действий, установить их последовательность, а также предусмотреть возможные ограничения и запреты на их применение. Кроме того, законодательство четко регламентирует перечень процессуальных действий и стадий уголовного производства в зависимости от его формальной принадлежности, что является прямым следствием дифференциации уголовно-процессуальной формы.

Дифференциация уголовно-процессуальной формы предполагает ее разделение на отдельные элементы и выделение в ее структуре различных видов процессуальных форм, таких как ускоренные и упрощенные производства. Это позволяет адаптировать процессуальные механизмы к специфике конкретных категорий дел, обеспечивая тем самым более гибкое и эффективное правосудие. Одной из наиболее актуальных проблем современного уголовного процесса является вопрос эффективности уголовно-процессуальной формы. Практическая значимость этой проблемы значительно возросла в последние годы. Это связано с двумя основными факторами: во-первых, с увеличением нагрузки на судебные органы, которые играют ключевую роль в защите нарушенных прав; во-вторых, с ростом числа совершаемых преступлений. В таких условиях повышение эффективности процессуальных форм становится не только теоретической задачей, но и насущной практической необходимостью, направленной на обеспечение своевременного и качественного рассмотрения дел, а также на поддержание доверия к судебной системе.

Дискуссии о возможности дифференциации уголовного процесса обычно основываются на различных подходах к пониманию значения и содержания такой ключевой категории, как уголовно-процессуальная форма.

При этом «дифференциация уголовной процессуальной формы – это такое построение уголовного производства, при котором наряду с обычным порядком существуют процессуальные формы, предусматривающие как упрощение процедуры по уголовным правонарушениям небольшой общественной опасности, так и ее осложнения в требующих производствах особой процессуальной защищенности прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого или других участников уголовного судопроизводства» [4]. Об упрощении или осложнении в контексте дифференциации уголовной процессуальной формы говорят и другие ученые [5]. Тем не менее, по мнению В. Г. Глебова, «появление в уголовном судопроизводстве подобных сокращенных форм процессуальной деятельности приводит к необходимости выяснения вопросов об объективности причин их появления, о целесообразности этих правовых институтов и, в конечном счете – их эффективности» [3].

Следует отметить, что «ускоренный» и «упрощенный» – это нетождественные понятия, так как при ускоренном процессе любой вопрос решается быстро и без вреда для всего процесса.

При упрощенном процессе для облегчения процедур отказываются от некоторых ее составных частей [6].

Следует отметить, что научная позиция обосновывается тем, что «в случае, если обвиняемый признает себя виновным в совершении преступления в обмен на снижение тяжести обвинения, проходит целесообразное соглашение, направленное на упрощение процедуры судопроизводства при признании обвинения» [8].

Считаем, что не следует смешивать упрощенную и ускоренную судебные процедуры. Ускоренная форма направлена на достижение общих целей уголовного процесса и предполагает сокращение срока для достижения этих целей за счет модификации отдельных стадий процесса, обусловленной спецификой производства. В качестве примера ускоренной процедуры можно привести специальное производство в уголовном судопроизводстве Таджикистана, при котором содержание и форма процесса в отсутствие подозреваемого или обвиняемого (*in absentia*) должны соответствовать общим принципам уголовного судопроизводства, с учетом особенностей, установленных законодательством. Объективная необходимость обеспечения судебной защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса на всех его этапах обусловила потребность в поиске законодателем новых форм реализации судебной власти в рамках уголовного судопроизводства.

Выделяют следующие форм упрощенных правил рассмотрения уголовных производств:

1) ускоренное (суммарное) производство по несложным, очевидным, малозначительным уголовным делам, предусматривающее ускорение процедур, возможность при определенных условиях пропустить стадию досудебного расследования и назначить судебное разбирательство в течение короткого периода времени [9, 14];

2) особый тип ускоренного производства, предполагающий заключение разного рода соглашений, в основе которых лежит сотрудничество подозреваемого с органами досудебного расследования [10];

3) классические континентальные модели ускоренного производства, не относящиеся к суммарному производству и имеющие свои разновидности [11].

Такой подход обусловлен в том числе позицией западных стран, исходящей из того, что формализованные промедления с раскрытием совершенных уголовных правонарушений формируют негативный имидж всей системы уголовного судопроизводства и влияют на оценку должного уровня осуществления правосудия [12].

Что касается упрощенной формы, то для нее характерно изъятие отдельных процедурных стадий, в результате чего производство происходит в ускоренном темпе, это производство имеет собственную совокупность специфических целей и задач, не противоречащую целям и задачам уголовного судопроизводства в целом.

Упрощение уголовного производства всегда обуславливается потребностью оптимизации, процессуальной экономии с целью уменьшения денежных затрат на осуществление производства [13]. Таким образом, ключевым признаком ускоренных порядков уголовного производства является их рационализация (оптимизация), направленная на экономию процессуальных сроков, сил и средств. В каком направлении будет осуществляться указанная рационализация уголовной процессуальной деятельности, зависит от конкретных исторических условий, национальных особенностей и создающих в ней факторов. На практике применение упрощенной процессуальной формы способствует значительному сокращению очереди дел, устраняет неопределенность, а также позволяет экономить как государственные ресурсы, так и личные средства граждан.

С нашей точки зрения, ускорение и оптимизация процесса на отдельных стадиях судопроизводства приводят к тому, что упрощенная процедура требует значительно меньше времени по сравнению с уголовным производством, осуществляемым в обычном порядке. Особенно это заметно при сравнении с более сложными формами судопроизводства, такими как рассмотрение дел с участием суда присяжных. Таким образом, упрощение процессуальных процедур неизбежно влечет за собой и ускорение уголовного судопроизводства в целом.

Внедрение рассматриваемых процедур является необходимым шагом для повышения эффективности уголовного судопроизводства по следующим причинам:

- 1) значительное сокращение времени, затрачиваемого на рассмотрение уголовных дел (достигается за счет упрощения процессуальных формальностей и изменения порядка рассмотрения определенных категорий дел);

- 2) более рациональное использование ресурсов судебной системы (снижение материальных и временных затрат позволяет перераспределить освободившиеся ресурсы на решение более сложных задач, таких как рассмотрение дел, связанных с тяжкими преступлениями);

- 3) более оперативное установление истины, что является одной из ключевых целей уголовного процесса (для обвиняемого

это означает минимизацию времени, проведенного в состоянии неопределенности, а для потерпевшего – скорейшее восстановление нарушенных прав);

4) минимизация неудобств для свидетелей, потерпевших и других участников процесса (меньшее количество вызовов в суд и сокращение сроков рассмотрения дела способствуют повышению уровня доверия к судебной системе).

Важно отметить, что упрощенные и ускоренные формы судопроизводства – это два различных явления, которые не следует смешивать. Упрощенные процедуры предполагают сокращение процессуальных формальностей, в то время как ускоренные направлены на сокращение временных рамок. Их четкое разграничение позволяет более гибко подходить к рассмотрению различных категорий дел, обеспечивая при этом соблюдение прав всех участников процесса.

Хотя ускоренное разбирательство может дать значительные преимущества с точки зрения эффективности и своевременности, оно также поднимает важные вопросы, касающиеся процессуальной справедливости, прав обвиняемых и риска неправомерного давления с целью признать себя виновным. Обеспечение баланса между императивами ускоренного правосудия и принципами надлежащей правовой процедуры и защиты прав обвиняемых остается важнейшей задачей для политиков и практикующих юристов.

Превалирование того или иного вида интереса порождает дифференциацию уголовной процессуальной формы, в значительной степени результатом признанного на законодательном уровне оптимального соотношения публичных и частных интересов в соответствующей разновидности уголовных процессуальных правоотношений. Действительно, отечественный законодатель учитывает степень соотношения частных и публичных интересов в уголовном производстве. На основе этого критерия дифференцировано уголовное производство в форме частного обвинения. Определяющим признаком этого упрощенного производства является доминирование частного интереса над публичным, что придает решающее значение волеизъявлению потерпевшего для привлечения или непривлечения лица к уголовной ответственности. Ускорение досудебного производства здесь прослеживается в том, что отсутствие инициативы (заявления) потерпевшего вообще делает невозможным его начало. Более того, классическое («чистое») частное обвинение не предусматривает досудебного расследования уполномоченными органами государства [7].

По нашему мнению, под понятием «ускорение уголовного производства в стадии досудебного расследования» следует понимать способ процессуальной организации досудебного уголовного производства, который с учетом ряда факторов предусматривает ликвидацию или ускорение отдельных процедур в рамках общего порядка досудебного расследования, а также введение дифференцированных порядков с целью оптимизации уголовной процессуальной деятельности, ускорения уголовного производства, обеспечение более эффективного выполнения его задач.

Упрощение уголовного производства является проявлением дифференциации процессуальной уголовной формы. Ускоренное уголовное производство следует понимать как способ процессуальной организации уголовного производства, который с учетом ряда факторов предусматривает ликвидацию или упрощение отдельных процедур в рамках общего порядка уголовного производства, а также введение дифференцированных порядков с целью оптимизации уголовной процессуальной деятельности, ускорения уголовного осуществления и обеспечение наиболее эффективного выполнения его задач.

Список литературы:

1. Глебов В.Г. Тенденции совершенствования и повышения эффективности уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63).
2. Глебов В.Г. Проблемы упрощения процессуальной формы в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55).
3. Глебов В. Г. К вопросу об эффективности сокращенных форм досудебного производства в уголовном процессе. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2013.
4. Смирнов А. В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб. : Питер, 2005. 272 с.
5. Мищенко Е.В. Проблемы унификации норм процессуальной формы в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2014. № 1 (80).
6. Боярская А.В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: дис. канд. юрид. наук. Томск, 2012. 29 с.

7. *Калиновский К.Б.* Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии // Юридическая мысль. 2002. № 1.

8. *Волколуп О.В.* Сокращенное судебное разбирательство // Ученые записки. Краснодар: Изд-во Кубанского университета, 2003.

9. Уголовный процесс : учебник / под. ред. А. В. Смирнова. М. : Норма, 2012. С. 606–613.

10. *Герасенков В.М.* Ускоренные формы предварительного расследования в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: стратегия развития : сборник научных трудов второй Всероссийской научно-практической конференции: научное электронное издание. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 2018.

11. *Качалова О.В.* Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 208 с.

12. *Djurdjić V.* Fundamental Principles of Criminal Procedure Law and Forms of Simplified Proceedings in Criminal Matters. Simplified forms of procedure in criminal matters: regional criminal procedure legislation and experiences in application. Belgrade, 2013.

13. *Хатмуллин К.Ю.* Право-временные средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 221 с.

14. *Цыганенко С.С.* Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.

Нетипичный способ идентификации личности в сфере оперативно-розыскной деятельности по борьбе с кражами, совершаемыми с проникновением в жилище

Аннотация

В криминалистике и оперативно-розыскной деятельности идентификация личности является одной из ключевых задач [7]. Ушные раковины, благодаря своей уникальной анатомической структуре, представляют собой перспективный биометрический параметр для установления личности. Это особенно важно в случаях, когда другие методы идентификации (например, отпечатки пальцев или ДНК) недоступны. Установление личности по ушным раковинам является перспективным направлением в криминалистике и биометрии. Строение человеческого уха уникально и в этой связи может являться идентифицирующим признаком. Несмотря на некоторые ограничения (например, необходимость качественных изображений), этот метод обладает значительным потенциалом и может быть широко внедрен в практику правоохранительных органов. Цель статьи: исследовать возможности использования отпечатков ушных раковин в качестве инструмента для установления личности, при наличии разработанных существующих методов и технологий.

Ключевые слова и словосочетания: *оперативно-розыскная деятельность; ушные раковины; идентификация личности; криминалистика; биометрия; исследование; экспертиза.*

Право на обеспечение государством компенсации причиненного преступлением ущерба обозначено в задачах оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД)¹: «установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации» (ст. 2). Однако зачастую

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. № 160.

сотрудники правоохранительных органов пренебрегают данными обязанностями. Отсутствие методических указаний по организации рассматриваемой деятельности в соответствии с нормативно-правовыми актами затрудняет формирование единообразной правоприменительной практики по данному вопросу [2]. В результате задача ОРД по компенсации причиненного преступлением ущерба, решается не всегда эффективно [1].

Опираясь на эмпирические материалы проведенного автором статьи опроса среди сотрудников территориальных органов МВД России по Республике Бурятия¹ (в опросе принял участие 81 действующий сотрудник полиции), приходим к выводу о том, что около 73 % похищенного имущества подозреваемые реализуют (сбывают) после совершения кражи. Ломбарды, скупки, рынки («из рук в руки») в большинстве случаев являются традиционными местами сбыта имущества. В последнее время часть похищенного имущества стали реализовывать с использованием возможностей интернет-ресурсов (например, на платформах «Авито», «Юла», «Дром» и др.) [6].

Недостаточно эффективная работа подразделений органов внутренних дел, специализирующихся на оперативном прикрытии мест возможного сбыта похищенного имущества дает возможность ворами любой категории свободно реализовывать имущество, добытое преступным путем, оставаясь неидентифицированным. На данную проблему обращено внимание ряда ученых [4], а также указано на причину способствующей своевременной неидентификации предполагаемого преступника, как некачественного осмотра места совершения преступления с изъятием следов преступления, пригодных в последствии для эффективного установления личности лиц, совершивших данное преступное деяние [9].

В этой связи автор солидарен с мнением Д. В. Малахова, который подчеркнул, что точное установление личности человека – одна из сложных и актуальных проблем [5], но, по мнению автора, не только в судебной медицине, но и в правоохранительной сфере.

Правоохранители ряда стран с разным успехом работают над использованием различных индивидуальных особенностей человеческого тела издания информационных систем, которые позволяли бы способствовать идентификации лиц, подозреваемых в совершении преступлений, находящихся в открытой среде.

¹ Типичный регион Российской Федерации.

Например, криминологи Китая сделали попытку классификации лиц по узору ушной раковины. Их позиция основывается на том, что при совершении, например, кражи из жилища для того, чтобы проверить в отсутствии в нем хозяина, вор, приложив ухо к двери пытается в этом убедиться. При этом оставляя на дверном полотне отпечаток собственной ушной раковины, следы которой при осмотре изымается криминалистом, в последствии сравнивается найденный отпечаток с уже имеющимися в базе данных отпечатками с перспективой выхода на подозреваемого.

Попытки использовать этот метод отмечен и в других странах: США, КНР, Польша, Германия.

Вопросам розыскной и идентификационной деятельности особое внимание уделено специалистом в данной сфере А. В. Парфеновым [8]. Изучению этого направления в правоохранительной практике посвящены статьи ряда ученых, например, в статье профессоров Е. Р. Россинской и А. М. Зинина рассматривался вопрос о том, что для портретной идентификации признаки ушных раковин являются информативными и позволяют во многих случаях идентифицировать лицо по фотоизображению в профиль [10]. В статье Е. Н. Токтарова представлен всесторонний обзор существующей работы в области биометрии уха, с целью идентификации личности человека [3].

Известно, что в природе нет двух одинаковых людей. И в этой связи установление личности человека по ушным раковинам – метод, который можно рассматривать для создания и дальнейшего использования в биометрических системах для идентификации человека на основе формы и размера ушей.

Установления личности человека по ушным раковинам может быть интересным методом в сфере биометрической идентификации, однако его использование сталкивается с рядом проблем [4]. Рассмотрим их подробнее, а также методику проведения и внедрения в правоохранительную деятельность.

1. Индивидуальные различия: уши могут значительно различаться не только между разными людьми, но и у одного человека в разные периоды жизни – это единственный человеческий орган, который растет в течении всей жизни. Это варьирование показателей может быть также связано с возрастом, заболеваниями или изменениями в весе.

2. Влияние внешних факторов таких как прически, ношение головных уборов, серег или других аксессуаров могут скрыть ушные раковины или изменить их восприятие. Это создает дополнительные сложности для процесса идентификации.

3. Качество изображений: для точной идентификации требуются высококачественные изображения ушных раковин. Плохое освещение, шумы или размытость, несвоевременное и некачественное изъятие с места преступления могут значительно снизить точность анализа.

4. Схожесть между людьми, что особенно актуально для братьев и сестер или для людей одной расы.

5. Ограниченные исследования: исследования по анализу ушных раковин в силу их уникальности все еще находятся на стадии развития. В отличие от более традиционных методов идентификации (например, отпечатки пальцев, распознавание лиц) у информационной базы ушных раковин меньше теоретической и практической основы.

6. Конфиденциальность и этика: использование биометрических данных, включая ушные раковины, вызывает вопросы о конфиденциальности и правомерности сборов данных, что может вызвать негативную реакцию со стороны общества.

Из анализа всех этих проблем следует, что, хотя метод установления личности человека по ушным раковинам может быть полезным в некоторых случаях, его следует использовать с осторожностью и для повышения надежности и точности в сочетании с другими методами идентификации.

Рассмотрим вероятную методику проведения вышеуказанной идентификации:

1. Сбор данных: сбор изображений ушных раковин может осуществляться с помощью специального порошка с последующим фотографированием или видеозаписью. Для достижения максимальной достоверности следует соблюдать стандарты освещения и качества.

2. Анализ данных: после сбора изображений, они подлежат обработке с использованием специализированных алгоритмов для выделения значимых характеристик (например, контуров, узоров).

3. Сравнение и идентификация: обработанные данные сопоставляются с существующей базой данных ушных раковин. Современные системы могут использовать алгоритмы машинного обучения для повышения точности идентификации.

4. Обучение сотрудников правоохранительных органов должно быть акцентировано на правильное обращение с биометрическими данными и использованию новых технологий, чтобы минимизировать ошибки и повысить эффективность идентификации.

Ушные раковины не должны использоваться в качестве единственного средства идентификации. Их следует интегриро-

вать с другими биометрическими методами, например, отпечатками пальцев или распознаванием лиц, для достижения более высокой точности.

Необходимо обеспечить защиту собранных данных, создавая надежные системы шифрования и защищая от несанкционированного доступа.

Несмотря на то что отождествление личности по ушным раковинам представляет собой интересный подход, его применение в правоохранительной деятельности требует тщательной проработки соответствующих методик, учета ряда проблем, связанных в том числе и с обеспечением соблюдения этических норм. Успех внедрения будет зависеть от дальнейших исследований, с учетом развития технологий и практической отработки процессов получения, хранения и использования в реальных условиях.

Список литературы:

1. *Байчоров К. А., Парфенов А.В.* Организация оперативно-розыскной, розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних по раскрытию преступлений против собственности // Закон и право. 2019. № 9.

2. *Байчоров К. А., Парфенов А.В.* Организация розыскной и идентификационной деятельности в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении краж из жилищ // Закон и право. 2020. № 5.

3. *Ернар Н.* Идентификация личности человека по ушной раковине // Информационные радиосистемы и радиотехнологии : материалы научно-технической конференции. Минск : БГУИР, 2022.

4. *Иванец М. П., Парфенов А.В.* Особенности осуществления розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия, суда // Закон и право. 2021. № 10.

5. *Малахов Д.В.* Комплексное исследование анатомо-морфологических особенностей ушной раковины для идентификации личности // Проблемы экспертизы в медицине. 2006. № 4. Т. 6.

6. *Намсараев А.Ч.* Оперативно-розыскная деятельность сотрудников уголовного розыска по выявлению похищенного имущества в условиях цифровизации // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 4.

7. *Парфенов А. В.* О крупной научной проблеме в сложном комплексе вопросов относительно розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел // Закон и право. 2017. № 11.

8. *Парфенов А. В.* Теоретико-методологические основы розыскной и идентификационной деятельности в Российской Федерации : монография. М. : Проспект, 2022. 80 с.

9. *Парфенов А. В., Воронцов А. В.* К вопросу о порядке работы сотрудников подразделения уголовного розыска территориального органа МВД России при осмотре места происшествия // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности (посвященная памяти основателей теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел) : сборник научных трудов Межведомственной научно-практической конференции. М., 2024.

10. *Россинская Е. Р., Зинин А. М.* Значение ушной раковины человека для его идентификации // Судебно-медицинская экспертиза. 2022. № 3. Т. 65.

Анастасия Николаевна Николаева,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: pogod_a@mail.ru

Преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей: современное состояние и проблемы их предупреждения

Аннотация

Статья посвящена анализу состояния преступности с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, и отдельных аспектов их расследования. Предпринята попытка выявления проблемных вопросов, возникающих при выявлении, раскрытии, расследовании и предупреждении исследуемой категории преступлений. Автором анализируются современные проблемы, связанные с преступлениями в цифровом пространстве, примеры и предпринимается попытка определения путей их решения, а также делается вывод о том, что выявление, раскрытие и расследование исследуемой категории преступлений представляет собой сложную систему, требующую комплексного подхода и организации эффективного взаимодействия правоохранительных органов при осуществлении указанной деятельности, которая не может осуществляться без всестороннего изучения механизма совершения указанных преступлений, а также эффективного применения мер организационно-управленческого и организационно-криминалистического характера, которые будут способствовать оптимизации деятельности субъектов расследования и профилактики преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова и словосочетания: *цифровизация; состояние преступности; развитие информационных технологий; преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей; организация расследования преступлений.*

С повсеместным использованием информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТС) и стремительным ростом популярности средств массовой информации (далее – СМИ)

преступления, совершаемые с использованием этих ресурсов, становятся предметом актуальных обсуждений в юридической науке и практике в следствие того, что совершение указанных преступлений ставит под угрозу не только безопасность граждан, но и стабильность жизнедеятельности общества в целом.

Актуальность задачи анализа состояния преступности, а также эффективности деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений указанной категории, обусловлена несколькими факторами. Рост числа пользователей ИТС создает благоприятные условия для реализации преступных действий. Число пользователей интернета в мире превышает 5,5 миллиарда человек, что предполагает высокую вероятность столкновения с преступными действиями в ИТС. Что касается непосредственного использования мобильных телефонов – в 2025 году число их пользователей составило 5,78 миллиарда человек (70,5 % населения). При этом 87 % всех мобильных устройств в мире сейчас составляют смартфоны (возможность доступа к сети Интернет) [1].

Данный факт наглядно свидетельствует о современном цифровом пространстве, характеризующимся все большим влиянием IT-технологий на повседневную жизнь, ростом потребления мобильного видеоконтента, ускоренным ростом и распространением искусственного интеллекта, эволюцией онлайн-шопинга, трансформацией социальных сетей и изменившимся коренным образом поведением интернет-пользователей, что также непосредственно влияет на состояние преступности и ее количественные и качественные характеристики.

В свою очередь, СМИ и ИТС становятся не только каналом распространения информации, но и средством манипуляции общественным мнением, за счет чего мы можем наблюдать, что современные преступники используют дезинформацию для достижения своих целей, что требует от государства и институтов гражданского общества более эффективного реагирования на подобные угрозы.

Следует отметить, что за 2024 год зарегистрировано 765 365 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (АППГ – 676951). Анализ состояния преступности показывает, что количество преступлений данного вида растет и в общем числе зарегистрированных преступлений. Их удельный вес в структуре общей преступности в 2024 году увеличился до 40,0 % (в 2023 году он составлял 34,8 %). Так, уже за январь 2025 года зарегистрировано 47 715 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и применением

сети «Интернет», или на 9,3 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (АППГ – 43 664 преступлений) [8].

Следует отметить, что несовершенство законодательства и наличие недостатков правоприменительной практики, анонимизация, приводящая к проблеме идентификации преступников, распространение дезинформации (в особенности, во время кризисных ситуаций), приводит к массовым беспорядкам и может угрожать национальной безопасности, а также, наличие характерных сложностей в выявлении, раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений указанной категории являются одной из сущностных проблем, характеризующих преступления исследуемой категории.

Так, длительность расследования, обусловленная наличием недостатков и упущений в организации взаимодействия между субъектами, сложностью познания механизма совершения указанных преступлений, их трансграничность, а также криминалистическая сложность расследования продолжают оставаться актуальными проблемами расследования уголовных дел исследуемой категории. Как справедливо отмечает В. В. Симоненко, появление новых видов преступлений и необходимость противодействия им обусловила актуальность совершенствования системы обучения кадров, специализирующихся на предотвращении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений указанной категории [7].

Рассматривая вопросы противодействия указанным преступлениям, нельзя не отметить, в частности, процесс цифровизации самой деятельности правоохранительных органов, направленной на выявление, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений указанной категории. Вопросы цифровизации деятельности правоохранительных органов, в частности, ее правовое регулирование, ресурсное обеспечение и само внедрение информационных технологий в правоохранительную деятельность нашли отражение в трудах И. П. Можяевой [3–5], Е. Р. Росинской [6], С. В. Зуева [2], Н. А. Головановой [9] и др.

Следует отметить, что повышение уровня грамотности населения является одним из ключевых аспектов в борьбе с преступлениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (образовательные инициативы, направленные на развитие критического мышления и осведомленности о рисках в сети, могут стать эффективным инструментом по предупреждению указанных преступлений).

В качестве ключевых аспектов по противодействию преступлениям в ИТС выделим необходимость эффективного взаимодействия правоохранительных органов при выявлении, раскрытии расследования и предупреждении преступлений, совершаемых с использованием СМИ и ИТС, а также их сотрудничество с институтами гражданского общества (к примеру, необходимы более активные координационные действия

между правоохранительными органами и IT-компаниями с целью реагирования на угрозы, а также выявления, раскрытия и расследования преступлений, исследуемой автором статьи категории).

Таким образом, тенденцией является использование искусственного интеллекта, позволяющего делегировать техническим средствам решение некоторых задач, а современность, в свою очередь, характеризуется тем, что возможностями искусственного интеллекта используются не только в благих намерениях, но также для реализации преступного умысла, свидетельством чего являются распространившиеся в последнее время звонки с использованием технологии генерации аудиосообщения или аудио- и видеозвонка с использованием технологии дипфейк, к примеру, руководителей органов государственной власти с указанием, также, к примеру, неукоснительного выполнения указаний сотрудников иных ведомств, которые также осуществляются в преступных целях и способом причинения значительного имущественного вреда. Предупреждению преступлений, совершенных указанным способом, способствовало бы повышение уровня осведомленности граждан

Современное состояние борьбы с данными преступлениями можно охарактеризовать тем, что институты гражданского общества также предпринимают попытки своевременного реагирования на угрозу, используя возможности искусственного интеллекта в целях создания самообучающихся автоматизированных систем, принимающих звонки и текстовые сообщения, функциями которых являются анализ самого абонентского номера, расшифровка и анализ содержания разговора или текстового сообщения на предмет мошеннических действий (зачастую – сопоставление с базами данных большого массива уже накопленной информации), направление пользователю их аудиозаписи или текста и по результатам проведенного анализа предупреждение пользователя о вероятности того, что поступивший звонок или текстовое сообщение могут иметь преступные цели, что поможет пользователю самостоятельно анализировать и выбирать для себя безопасные средства связи.

В заключение предпринятого исследования отметим, что противодействие преступлениям исследуемой категории представляет собой сложную систему, требующую комплексного подхода и организации эффективного взаимодействия правоохранительных органов при осуществлении указанной деятельности, которая не может осуществляться без всестороннего изучения механизма указанных преступлений, а также эффективного применения мер организационно-управленческого и организационно-криминалистического характера, которые будут способствовать оптимизации деятельности субъектов расследования и профилактики преступлений, совершаемых с использованием СМИ и ИТС.

Список литературы:

1. Global Digital Report 2025. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (дата обращения: 20.02.2025).
2. Высокотехнологичный уголовный процесс : монография / под ред. С.В. Зуева, Л.Н. Масленниковой. М. : Юрлитинформ, 2023. 216 с.
3. *Можаяева И. П., Васильева И.Н.* Современное состояние и перспективы цифровизации деятельности органов внутренних дел // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2024.
4. *Можаяева И.П.* Развитие теоретико-прикладных положений организации расследования преступлений в условиях цифровой трансформации // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : сборник по материалам международной научно-практической конференции. СПб., 2024.
5. *Можаяева И.П.* Актуальные направления организационно-правового обеспечения международного сотрудничества при противодействии преступности // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. М., 2022.
6. *Россинская Е.Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89).
7. *Симоненко А.В.* Актуальные вопросы подготовки кадров для противодействия киберпреступности // Вестник КРУ МВД России. 2021. № 4 (54).
8. Состояние преступности в России. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 10.03.2024).
9. *Голованова Н. А., Гравина А. А., Зайцев О. А. и др.* Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ООО «Юридическая фирма Контракт», 2019. 212 с.

Елена Викторовна Попова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: elena.popova.list@gmail.com

Павел Геннадиевич Сычёв,
доктор юридических наук,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России

Тактические особенности рассмотрения сообщения о преступлении, совершенном в инвестиционной сфере

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос о тактике производства процессуальных действий на этапе проверки поступившего сообщения о преступлении, совершенном в инвестиционной сфере. Автор статьи уделяет внимание особенностям, возникающим на исследуемом этапе уголовного судопроизводства, рассматривает существовавшие и существующие на сегодняшний день нормы, указывающие на специфику производства процессуальных действий по уголовным делам экономической направленности, а также обращается к мнению ученых-процессуалистов и криминалистов, изучавших данный вопрос. Основным результатом исследования, отраженного в статье, стал вывод о том, что рассматриваемая категория преступлений обладает специфическими чертами, присущими частично сформировавшемуся особому производству, на основании чего появляются тактические особенности при проверке сообщения о преступлении.

Ключевые слова и словосочетания: преступления в инвестиционной сфере; поводы и основания для возбуждения уголовного дела; тактика проверки сообщения о преступлении.

Этап проверки сообщения о преступлениях экономической направленности¹ как и сообщения о любом другом преступлении,

¹ О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации (в 2011 году – от 28 декабря 2010 года № 450/85/3, в 2012 году – от 15 февраля 2012 года № 52-11/2).

являясь первичным механизмом защиты лиц от преступного посягательства, от необоснованного вовлечения в орбиту уголовного судопроизводства, а также от нарушения законных прав и интересов призван обеспечить быстрое реагирование правоохранительных органов на совершаемое или совершенное преступное деяние; проверку достоверности информации, полученной из того или иного источника, в последующем рассматриваемой как повод для возбуждения уголовного дела; установления наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела; установление квалификации преступного деяния и т. д.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) четко регламентирует порядок рассмотрения сообщения о любом преступлении. Особое значение этапа проверки поступившего сообщения заключается в том, что от полноты сведений, содержащихся в первичном материале, будет зависеть дальнейший ход расследования преступления.

Обеспечение качества получения достаточных сведений о совершенном или совершаемом преступном деянии напрямую зависит от действий следователя и органа дознания, а именно – от тактики производства процессуальных действий, которая в свою очередь обусловлена процедурами, установленными уголовно-процессуальным кодексом. Каждый тактический прием, применяемый в уголовном судопроизводстве, должен отвечать принципу допустимости. Кроме того, «по своему характеру, содержанию и целенаправленности тактические приемы, как отмечал профессор В.Т. Безлепкин, должны полностью соответствовать (не противоречить) духу и букве закона, а их применение — требованиям законности» [1, с. 475].

Учитывая, что глава 19 УПК РФ, хотя и предусматривает общую процедуру проверки сообщения о преступлении, однако аналогичный этап уголовного судопроизводства по уголовным делам, возбужденным по факту совершения экономических преступлений, в том числе преступлений в инвестиционной сфере, обладает характерными особенностями, что непосредственно влияет и на применяемую следователем и органом дознания криминалистическую тактику и приемы процессуальных действий.

Вместе с тем, механизм совершения преступлений в инвестиционной сфере в настоящее время осложнен использованием криптовалюты, программ-анонимайзеров и иных факторов, которые, как отмечают профессор Ю.В. Гаврилин и В.А. Шурухнов, «негативно сказываются на деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений и ограничивает возможности по использованию в процессе доказывания информации о финан-

совых операциях лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать об их причастности к криминальной деятельности» [2, с. 39–43].

Одним из основных действий на исследуемом этапе уголовного судопроизводства, с учетом особенностей механизма преступления, является назначение и производство экспертиз. Кроме того, особенности преступлений экономической направленности обуславливают производство и таких действий как ревизии, выемки, документальные проверки, исследование документов, что на указанном этапе позволяет решить основную задачу – фиксацию следов преступления. С точки зрения тактики, все действия лиц, участвующих в проверке сообщения, должны быть оперативными и согласованными, поскольку любое промедление может привести к утрате доказательственной информации. Важно понимать необходимость каждого из проводимых действий, перечень которых основан на особенностях совершения отдельного преступного деяния, а также время, затрачиваемое на его производство, кадровые и технические возможности ответственных подразделений.

В целях сохранения следов совершаемого или совершенного преступления, связанного с информационно-телекоммуникационными технологиями, в том числе электронными видами денежных средств, в первую очередь необходимо блокирование IT-ресурсов, изъятие и последующий осмотр технических устройств, которые были использованы в процессе реализации преступного умысла. Далее следует этап назначения как компьютерно-технических, так и иных видов экспертиз.

На этапе процессуальной проверки перечень судебных экспертиз преимущественно включает в себя бухгалтерскую, почерковедческую, компьютерно-техническую, судебно-экономическую, а также иные виды экспертиз в зависимости от особенностей совершенного преступного деяния. Основная проблема для этапа назначения и производства экспертизы – сроки, которые могут достигать года и более в зависимости от объема материалов, направленных на исследование, загруженности экспертных подразделений и иных факторов.

Согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ, в случаях, когда необходимо производство судебных экспертиз, ревизий, исследований документов, производства документальных проверок, проведения оперативно-розыскных мероприятий и иных процессуальных действий, срок проверки сообщения о преступлении может быть продлен до максимальных 30 суток. Учитывая фактический срок производства экспертиз, возникает практическая дилемма – 30 суток недо-

статочно для качественной и всесторонней проверки сообщения о преступлении уже на этапе назначения и производства экспертного исследования.

Как отмечает С. Е. Ермаков, «в таких условиях сложилась практика искусственного продления сроков проверки сообщений о преступлениях экономической направленности путем принятия органом дознания решения об отказе в возбуждении уголовного дела и последующей их отмене у надзирающего прокурора» [4, с. 25–29].

Иной негативный способ преодолеть временные ограничения выделяет Р. Н. Титютник [5, с. 34–37]: пути передачи сообщений о преступлениях по территориальной подследственности. Одним из вариантов решения указанной проблемы автором предложено исключение возможности передачи сообщения о преступлении по подследственности на этапе его проверки.

С точки зрения криминалистической тактики, подобное процессуальное ограничение не просто препятствует всесторонней и достаточной по времени доследственной проверке, но и порождает неправомерные действия со стороны лиц, осуществляющих эту проверку. Временной дефицит сказывается на качестве проводимых процессуальных действий, влияет на выбор тактики их производства. Основное решение для практико-правовой коллизии видится в увеличении допустимых сроков производства проверки сообщения о преступлениях экономической направленности.

В особенности этапа проверки сообщения о преступлениях в инвестиционной сфере входит и получение объяснений от большого круга лиц, которые в процессе расследования приобретают статус потерпевших. Важно, что объяснение рассматривается в уголовно-процессуальном контексте, подразумевая при этом следующее: «процессуальное проверочное действие, проводимое руководителем следственного органа, следователем, дознавателем, органом дознания (оперуполномоченным) до возбуждения уголовного дела и заключающееся в получении устных сведений от граждан – участников проверки сообщения о преступлении в целях установления фактических обстоятельств, имеющих значение для принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела» [3, с. 96–102].

Получение объяснения потерпевших от преступления в инвестиционной сфере отличается от получения объяснения потерпевших от общеуголовных преступлений, поскольку первым свойственна бо льшая детализация информации о действиях лиц, совершивших преступное деяние. При получении объяснений в протоколе процессуального действия необходимо отразить сведения, позво-

ляющие установить транзакционный путь денежных средств (даты внесения платежей; информация о пополняемых виртуальных кошельках и их владельцах; суммы пополнения и т. д.), а также всю возможную информацию, использование которой позволит установить личность и местонахождение злоумышленников в кратчайшие сроки.

Основная проблема получения объяснения от большого количества лиц заключается в выборе таких тактических приемов, которые позволят получить максимальное количество информации от каждого, при этом эффективно расходуя временной ресурс. Кроме того, местонахождение потерпевших как правило не ограничено одной территориальной единицей, что значительно затрудняет производство процессуальных действий. В целях экономии времени получение объяснений и производство иных процессуальных действий поручается органу дознания, в том числе на соответствующей подведомственной территории.

Информация о транзакциях, лицах, совершающих или совершивших преступные действия, о соучастниках преступления, установление преступных мотивов при осуществлении инвестиционной деятельности, проверка лиц, на которых зарегистрированы подложные банковские счета и об иных фактах, которые в дальнейшем помогут при расследовании уголовного дела, на этапе проверки сообщения о преступлении может быть получена в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности. При этом важно, чтобы все действия сотрудников оперативных подразделений отвечали не только требованиям Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, но и требованиям УПК РФ, а именно п. 1.2 ч.1 ст. 144 УПК РФ, а также п. 2.2 ч.1 ст. 75 и ст. 89 УПК РФ в частности.

Взаимодействие следователя и органов, сопровождающих процесс получения информации на этапе проверки сообщения о преступлении, осуществляется на основании Инструкции по о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд². Раздел III Инструкции закрепляет требования, предъявляемые к результатам оператив-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Российская газета. № 160.

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013.

но-розыскной деятельности, согласно которым сведения, полученные при производстве оперативно-розыскных мероприятий должны быть достаточными не только для установления обстоятельств совершенного деяния, но и отвечать требованиям законности и допустимости, но также быть пригодными для дальнейшей разработки тактики расследования, что немаловажно для построения следственных и следственно-оперативных комбинаций на первоначальном и последующих этапах расследования преступлений экономической направленности.

Таким образом, основная проблема как тактики проверки сообщения о преступлениях в инвестиционной сфере, так и нормативной правовой регламентации заключается в максимально допустимых сроках ее производства, что в свою очередь требует внесения изменений в соответствующие нормы УПК РФ.

Вместе с тем наибольшая эффективность на этапе доследственной проверки сообщения о преступлении экономической направленности достигается посредством организации взаимодействия следователей и сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г. и др.* Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М. : Норма, 2000. 990 с.
2. *Гаврилин Ю. В., Шурухов В. А.* О правовых предпосылках применения отдельных способов сокрытия преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Академическая мысль. 2017. № 1.
3. *Давыдов С. И., Пинчук А. П.* Получение объяснения как проверочное действие на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правовой регламентации // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3.
4. *Ермаков С. В.* Проверка сообщений о преступлениях экономической направленности: пути совершенствования законодательства // Научный портал МВД России. 2017. № 2 (38).
5. *Тютюник Р. Н., Новопашин Р. Р.* Передача сообщения о преступлении по территориальной подследственности как способ укрытия преступления // Законность. 2015. № 9.

Особенности изъятия цифровой информации в ходе производства отдельных следственных действий

Аннотация

В статье рассматриваются средства обеспечения целостности и неизменности доказательственной цифровой информации при ее изъятии в ходе производства следственных действий. Показана роль блокираторов записи, которые становятся важным инструментом в арсенале специалиста в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Проводится сравнение работы различных видов блокираторов записи, таких как физические устройства (аппаратные блокираторы) и программные решения, в том числе интегрированные в операционные системы (программные блокираторы). Описывается технология расчета контрольной суммы (хеширование). Приведен обзор перспективных средств, направленных на решение вышеописанной задачи: электронной подписи и криптографических методов защиты, упоминаемых в отечественной и зарубежной литературе. В заключение автор делает выводы о важности использования данных средств и дает рекомендации для успешного изъятия доказательственной информации в ходе производства отдельных следственных действий.

Ключевые слова и словосочетания: *доказательственная информация; блокираторы записи; специалист; электронные носители информации; хеширование; метаданные.*

В настоящее время, ввиду массовой цифровизации общества и проводимой государством научно-технической политики в области криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности [6, с. 96–102], важнейшим фактором, определяющим специфические закономерности организации и методики расследования отдельных видов преступлений, является собирание доказательственной цифровой информации, которое включает в себя в том числе обнаружение, фиксацию и изъятие цифровых следов. Как справедливо отмечал в своих научных трудах Р.С. Белкин, изъятие доказательств направлено на обеспечение возможности их

использования для доказывания, приобщения к делу и служит средством их сохранения для следствия и суда [3, с. 57]. Исходя из чего, можно сделать вывод о том, что основополагающим принципом изъятия доказательственной цифровой информации является применение мер по обеспечению ее целостности и неизменности.

Так, необходимость усиления процессуальных гарантий получения достоверных сведений в ходе собирания доказательственной информации подчеркивают в своих трудах Ю.В. Гаврилин и А.В. Победкин [8, с. 27–38], согласно которым необходимо нормативно закрепить обязательность применения технологии контроля целостности электронных документов, основанной на расчете алгоритма контрольной суммы файла документа, которая определяется непосредственно перед подписанием документа электронной подписью. Для формирования реестра контрольных сумм электронных документов авторами предлагается использовать технологию блокчейн.

Стоит отметить, что в настоящее время цифровая информация кардинально потеснила аналоговую в системе отражения следов преступлений: как по количеству источников, так и по качеству отражаемой информации об обстоятельствах преступлений. В связи с чем в отечественной литературе понятие «цифровая информация» и ее отдельные свойства подвергаются тщательному изучению исследователей и рассматриваются наряду с такими терминами, как «криминалистически значимая информация», «компьютерная информация», «электронные доказательства», «электронная информация» и т. д. Вместе с тем общепринятого определения вышеуказанных понятий не выработано, так как эти термины различны по своему содержанию и процессуальному значению, а также напрямую зависят от объекта и предмета исследования того или иного ученого-криминалиста.

Так, например, А.Ф. Волинский и Е.Р. Россинская под информацией понимают «фактические данные или сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризующие способ его совершения, лиц, его совершивших, предметы преступного посягательства, орудия преступления и тому подобные обстоятельства. Таковую информацию принято называть криминалистически значимой...» [5, с. 35].

Впервые понятие «доказательственная информация» было сформулировано в 60-е гг. прошлого века Р.С. Белкиным и А.И. Винбергом и обозначало «меру связи доказательства с событием, которое им устанавливается», в то время как «доказательства» определялись как «изменения, связанные с исследуемым событием» [2, с. 176]. В последующем с развитием отечественной криминалистики понятие «доказательственная информация» нашло свое отражение в научных работах многих

ученых-криминалистов: А. Ю. Винокурова, С. Э. Гавето, С. В. Маликова, И. В. Мишуткина, С. Ю. Арзамаскина и др.

Вполне обоснованно отдельными учеными [14] производится разграничение доказательственной информации на вербальную и невербальную, так как в ходе расследования преступлений субъект доказывания получает различную информацию из разных источников с помощью различных средств и принимает большинство юридически значимых решений лишь на основе доказательственной информации. Так, например, считаем обоснованной позицию по данному вопросу П. В. Севастьянова [16, с. 34], согласно которой отдельным видом доказательственной информации является «невербальная доказательственная информация», которая определяется как: «сведения об имеющих юридическое значение событиях, явлениях, фактах, признаках и свойствах материальных объектов, полученные путем воздействия на сенсорные органы чувств человека без использования речевых средств коммуникации, запечатленные объективными средствами фиксации в соответствующей процессуальной форме».

Изъятие доказательственной цифровой информации ввиду специфической формы преобразования осуществляется в процессе изъятия информационных объектов, а также копирования имеющихся в них сведений, в ходе производства отдельных следственных действий. Так, действующим законодательством (ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ))¹ определен порядок изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий, при этом в протоколе должны быть указаны электронные носители информации, место их обнаружения, технические средства, примененные при осуществлении копирования информации и полученные результаты. Следует заметить, что согласно ч. 2 приведенной статьи, установлена обязательность привлечения специалиста к изъятию электронных носителей информации, который, согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ, оказывает содействие следователю в обнаружении, выявлении и изъятии предметов и документов, использовании технических средств при анализе материалов по делу, для постановки вопросов эксперту в ходе судебной экспертизы [9, с. 136].

Нельзя не отметить, что указанные положения, а также проблемы правового регулирования изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий неоднократно были

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.01.2025).

освещены в работах многих отечественных исследователей, например, таких как Ю.В. Гаврилин, В.Б. Вехов, С.Б. Смушкин, В.А. Мещеряков, Н.В. Машинская, П.С. Пастухов, В.Ф. Васюков, Р.И. Оконенко и многих других.

Вместе с тем, обращаясь к положениям теории доказывания в уголовном судопроизводстве, стоит подчеркнуть, что в соответствии с положениями ст. 85 УПК РФ, доказывание как процесс включает в себя собирание, проверку и оценку доказательств. Вместе с чем, как справедливо подметил П.В. Севастьянов, доктринальное понимание процесса доказывания включает в себя не только получение доказательств, но и оперирование ими в целях воссоздания действительной картины изучаемого события, познания юридически значимых фактов и обстоятельств дела [16, с. 18].

Согласно А.Р. Белкину, доказывание как познавательный процесс есть ни что иное как процесс извлечения, накопления, переработки и использования доказательственной информации [1, с. 116]. С криминалистической точки зрения, учитывая свойства информации, собирание доказательств включает процесс отражения содержащейся в них информации в процессуальной форме. Если первоначально информация о преступной деятельности отражается на материальных объектах или в сознании человека, то затем технологическое отражение – копирование осуществляется органами расследования на различные материальные носители для систематизации в материалах уголовного дела, в том числе на электронные носители информации [13, с. 195].

Исходя из приведенных положений уголовно-процессуального законодательства, в некоторых случаях по инициативе следователя изъятие информации может осуществляться посредством создания юридически корректной копии исходного электронного носителя информации, что достигается путем создания криминалистического образа идентичного оригиналу либо копии с помощью дубликатора. После извлечения информации данным способом необходимо сравнить криминалистический образ с исходным электронным носителем информации и удостовериться в побитовом соответствии.

К необходимости использования средств криминалистического копирования информации, обеспечивающих побайтовый перенос данных с одного электронного носителя на другой без модификации данных оригинала, неоднократно обращались в работах А.А. Балашова, Ю.В. Гаврилин и А. В. Победкин. Авторами подчеркивается, что данный способ обеспечивает не только целостность информации, но и является одним из специальных критериев оценки допустимости доказательственной информации, полученной в результате копирования данных [7, с. 73; 10, с. 110–116].

В целях предотвращения возможности внесения внешней средой любых изменений в исходную информацию, специалистами в работе применяются специальные средства – блокираторы записи, которые в свою очередь делятся на два типа: аппаратные и программные.

Аппаратные блокираторы записи в зависимости от деталей их реализации могут выступать как транслятор команд, так и модуль, предоставляющий доступ к блочному устройству. Аппаратный блокиратор записи работает в качестве транслятора команд, когда передает разрешенные команды, полученные от интерфейса-источника, путем их повторения в интерфейс-получатель, в то время как аппаратный блокиратор записи – в качестве модуля, предоставляющего доступ к блочному устройству, содержит полноценную операционную систему общего назначения с подключенным накопителем, определяющимся как блочное устройство в этой операционной системе, а доступ к чтению с этого блочного устройства разделяется с хостом через специальный драйвер [19]. К современным аппаратным блокираторам, пользующимся популярностью у отечественных специалистов, можно отнести такие технические средства как блокираторы семейств Tableau OEM Bridge и UltraBay 4 Portable.

Программные блокираторы записи могут быть адаптированы к отдельной операционной системе и делятся на три вида: драйвер, работающий в режиме «только чтение», для определенного типа накопителей; драйвер, обрабатывающий запросы на запись на их пути к драйверу определенного типа накопителей более низкого уровня; драйвер, предоставляющий блочное устройство в режиме «только чтение» для выбранного накопителя или раздела, с параллельным существованием в операционной системе блочного устройства в режиме «чтение-запись» для того же накопителя или раздела. Основные преимущества программных блокираторов заключаются в простоте использования и в скорости. В настоящее время существуют как отдельно созданные для решения данной задачи утилиты и драйвера, так и являющиеся частью крупных аппаратно-программных комплексов, например, таких как Magnet Axiom, Elcomsoft System Recovery и др.

Для проверки качества блокировки записи специалисты могут воспользоваться специальной утилитой WriteBlocking Validation Utility, разработанной компанией WiebeTech. Данная программа предоставляет простой в использовании метод определения работы блокираторов записи при отправке низкоуровневых стандартных и уникальных команд на электронный накопитель информации.

Хотелось бы отметить, что в настоящее время экспертами ЭКЦ МВД России также используются аппаратные и программные блокираторы в ходе проведения осмотров информационных объектов

(например, электронных носителей информации), где они выступают в роли специалистов и оказывают содействие следственным органам, и производства судебных компьютерных экспертиз. Применение данного вида техники регламентировано п. 27 приказа МВД России от 29.06.2005 № 511¹, согласно которому: «...эксперт применяет рекомендованные экспертные методики и имеющиеся в распоряжении экспертно-криминалистического подразделения технические средства для полного, объективного и научно обоснованного решения поставленных перед ним вопросов. При этом в первую очередь применяются методики, не связанные с видоизменением, разрушением или расходом объектов исследования». Данное положение нашло отражение в «Типовой методике исследования компьютерной информации» [15], которая с начала возникновения и по настоящее время является одним из основных методических документов экспертов судебной компьютерной экспертизы ЭКП МВД России.

Как уже было отмечено ранее, одним из современных технических способов обеспечения целостности и неизменности доказательственной информации является расчет хеш-суммы (контрольной суммы). Расчет хеш-суммы или по-другому хеширование – это преобразование исходного кода файла с помощью математических алгоритмов в строку фиксированного размера. Хеш-функция преобразует информацию таким образом, чтобы в результате полученная контрольная сумма препятствовала восстановлению исходных данных, обеспечивая их целостность, аутентификацию и безопасность. Для решения поставленных задач могут использоваться как международные математические алгоритмы, как: MD5, SHA-1, SHA-2, SHA-256, CRC, так и отечественная криптографическая хеш-функция «Стрибог», описанная в ГОСТ Р 34.11-2012². Эта функция преобразует входное сообщение любого размера в строку фиксированной длины, используя математические операции, такие как: добавление контрольных данных, разделение сообщения на блоки

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»): Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения 21.01.2025).

² ГОСТ Р 34.11-2012 «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хеширования» – это стандарт, который содержит описание алгоритма и процедуры вычисления хэш-функции для любой последовательности двоичных символов, которые применяются в криптографических методах защиты информации, в том числе в процессах формирования и проверки электронной цифровой подписи.

и применение итеративной хеш-функции, основанной на нелинейных преобразованиях.

Хеш-сумму файлов, имеющих приоритетное значение для расследования, можно установить с помощью штатных средств операционных систем, например, через запрос «*certutil-hashfile «C:\archive.exe» используемая хеш-функция*» в командной строке в операционной системе «Windows» или синтаксиса [алгоритм] [путь к файлу] в операционной среде «Linux», либо с помощью специальных приложений, например, File Checksum Calculator, HashTab и др. Также можно использовать встроенные функции в архиваторы, например, в 7-Zip. Рассчитанную контрольную сумму необходимо отразить в протоколе с указанием примененной к ней технологии и алгоритма шифрования. Впоследствии при необходимости дальнейших действий с полученной цифровой информацией необходимо каждый раз сверять полученную контрольную сумму. При ее изменении, необходимо убедиться в отсутствии фальсификации исходных данных.

Помимо контрольной суммы, специалистом в процессе проведения следственных действий могут быть обнаружены сведения, не относящиеся напрямую к содержанию информации, но описывающие этапы операций, которые с ней производились – метаданные, которые также при необходимости следует отобразить в протоколе. Однако, необходимо помнить, что в виду отсутствия возможности установления факта редактирования некоторых метаданных (например, EXIF-данных, атрибутов прав доступа), их легко сфальсифицировать.

Перспективными средствами получения целостности информации, опираясь на зарубежный опыт, отечественные исследователи называют использование электронной подписи должностного лица, проводящего следственное действие, и применение криптографической защиты к изымаемой информации [12, с. 47–48].

Так, например, в Германии основным реквизитом электронного доказательства для признания его достоверным со стороны суда является наличие в нем квалифицированной электронной подписи. При этом электронное доказательство может вызвать у сторон сомнение лишь в том случае, если об этом заявит исключительно владелец квалифицированной электронной подписи [20].

К числу криптографических методов, которые могут быть использованы для защиты целостности информации, относятся [18]:

1) гомоморфное шифрование, построенное на вычислениях на основе зашифрованных данных без необходимости их предварительной расшифровки, без дополнительного изучения входных данных или результатов вычислений;

2) коммутативное шифрование, которое позволяет шифровать открытый текст несколько раз с использованием открытых ключей разных пользователей и не требует расшифровки перед процессом шифрования;

3) шифрование с возможностью поиска зашифрованных данных;

4) шифрование на основе идентификации – шифрование с открытым ключом, при котором пользователь может сгенерировать открытый ключ из известного уникального идентификатора, а доверенный сторонний сервер вычисляет соответствующий закрытый ключ из открытого ключа.

Гомоморфное шифрование предлагается использовать при сохранении лог-файлов, особенно в облачных средах, где требуется защита конфиденциальности отдельных записей при проведении исследования. Лог-файлы, являясь источником доказательственной цифровой информации, необходимой для расследования, могут включать конфиденциальные персональные данные, которые необходимо защитить от внесений изменений, в том числе с целью фальсификации. Данный метод шифрования предусматривает схему логирования событий, предусматривающую индексирование лог-файлов и их распределенное хранение на различных периферийных узлах, что обеспечивает сохранение конфиденциальности информации и позволяет специалистам собирать связанные блоки лог-файлов на основе индексных данных без привлечения провайдера услуг.

Шифрование с возможностью поиска зашифрованных данных может использоваться в цифровой криминалистике для обеспечения конфиденциальности. Такой метод позволяет осуществлять поиск по ключевым словам в массиве зашифрованной цифровой информации без прямого доступа к личным данным потерпевшего и иных лиц.

В шифровании на основе идентификации используются генераторы ключей шифрования. Методом предусмотрено участие правоохранительных органов в процессе генерации ключей совместно с доверенным лицом-генератором ключей. При необходимости получения доступа к информации, хранящейся в облачной среде, правоохранительные органы передают открытый ключ из известного уникального идентификатора, например, адреса электронной почты подозреваемого, доверенному лицу, который на основании этого генерирует закрытый ключ, используемый для защиты целостности и неизменности информации после расшифровки содержимого файлов. Такой подход гарантирует, что ни правоохранительные органы, ни доверенное лицо не могут самостоятельно сгенерировать закрытый ключ для расшифровки, что позволяет контролировать доступ к данным и не допустить фальсификации.

С помощью описанных методов также предлагается осуществлять криптографическую защиту электронных доказательств, полученных в ходе производства отдельных следственных действий, например, таких как осмотр места происшествия.

Стоит отметить, что при осуществлении копирования информации в рамках производства отдельных следственных действий, специалисты могут столкнуться с рядом проблем [4, с. 8–14; 11, с. 210–217]. В отечественной литературе, посвященной вопросам цифровизации судопроизводства [13, с. 188], отмечается, что механическое описание, фотографирование или видеосъемка манипуляций с конкретным устройством в момент его изъятия в некоторых случаях позволяет преодолеть некоторые из указанных недостатков. При этом констатируется, что при решении данного вопроса мы сталкиваемся с тремя существенными особенностями характерными для копирования информации:

- 1) время, затрачиваемое на изучение всей хранящейся на компьютерном устройстве информации, негативно сказывается на соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства;

- 2) цифровой след может не воспроизводиться операционной системой или используемым приложением, либо воспроизводиться и интерпретироваться неверно;

- 3) фиксация манипуляций с операционной системой устройства не дает ответа на вопрос о достоверности выявленного следа в аспекте как принципиальной возможности фальсифицирования цифровой информации, так и фальсификации конкретной цифровой сущности.

Хотелось бы отметить, что изъятие доказательственной информации с обеспечением ее целостности и неизменности осуществляется не только в рамках осмотров и исследований электронных носителей информации, но и других не менее важных информационных объектов, таких как компьютерные сети, включая сеть Интернет; облачные хранилища данных; сетевые хранилища данных; серверное оборудование; мобильные устройства и т. д., что является отдельным предметом размышлений автора и станет темой для проведения дальнейших исследований. В частности, не использование блокираторов записи при проведении криминалистического исследования нетипичных файловых систем, используемых в видеорегистраторах, может привести не только к внесению изменений операционной системой экспертной ПЭВМ, но и полному уничтожению всей информации, имеющейся на накопителе объекта.

Представляет интерес, поднятый в зарубежной литературе [17, с. 51–58] вопрос получения криминалистически значимой информации в отсутствие блокираторов записи. Авторами проведено исследование, направленное на сравнение криминалистических копий, полученных с использованием и без использования блокираторов записи, чтобы

понять являются ли полученные различия существенными. В ходе экспериментов сравнивались изменения, внесенные на накопитель на жестких магнитных дисках и флэш-накопитель, при их отображении и проверке с помощью рабочей станции специалиста на базе операционной системы «Windows». В результате проведенных тестирований установлено, что в носители информации вносятся некоторые изменения, когда не используется блокировка записи (или, предположительно, когда блокировщик записи выходит из строя), при этом исходные данные не повреждаются после использования и не создается никакого дополнительного контента. Таким образом, если в суде одна из сторон возражает против использования криминалистической копии, полученной в ходе следственных действий, исключительно из-за отсутствия блокировки записи, бремя доказывания недопустимости подобного доказательства лежит на оспаривающей стороне.

Подмечено, что существует несколько случаев, когда блокировка записи не может быть эффективно использована при анализе или проверке цифровых носителей, как это иногда бывает с мобильными устройствами, при сборе изменяемых данных или оперативной памяти. В таких случаях практикующим специалистам необходимо понимать истинное влияние отсутствия блокировки записи.

Однако, несмотря на выводы, полученные в результате тестирования, авторы утверждают, что не ставят под сомнение факт необходимости применения блокираторов записи при копировании информации, а лишь проводят научный эксперимент.

Стоит отметить, что в ряде зарубежных стран были приняты поправки к существующим правилам доказывания, чтобы адаптировать их к новым реалиям и законодательно закрепить требование проверки подлинности и целостности доказательной информации, а также оценку допустимости электронных доказательств в суде. В связи с чем широко использовать в работе с цифровой информацией аппаратные и программные блокираторы стали такие государства как: США, Великобритания, Австралия, Германия, Китай, Сингапур, Малайзия и другие.

В заключение предлагаются следующие рекомендации по успешному изъятию доказательственной цифровой информации:

- 1) привлечение к следственным действиям специалиста с достаточно высоким уровнем владения специальными знаниями и навыками в части применения современных технических средств и информационно-телекоммуникационных технологий;
- 2) использование аппаратных и программных блокираторов записи в целях сохранности и неизменности полученной информации;
- 3) расчет хеш-суммы для удостоверения неизменного состояния информационного объекта;

4) использование современных сертифицированных специальных средств отечественного и зарубежного производства для работы с цифровой информацией;

5) подробное описание в протоколе следственного действия места обнаружения информационного объекта с указанием его хеш-суммы и метаданных.

Список литературы:

1. *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005.

2. *Белкин Р. С., Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание. М., 1969.

3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : в 3 т. Частные криминалистические теории. Т. 2.

4. *Васюков В.Ф.* Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий: новеллы законодательства и проблемы правоприменения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2.

5. *Вольнский А. Ф.,* Россинская Е. Р. Криминалистическая регистрация. М., 1992.

6. *Гаврилин Ю. В.* О понятии и содержании государственной научно-технической политики в области криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности криминалистической политики) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62).

7. *Гаврилин Ю.В.* Развитие методов цифровой криминалистики: пределы допустимости // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. Рязань : Академия ФСИН России, 2022.

8. *Гаврилин Ю. В., Победкин А.В.* Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).

9. *Дрога А.А.* Основные задачи экспертного исследования электронных следов // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы и перспективы : сборник по материалам международного научно-практического форума «Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы и перспективы». М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024.

10. *Балашова А. А., Васюков В. Ф., Гаврилин Ю. В. и др.* Использование информации, содержащейся на электронных носителях, в уголовно-про-

цессуальном доказывании : учебное пособие / под ред. Ю.В. Гаврилина и А.В. Победкина. М., 2021.

11. *Лукошкина С.В.* Проблемы изъятия электронного носителя информации в контексте участия специалиста и назначения судебных экспертиз // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 2.

12. *Гаврилин Ю. В., Пинкевич Т. В., Мартыненко Н. Э. и др.* Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : учебник : в 2 ч. / под общ. ред. Ю.В. Гаврилина. М. : Академия управления МВД России, 2024. Ч. 1. 304 с.

13. Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2025. 312 с.

14. *Победкин А.В.* Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 464 с.

15. *Саенко Г. В., Тушканова О.В.* Типовая методика исследования компьютерной информации. М. : ЭКЦ МВД России, 2010.

16. *Севастьянов П.В.* Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 194 с.

17. *Kessler Gary C., Carlton Gregory H.* A Study of Forensic Imaging in the Absence of Write-Blockers // Journal of Digital Forensics, Security and Law. V. 9. № 3. Art. 4.

18. *Taiwo Blessing Ogunseyi, Oluwasola Mary Adedayo.* Cryptographic Techniques for Data Privacy in Digital Forensics. URL: https://www.researchgate.net/publication/376578756_Cptographic_Techniques_for_Data_Privacy_in_Digital_Forensics (дата обращения: 20.01.2025).

19. Аппаратные или программные блокираторы записи – что надежнее? URL: <https://habr.com/ru/companies/bizone/articles/320032/> (дата обращения: 11.01.2025).

20. Правовая оценка электронных доказательств: иностранный опыт. URL: <https://www.s-quo.com/content/articles/337/7446/> (дата обращения: 11.01.2025).

Дознание – упрощенная форма расследования?

Аннотация

В статье рассмотрены основные вопросы, касающиеся уголовно-процессуальной регламентации дознания, а также обращено внимание на отсутствие существенных отличий двух форм предварительного расследования – предварительного следствия и дознания. Автором сделан вывод о том, что современное дознание является формально-упрощенной формой расследования.

Ключевые слова и словосочетания: дознание; предварительное следствие; предъявление обвинения; срок расследования; упрощенное производство.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, дознание представляет собой одну из форм предварительного расследования.

С момента введения УПК дознание подверглось ряду существенных изменений, практически полностью превратившись в аналог предварительного следствия. Однако существующие отличия все-таки позволяют некоторым ученым-процессуалистам отнести дознание к упрощенным (ускоренным) формам производств. Так, в учебном пособии под редакцией И.С. Лапаева дознание определяется как упрощенная форма предварительного расследования, осуществляемая дознавателем и органом дознания под контролем и надзором начальника органа дознания и прокурора. Оно включает проведение неотложных следственных действий или полное установление фактических и юридических оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого с последующим направлением уголовного дела в суд, как правило, по делам небольшой и средней тяжести [3]. К ускоренным досудебным производствам относят дознание О.В. Качалова и В.М. Герасименков. Авторы отмечают, что в основу досудебных сокращенных производств положено сокращение ряда процессуальных действий и сокращение времени их производства [2]. Ввиду изложенного проанализируем основные существенные отличия существующих форм предварительного расследования, которые в современном уголовном судопроизводстве представлены предварительным следствием и дознанием.

Одним из главных различий выступает институт предъявления обвинения. Как пишут В.А. Семенцова и О.А. Науменко «учитывая то, что дознание есть ускоренная и упрощенная форма предварительного расследования, институт предъявления обвинения не должен усложнять его процедуру» [4].

По общему правилу, при производстве дознания не предусмотрен институт предъявления обвинения. В данном случае обвинительный акт приравнивается к постановлению о привлечении лица в качестве обвиняемого. Согласно положениям ст. 224 УК РФ в случае избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и невозможности составления обвинительного акта в течение 10 суток срока дознаватель предъявляет обвинение в порядке, аналогичном при производстве предварительного следствия. В подобном случае у двух форм предварительного расследования совпадает порядок приобретения статуса обвиняемого. Таким образом, говорить о каком-то упрощенном режиме нет оснований, так как порядок расследования уголовного дела, производство следственных и процессуальных действий тождественен у двух форм предварительного расследования. При избрании иных мер пресечения дознаватель обязан в 10 суточный срок либо составить обвинительный акт, что на практике не редко является проблематичным, либо отменить меру пресечения. На страницах юридической литературы можно встретить мнение о том, что «необходимо предусмотреть порядок отмены меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, при производстве дознания при условии невозможности составить обвинительный акт в течение 30 суток» [4]. Полагаем, что в некоторых случаях составить обвинительный акт даже в эти сроки окажется затруднительным, к примеру в виду производства экспертиз.

В настоящее время в научном сообществе ведется оживленная дискуссия по вопросу реформирования института предъявления обвинения. Нам, в свою очередь, хотелось бы освятить позицию крупного ученого-процессуалиста Б.Я. Гаврилова, который приводит ряд аргументов в пользу исключения данного института в ходе предварительного следствия. Автор отмечает, что «исключение института предъявления обвинения при производстве предварительного следствия при одновременном введении процессуальной нормы об уведомлении лица о существующем в отношении него подозрении в случае возбуждения уголовного дела позволит создать юридические предпосылки для решения правовыми средствами проблемы возвращения судом уголовного дела прокурору для перепредъявления обвинения на более тяжкое путем пересоставления обвинительного заключения, не выходя за пределы фактического обвинения по расследованному уголовному делу». Сохранение института предъявления обвинения, как отмечает ученый, было обусловлено тем,

что он являлся правовым основанием для допуска защитника к участию в уголовном деле, который в течение длительного времени оставался одним из главных вопросов уголовного судопроизводства [1]. В юридической литературе существует и противоположная точка зрения. Так, В.Ю. Стельмах полагает, что ввиду иной процессуальной конструкции дознания, только по окончании расследования, лицо, наделенное процессуальным статусом обвиняемого узнает точную формулировку и квалификацию обвинения, а отсутствие предусмотренного порядка допроса обвиняемого лишает последнего возможности высказать свое отношение к инкриминируемому деянию. Резюмируя изложенное, автор приходит к выводу, что «весьма спорной представляется позиция авторов о необходимости отказа от предъявления обвинения даже в условиях предварительного следствия, напротив, целесообразно восстановить предъявление обвинения при производстве дознания» [5].

На наш взгляд, полностью отказываться от данного уголовно-процессуального института было бы не целесообразно. Также не целесообразно законодательно закреплять обязанность дознавателя проводить данное процессуальное действие. Полагаем возможным установить единый порядок предъявления обвинения для обеих форм предварительного расследования. Суть этого порядка должна заключаться в предоставлении лицу, ведущему расследование, дискреционных полномочий для выполнения данного процессуального действия. Считаем, что наша позиция требует разъяснения. Так, к подсудственности органов предварительного расследования, как и органов дознания отнесены в том числе составы преступлений, отнесенные в единой – средней степени тяжести, и имеющие, как правило, единый порядок расследования. Налицо совершенно парадоксальная ситуация: за совершение преступления, имеющую единую степень тяжести, порядок предъявления обвинения разнится лишь в том, в какой конкретно форме дело подлежит расследованию. Порой, не зависимо от формы расследования, просто отсутствует необходимость в избрании меры процессуального пресечения. Таким образом, наметившаяся тенденция реформирования института предъявления обвинения позволит рассматривать следствие как полностью однопорядковое дознанию, с учетом того, что итоговый процессуальный акт у двух форм предварительного расследования, по сути, отличается одним названием.

Следующим существенным различием двух форм производства является срок расследования. Для предварительного следствия, как известно, предусмотрен первоначальный 2-х месячный срок, окончательный срок законодателем не установлен. Для дознания же предусмотрен 30 суточный срок с правом продления до 6, а в редких случаях и до 12 месяцев. И если 30 суточный срок с натяжкой отнести к катего-

рии ускоренного возможно, то 6-месячный срок назвать ускоренным нет оснований. В зависимости от сложности расследуемого уголовного дела нередко период расследования в форме дознания может в разы превосходить период расследования в форме предварительного следствия.

Особое внимание хотелось бы обратить и на другие существенные моменты. Во-первых, к подследственности органов дознания относятся преступления, срок расследования которых изначально требует значительного времени, выходящего за рамки срока дознания. Во-вторых, к подследственности органов дознания отнесены составы преступлений, подозреваемыми по которым являются два и более лица. В-третьих, возможность расследовать в форме дознания многоэпизодные преступления. Как справедливо отмечает И. Г. Хисматуллин, Р. М. Исаева «Положения норм ч. 1 ст. 223 УПК РФ, в которых указано, что предварительное расследование в форме дознания производится в порядке, предусмотренном для предварительного следствия, исключают (в определенной мере) восприятие дознания как упрощенной и ускоренной формы расследования. Если говорить об «изъятиях», предусмотренных главой 32 УПК РФ, то они настолько формальные, как и все отличия, которые есть в настоящее время между дознанием и предварительным следствием» [6].

По нашему мнению, современное дознание, по сути, ни ускоренной, ни упрощенной формой расследования ни является. И все же отсутствие некоторых уголовно-процессуальных институтов, в частности института предъявления обвинения, существенное отличие в сроках расследования позволяют отнести дознание к формально-упрощенной форме расследования по сравнению с предварительным следствием.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б.Я.* Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения // Вестник института.
2. *Качалова О. В., Герасименков В.М.* Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе // Правосудие. 2022. Т. 4.
3. *Лапаев И.С.* Досудебное производство по уголовным делам : учебное пособие. Пенза : Изд-во ПГУ. 2020.
4. *Семенцов В. А., Науменко О.А.* Обеспечение прав личности при производстве дознания: монография. М. : Юрлитинформ, 2016.
5. *Стельмах В.Ю.* Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания // Российская юстиция. 2019. № 4.
6. *Хисматуллин И. Г., Исаева Р.М.* Дознание как упрощенная форма расследования: миф или реальность? // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180).

Типовые модели механизма вербальных (речевых) и невербальных преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению структуры и элементов механизма вербальных (речевых) и невербальных преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Особое внимание автора уделяется сущности криминалистического учения о механизме преступления и соотношению устоявшейся теоретической категории с особенностями преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова и словосочетания: *учение о механизме преступления; вербальные (речевые) преступления экстремистской направленности; невербальные преступления экстремистской направленности; типовые модели механизма преступлений; криминалистика; расследование преступлений экстремистской направленности.*

Преследуя цель создания наиболее релевантной и объективной частной криминалистической методики расследования преступления, наравне с криминалистической характеристикой, рассматривающей устойчивые признаки преступления в статической и более описательной форме, необходимо уделять внимание детальному анализу типовых моделей преступного противодействия и механизма преступлений.

Профессор Р.С. Белкин отмечал, что «учение о механизме преступления, как частная криминалистическая теория, выступает необходимой составной частью общей теории криминалистики и вместе с тем методологической базой исследования и разработки средств, приемов и методик выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений» [1, с. 59–64].

Изучение механизма преступления как частной криминалистической теории и его элементов, позволяет установить динамические

изменения действий преступника, потерпевшего и других участников в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления. Именно совокупность закономерностей, представляющих преступную деятельность как последовательный алгоритм взаимосвязанных фактов, позволяет проследивать развитие действий виновного, что в совокупности с рассмотрением криминалистической характеристики, выступает научной основой методики расследования преступлений. Как отмечает А. М. Кустов, «несмотря на некоторое внешнее сходство составляющих компонентов механизм преступления и криминалистическая характеристика преступлений – понятия, не тождественные и не заменяющие друг друга. Это две самостоятельные научные категории, имеющие право (по своей значимости для общей теории криминалистики и практики) на существование и дальнейшую разработку и исследование» [2, с. 112].

Рассматривая теоретические положения, составляющие основу криминалистического учения о механизме преступлений, необходимо устанавливать взаимосвязи между сущностями указанной и изучаемой категории преступлений.

В основе механизма преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, как общей категории, лежит совокупность процессов взаимодействия виновного, а в случаях группового преступления, соучастников, между собой, а также, с материальной и цифровой средой, сопряженных с использованием компьютерных технологий, в целях непосредственного воздействия на предмет преступного посягательства. Учитывая особенности данной категории преступлений, являющейся по своей сути симбиозом компьютерных и насильственных экстремистских преступлений, категории механизма и типовых моделей данной группы противоправных действий непосредственно обусловлены технологическим аспектом. При этом, отметим, что технологический аспект, в данном случае, заключается в совершении преступлений исключительно в цифровой среде посредством использования компьютерных технологий, что имеет свое отражение как в элементах механизма преступлений в частности, так и во взаимосвязях, выявляемых и устанавливаемых между этими структурными единицами. Необходимо учитывать, что без наличия указанного аспекта, данная категория преступлений существовать не может, в виду нацеленности преступных действий и фактического нахождения всего процесса совершения преступления в цифровом поле.

Изучение механизма преступления заключается, прежде всего, в исследовании его этапов: начального, основного и заключительного

ного [3, с. 29]. Описание последовательного изменения элементов механизма преступления на каждом этапе его совершения, позволяет представить данную частную криминалистическую теорию в виде единой взаимосвязанной цепи, где рассматриваемые этапы могут выступать как в совокупности, так и в качестве целостного, самостоятельного процесса.

Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий представлены широким спектром противоправных деяний, однако, для выявления и рассмотрения типовых моделей механизма преступления, представляется возможным сгруппировать указанные составы в зависимости от сущности активных действий виновного. Анализ следственной и судебной практики позволил установить, что одними из распространенных видов преступлений, выступают вербальные (речевые) и невербальные преступления экстремистской направленности.

В качестве структурных элементов механизма вербальных (речевых) и невербальных преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, целесообразно выделять:

- преступную деятельность виновного (индивидуально или в форме соучастия) по подготовке, совершению и сокрытию преступлений экстремистской направленности;
- комплекс (совокупность) деяний (действий, бездействий) лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием;
- криминалистически значимые сведения о свойствах социальной группы, в отношении которой осуществляются противоправные действия;
- элементы обстановки, используемые преступниками в целях совершения преступлений экстремистской направленности, и предмет преступного посягательства.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что активные действия экстремистской направленности зачастую встречаются в совокупности, исходя из этого, целесообразно рассматривать обобщенные модели механизма совершения экстремистских преступлений.

Начальный этап совершения преступления, в данном случае, характеризуется тремя основными направлениями деятельности: выбором предмета преступного посягательства, подбором способа распространения сведений и подготовкой информации, оказывающей деструктивное влияние, к ее дальнейшему масштабированию. Исходя из особенностей вербальных экстремистских деяний, перед непосредственным совершением преступления, виновный акценти-

рует свое внимание на определенной социальной группе или государственном институте, рассматриваемыми в качестве предмета преступного посягательства [4]. Именно выбор предмета преступного посягательства в дальнейшем детерминирует то, какими именно способами эффективного достижения преследуемой им цели.

Проведенный анализ следственной и судебной практики позволил установить, что имеют место случаи, когда начальный этап совершения данной категории преступлений, характеризуется минимумом подготовительных действий, в следствие совершения лицами деяния в виду внезапно возникшего умысла. Следует отметить, что в случае заранее не спланированного совершения вербальных экстремистских преступлений, распространяемые лицом сведения не редактируются, а являются следствием сильного когнитивного и эмоционального всплеска, что четко прослеживается в смысловом содержании сведений (наличии в тексте нецензурной лексики; преобладании личной точки зрения автора; несогласованности контекста; наличии лингвистических и пунктуационных ошибок; резком, эмоциональном, примитивном смысле высказываний).

Подготовка к совершению преступлений указанной категории во многом обусловлена свойствами той социальной группы, на которую планируется оказание преступного воздействия, с целью унижения интересов данной общности. Именно поэтому на начальном этапе криминалистически значимые сведения о свойствах социальной группы наиболее важны. Виновный проводит анализ интересов, ценностей и деятельности определенной группы людей, в целях создания такой информации, которая окажет наиболее сильное воздействие на граждан.

Выбор способа совершения вербальных экстремистских преступлений в цифровом пространстве имеет важное значение на начальном этапе. Прежде всего решается вопрос о том, какие именно технические средства будут непосредственно или косвенно использоваться для совершения противоправных действий; определяются информационные ресурсы, средства мгновенного обмена сообщениями и социальные сети, через которые будет осуществляться преступное воздействие на целевую аудиторию; решается вопрос о целесообразности использования обучаемых нейронных сетей и технологии «Дипфейк» в преступных целях [5–7]; приискиваются возможности использования средства анонимизации личности, создаются поддельные аккаунты в социальных сетях и регистрируются подложные адреса электронной почты.

После выполнения подготовительных действий, наступает основной этап совершения преступления, в котором лицо непосред-

ственно осуществляет намеченный алгоритм посредством использования возможностей цифровых технологий, оказывающий воздействие на ранее определенный предмет преступного посягательства. Активная сторона преступных действий на данном этапе состоит в размещении дискредитирующей информации на платформах информационных ресурсов и социальных сетей, в целях массовой рассылки данных сведений, причиняя тем самым вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

В силу массовости данной категории преступлений и использования виновным информационно-телекоммуникационных технологий, с запрещенной информацией могут ознакомиться и очевидцы преступления, на которых не оказывалось вербальное давление напрямую, однако, им стали известны распространяемые запрещенные сведения.

Особенность вербальных (речевых) и невербальных преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий заключается в том, что завершающий этап преступного деяния здесь достаточно абстрактен, а процесс фиксации его интервала проблематичен. Однако, все же можно отметить, что завершающий этап характеризуется достижением лицом преступного результата, выражающегося в унижении чести и достоинства определенной социальной группы или в ознакомлении граждан с заведомо недостоверными сведениями, касающимися деятельности органов государственной власти. Процесс сокрытия вербальных экстремистских преступлений слабо выражен, вследствие направленности противоправных действий на максимально длящееся и масштабное распространение запрещенной информации. В случае совершения указанной категории преступлений, скрывается не сам факт преступного события, а шифруются данные о личности виновного посредством использования средств анонимизации в момент основного этапа совершения деяния.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что рассмотрение типовых моделей механизма вербальных (речевых) и невербальных преступлений экстремистской направленности, позволяет проанализировать процесс совершения данной категории противоправных действий в динамике на каждом этапе, что может стать основой частной методики расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Список литературы:

1. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: общие и частные теории. М. : Юридическая литература, 1987. 270 с.
2. *Кустов А.М.* Криминалистическое учение о механизме преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. М.,1997. 355 с.
3. *Кустов А.М.* Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления / под ред. Р.С. Белкина. М. : Академия МВД России, 1997. 227 с.
4. *Громова Н.С.* Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. Т. 23.
5. *Лемайкина С.В.* Актуальные вопросы противодействия использованию технологии дипфейков // Юрист-Правоведъ. 2022. № 3 (102).
6. *Матвейчев Ю. А., Шкаплеров Ю.П.* Общие условия предварительного расследования: история и современное состояние правового регулирования : монография. Могилев : Могилевский институт МВД России, 2022.
7. *Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей.* Могилев : Могилевский институт МВД России, 2024.

Система принципов уголовного процесса Российской Федерации

Аннотация

Автор обращается к дискуссионному в отечественной правовой доктрине вопросу о системности принципов уголовного процесса; характеризуются свойства данной системы. Обращается внимание на большое число изменений, внесенных во вторую главу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с момента его принятия и многочисленные научные публикации, посвященные принципам, не получившим формального закрепления, но фактически присутствующим в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовный процесс; системность; свойства системы; принципы уголовного процесса; система принципов.*

Феномен «система» («системность») прочно входит в терминологический аппарат различных отраслей научного знания и одновременно выступает предметом их исследования. Современная наука содержит множество авторских определений категории «система», которые позволяют выделить такие ее признаки, как:

- 1) наличие определенной совокупности элементов и компонентов;
- 2) их структурная объединенность;
- 3) относительная устойчивость данной структуры, строящаяся на взаимодействии составных частей;
- 4) функциональная обусловленность взаимодействия, наличие определенной цели [6].

Таким образом, рассматриваемый термин применим к объектам характеризующимся целостностью при одновременной внутренней структурированности взаимодействующих элементов и компонентов.

В правоведении свойство системности бесспорно признается одним из сущностных признаков права, которое представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов различных уровней (отраслей, институтов, норм) [10]. Внешним отражением системы права выступает система законодательства. А общая совокупность правовых явлений (права,

правовой культуры, юридической практики и др.) формирует правовую систему общества. Кроме того, право, будучи социокультурным феноменом, само выступает частью более крупных систем, таких как общественное сознание и духовная культура, опосредует в качестве регулятора большую часть отношений внутри государственно организованного социума.

Итак, свойство системности присуще праву как явлению в целом, так и отдельным его частям. В том числе оно относится к принципам, на основе которых создаются и функционируют те или иные упорядоченные правовые массивы.

Стоит отметить, что несмотря на большое количество работ, использующих системный метод для исследования принципов уголовного судопроизводства, среди ученых имеет место полемика относительно вопроса: образуют ли данные принципы собственную систему (интегрированы между собой) или являются простым набором, суммой компонентов единой системы уголовно-процессуального права?

Так, И. В. Тыричев отрицал наличие объективных оснований, позволяющих сгруппировать принципы уголовного судопроизводства в единую систему, хотя и не отрицал потенциальную возможность формирования таковой [14, с. 21]. В то же время среди ученых – сторонников системности принципов российского уголовного процесса – отсутствует единство мнений относительно критериев, позволяющих характеризовать имеющуюся совокупность принципов как систему.

По мнению Т. Ю. Вилковой, опирающейся на методологическую базу синергетической теории, свойствами исследуемой системы являются ее полнота, непротиворечивость, эмерджентность, способность к самосохранению и организационной целостности [2, с. 14–15, 135].

В исследовании С. С. Безрукова отмечается, что система принципов уголовного процесса должна соответствовать требованиям достаточности, отражения сущностных свойств уголовного правосудия, отсутствия дублирующих и взаимоисключающих положений, защиты интересов всех участников уголовного судопроизводства, государства и общества в целом. Также ученый допускает наличие в исследуемой системе частично противоречащих друг другу предписаний [1, с. 230–231].

Интересный подход к решению вопроса о возможности рассматривать совокупность принципов уголовного процесса в качестве системы предложен в исследовании И. Е. Винницкого. Ученый справедливо обращает внимание на нематериальный характер исследуемого объекта, что затрудняет его характеристику как системы в онтологическом смысле, однако в гносеологическом отношении системный подход открывает большие возможности для установления закономерностей функционирования принципов уголовного процесса и их взаимосвязей [4, с. 35–36].

Соглашаясь с мнением И.Е. Винницкого о важной гносеологической роли системного подхода в исследовании уголовно-процессуальных норм, отметим, что их формальным, внешним отражением выступает действующее уголовно-процессуальное законодательство, которое в совокупности с практикой его применения может выступать объектом постижения социальной онтологии [13].

Формально-юридически система принципов российского уголовного процесса оформлена в главе 2 Уголовно-процессуального закона. Подчеркнем, что данный нормативно-правовой акт носит кодифицированный характер, что по справедливому мнению профессора М.Н. Марченко, подразумевает высокий уровень интегрированности нормативно-правового материала, наличие глубоких внутренних связей и взаимозависимостей [10, с. 48]. Таким образом, совокупность принципов уголовного процесса правомерно рассматривать в качестве системы, как в онтологическом, так и в гносеологическом смысле.

Отметим, что законодательное регулирование системы принципов российского уголовного судопроизводства находится в постоянной динамике. С момента вступления в силу УПК РФ глава 2 была дополнена двумя новыми статьями, содержащими положения о разумном сроке уголовного судопроизводства и о независимости судей. Всего с 2002 г. по 2024 г. было принято 18 федеральных законов, вносивших изменения и дополнения в регламентацию системы принципов уголовного процесса. Активность законодателя в данном направлении служит косвенным признаком несовершенства действующей модели законодательного отражения принципов уголовного процесса. Кроме того, в современной доктрине обосновываются положения о фактическом наличии в уголовно-процессуальном праве нескольких десятков принципов, не получивших в настоящее время формального закрепления в главе 2 УПК РФ, среди которых: беспристрастность суда [15], гласность (открытость) [9], гуманизм [5], диспозитивность [8], процессуальная экономия [12], публичность [11], равенство всех перед законом и судом [7], целесообразность (дискреционность) [3] и др.

Список литературы:

1. *Безруков С.С.* Принципы уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 513 с.
2. *Вилкова Т.Ю.* Система принципов российского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 603 с.
3. *Вилкова Т. Ю., Мазюк Р. В., Хохлаков М.А.* Целесообразность как принцип и как основание для принятия решений в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 200 с.

производстве: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 1. Т. 16.

4. *Винницкий И.Е.* Функции справедливости и законности как принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 188 с.

5. *Головинская И.В.* Принципы уголовного процесса и их нормативное закрепление // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. 2020. № 3 (25).

6. *Давыдов А.А.* Системный подход в социологии: новые направления, теории и методы анализа социальных систем. М. : КомКнига, 2005. 322 с.

7. *Задорожная В.А.* Прогрессивные и регрессивные факторы реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36).

8. *Колесник В.В.* Принципы договорных уголовно-процессуальных производств по разрешению уголовно-правовых споров // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 4 (54). Т. 14.

9. *Курченко В.Н.* Действие принципа гласности и открытости судов в уголовном процессе в отношении несовершеннолетних // Законность. 2024. № 8 (1078).

10. *Марченко М. Н.* О признаках «системы» и системном характере права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 1 (5).

11. *Наметкин Д. В., Федулов А.В.* Принцип публичности (официальности) в современном отечественном уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230).

12. *Поляков М. П., Смолин А.Ю.* Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. 151 с.

13. *Пономарёв А.М.* Социально-юридическая система как объект философского исследования // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2011. № 4.

14. *Тырличев И.В.* Принципы советского уголовного процесса. М., 1983. 80 с.

15. *Уланова Ю.Ю.* Нарушение принципа беспристрастности суда присяжных: российская и конвенционная практика // Российская юстиция. 2021. № 4.

Понятие и значение института приостановления предварительного расследования

Аннотация

Приостановление предварительного расследования является важным институтом уголовно-процессуального права, направленными на обеспечение эффективности следственных действий и защиту прав участников уголовного процесса. Несмотря на существующую достаточно длительную нормативную базу, данные процессы требуют детального анализа с точки зрения понятия и значения данного института. С учетом этого статья исследует теоретические и практические аспекты приостановления предварительного расследования, опираясь на нормативные документы и научные подходы.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное судопроизводство; уголовное дело; следователь; дознаватель; предварительное расследование; производство по уголовным делам; приостановление; сущность и особенности; основания.

На современном этапе развития российского государства назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод. В большинстве случаев реализация данного положения возможна только при установлении в уголовном судопроизводстве лица, совершившего преступление. В настоящее время сотрудники органов предварительного расследования сталкиваются с рядом проблем, вызванных объективными факторами, из-за которых проведение следственных и процессуальных действий становится затруднительным, что препятствует следователям и дознавателям эффективно вести расследование в установленные сроки. На наш взгляд, данные обстоятельства вынуждают их принимать решения о приостановлении предварительного расследования.

Приостановление предварительного расследования является важным уголовно-процессуальным институтом, направленным на обеспечение, в первую очередь, законности деятельности по рас-

следованию преступлений и защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Вместе с тем, согласно статистическим данным и как свидетельствует следственная практика, принятие решений о приостановлении производства предварительного расследования не всегда соответствуют целям и задачам исследуемого института. В настоящее время значительное количество преступлений остается нераскрытыми и соответственно удельный вес приостановленных уголовных дел от числа расследованных остается высоким, что актуализирует необходимость проведения исследований в данном направлении. Так, следователями следственных подразделений органов внутренних дел в 2019 г. принято 854 485 решений о приостановлении производства предварительного следствия по основаниям, предусмотренным п.п. 1–3 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), удельный вес приостановленных уголовных дел от числа расследованных составил 73,6 %; в 2020 г. – 915 645 (75,6 %), в 2021 г. – 864 727 (74,5 %), в 2022 г. – 814 673 (73,8 %), в 2023 г. – 830 400 (75,5 %) и в 2024 г. – 845 006 (77,9 %). При этом следует отметить, что в ряде регионов удельный вес приостановленных от числа расследованных составляет свыше 87 %. Приведенные цифры наглядно свидетельствуют о том, что в большинстве случаев назначение уголовного судопроизводства остается нереализованным, права и законные интересы лиц, участвующих в уголовном процессе, нарушаются, включая предусмотренное ст. 52 Конституции Российской Федерации право на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Принимая во внимание вышеизложенное, нельзя не согласиться с мнением профессора М.С. Строговича, который писал, что «приостановление следствия за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, указывает на существенные дефекты проведенного по делу предварительного следствия; органы следствия и дознания не сумели раскрыть преступление» [1, с. 145].

Согласно положениям ст. 208 УПК РФ предварительное следствие приостанавливается при наличии одного из следующих оснований, заключающихся в том, что:

«1) лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено;

2) подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам;

3) место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует;

3.1) призыв подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также прохождение ими военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время;

4) временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях»¹.

Следует отметить, что УПК РФ не закрепляет определения приостановления предварительного расследования. Однако, согласно вышеуказанной норме уголовно-процессуального законодательства, приостановление предварительного расследования представляет собой временную меру, применяемую в случаях невозможности продолжения производства по уголовному делу по объективным причинам. При этом, следует учитывать, что исследуемый институт не прекращает производство по делу, а лишь временно приостанавливает его до устранения возникших препятствий.

В рамках анализа понятия и основополагающих признаков процессуального института, являющегося предметом настоящей публикации, констатируется факт незавершенности дискуссии относительно его дефиниции. Многие исследователи акцентируют внимание на признаках, по которым данное явление квалифицируется как:

- временная и вынужденная остановка предварительного расследования;
- прекращение производства следственных и процессуальных действий;
- временный перерыв в движении уголовно дела;
- временный перерыв, связанный с объективными обстоятельствами и др.

Следует отметить, что в результате перерыва вместо обычных процессуальных действий активизируются деятельность по проведению оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Так, научное сообщество рассматривает приостановление производства предварительного расследования как:

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

1. *Прекращение уголовно-процессуальных отношений.* Согласно точке зрения некоторых исследователей, приостановление предварительного расследования равносильно полному прекращению уголовно-процессуальных отношений, что выражается в том, что никакие следственные и процессуальные действия больше не могут быть осуществлены. К примеру, нельзя не согласиться с мнением профессора С.Б. Россинского, который справедливо отмечает, что приостановка производства по делу несомненно является перерывом не только в следственных и процессуальных действиях и решениях, но и, что важно, во всех досудебных уголовно-процессуальных отношениях [2, с. 370, 372; 3, с. 119, 120].

2. *Временный, вынужденный перерыв в ходе расследования.* По мнению Д.В. Павлова и С.В. Яшина, под приостановлением предварительного расследования следует понимать: «предусмотренный уголовно-процессуальным законом временный перерыв в расследовании обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в течение которого следователь (дознатель) принимает меры к устранению обстоятельств, вызвавших приостановление в расследовании уголовного дела, производит непроцессуальные действия, направленные на сбор информации, необходимой для своевременного возобновления производства по делу» [4, с. 86].

3. *Минимизация уголовно-процессуальных отношений.* В своих исследованиях И.М. Кунов, считает, что, хотя приостановление ограничивает проведение следственных действий, оно не приводит к полному прекращению всех процессуальных отношений [5, с. 24].

4. *Запрет на любые процессуальные действия.* Профессор Л.В. Головки, опираясь на положения ст. 209 УПК РФ, акцентирует внимание на критической важности введения полного моратория на любые следственные и процессуальные действия и решения с момента приостановления дела и до его возобновления [6, с. 383, 387].

5. *Приостановление процессуальных сроков.* Приостановление производства по уголовному делу также влияет на течение процессуальных сроков, считает профессор А.В. Гриненко. Однако последний не уточняет, распространяется ли это ограничение на все процессуальные сроки, в том числе связанные с реализацией мер процессуального принуждения, или только на некоторые из них [7, с. 213].

На наш взгляд, приостановление предварительного расследования – это процессуальная пауза (перерыв), во время которой следователь или дознаватель не осуществляют производство следственных и процессуальных действий. Вместе с тем, уполномоченные лица органов предварительного расследования продолжают осуществлять служебные обязанности, которые связаны с непосред-

ственным расследованием уголовного дела. Следует отметить, что в данном направлении устраняются причины, которые собственно и повлекли приостановление. Как показывает практика, деятельность уполномоченных лиц органов предварительного расследования носит не только процессуальный характер, так как она тесно связана с взаимодействием с иными подразделениями, такими как: органами дознания, посредством использования возможностей оперативно-розыскной деятельности, действий административного и организационного характера.

Вместе с тем, ошибочно полагать, что вся процессуальная деятельность по приостановленному уголовному делу полностью останавливается, поскольку все действия следователя, дознавателя с момента принятия соответствующего решения направлены на принятие решения о возобновлении предварительного следствия и дознания и принятия законного и обоснованного по нему окончательного решения.

В свете вышеизложенного, представляется целесообразным поддержать позицию А. С. Шагиняна, который в своих научных трудах отмечал возможность осуществления процессуальных действий в рамках приостановленного предварительного расследования, но исключительно в целях устранения обстоятельств, послуживших основанием для принятия соответствующего решения [8, с. 260].

К тому же п. 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ прямо указывает на то, что следователь, дознаватель в случае приостановления производства предварительного следствия должен принимать меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, устанавливать его место нахождения, а если он скрылся, то принимать меры по его розыску.

Таким образом, в заключении проведенного исследования предлагается:

1. В связи с отсутствием в положениях уголовно-процессуального законодательства термина «приостановление предварительного расследования» сформулировать его определение, под которым следует понимать это уголовно-процессуальное решение уполномоченного на то должностного лица органа предварительного расследования, которое оформляется на основании мотивированного и обоснованного решения постановлением о приостановлении предварительного следствия и дознания в связи с наступлением обстоятельств, указанных в ч.1 ст.208 УПК РФ, и заключающееся во временном перерыве в силу отсутствия объективных обстоятельств для производства предварительного расследования по уголовному делу, невозможности определения обстоятельств, которые

необходимо доказать уголовно-процессуальными средствами, либо когда имеется необходимость для производства процессуальных или следственных действий, которые могут быть реализованы без участия стороны защиты, а равно в связи с отменой прокурором или руководителем следственного органа постановления о приостановлении предварительного расследования, или непосредственно в связи с принятием следователем уголовно-процессуального решения о возобновлении предварительного расследования.

2. Предусмотреть в действующем уголовно-процессуальном законодательстве понятие мер, принимаемых следователем по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также по его розыску, определив их характер и сущность.

Список литературы:

1. *Строгович, М.С.* Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 468 с.
2. *Россинский С.Б.* Уголовный процесс : учебник. М. : Эксмо, 2009. 736 с.
3. *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2022. 232 с.
4. *Павлов Д. В., Яшин С.В.* Приостановление и возобновление предварительного следствия в российском уголовном процессе // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 12.
5. *Кунов И.М.* Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению законности приостановления уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 194 с.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.
7. *Гриненко А.В.* Уголовный процесс : учебник и практикум для вузов. 8-е изд. перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. 334 с.
8. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. А. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и др. Ростов-на-Дону : Феникс, 2015. – 445 с.

Юрий Владимирович Синютин,
старший научный сотрудник
отдела обучения и выставочной деятельности
учебно-методического центра
ФКУ НПО «СТиС» МВД России
E-mail: sinytin74@yandex.ru
Алина Алексеевна Яковенко,
научный сотрудник
учебно-методического центра
ФКУ НПО «СТиС» МВД России
E-mail: aocheredko2@mvd.ru

О перспективах использования технологии виртуальной реальности при подготовке сотрудников органов внутренних дел по специализации «Криминалистика» в образовательных организациях МВД России

Аннотация

Статья посвящена исследованию возможностей использования технологий виртуальной реальности (далее – VR) в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации по специализации «Криминалистика».

Анализируются современные методы подготовки сотрудников правоохранительных органов с использованием иммерсивных технологий, что создает основу для дальнейших научных изысканий в данной области. Приводятся примеры тренажеров и полигонов виртуального ситуационного моделирования и обучения по рассматриваемому направлению.

Ключевые слова и словосочетания: *криминалистика; VR-технологии; виртуальная реальность; иммерсионная среда.*

На современном этапе подготовка специалистов для правоохранительных органов в высших учебных заведениях МВД России основывается не только на проверенных временем методах обучения, направленных на формирование ключевых профессиональных компетенций, но и на активно внедряемых в учебно-воспитатель-

ный процесс иммерсионных¹ технологиях, в том числе виртуальной реальности. Использование VR-технологий позволяет развивать у обучающихся необходимые навыки в условиях, приближенных к реальным, а также дает возможность имитировать широкий спектр профессиональных ситуаций.

Под виртуальной реальностью понимается комплекс технологических возможностей создания имитированных миров, в которых пользователь может действовать сообразно структуре последних [1].

Симулированная реальность обеспечивает полное погружение в компьютерную среду, окружающую пользователя и реагирующую на его действия естественным образом, предоставляет возможность имитировать широкий спектр профессиональных ситуаций, тем самым способствуя повышению качества подготовки специалистов. К отличительным особенностям VR-технологии можно отнести высокую наглядность, поскольку она позволяет воспроизводить фотореалистичную графику, возникновение у слушателя ощущения присутствия за счет того, что он видит информацию «от первого лица», а также интерактивность обусловленную возможностью взаимодействия пользователя с окружающими виртуальными предметами.

Все это способствует более глубокому и всестороннему восприятию учебного материала.

Как правило, тренажер виртуальной реальности состоит из следующих основных элементов: VR-шлема, который позволяет частично погрузиться в виртуальный мир, создавая зрительный и акустический эффект присутствия в заданном управляющим устройством (компьютером) пространстве. Управление меню и движениями производится при помощи двух контроллеров для левой и правой руки соответственно, а также собственного положения в пространстве (рис. 1). Вследствие этого создается одновременное воздействие технических средств виртуальной реальности на зрение, вестибулярный аппарат и слух человека [2].

¹ Способ восприятия, создающий эффект погружения в искусственно созданную среду.

Рис. 1. Тренажер виртуальной реальности

Программное обеспечение должно обладать высокой степенью интерактивности и достоверно отображать специфику области или специализации, для которой предназначен тренажер. Основной целью при создании данного вида программ является возможность изучения и закрепления навыков работы с каким-либо оборудованием или процессом. При разработке симулятора создатели приложения прибегают к помощи экспертов в выбранной предметной области, которые проводят консультации для команды разработчиков и обеспечивают достоверность при составлении различных виртуальных ситуаций.

Так, российской компанией «Фундаментальные системы анализа» разработано программное обеспечение, ориентированное на сотрудников правоохранительных органов, Следственного комитета Российской Федерации, МЧС России. Интерактивная тренинговая система позволяет моделировать виртуальные места происшествий и создавать учебные кейсы¹ для отработки ситуационных заданий, дополняя их фото-, видео-, аудиоконтентом. Комплекс наделен инструментами, позволяющими производить обследование помещений с целью обнаружения скрытых предметов, реализовать полноту картины места проведения обыска, а также дополнить модель материалами, относящимися к обучению [3]. Во время виртуального обучения уделяется внимание каждой детали – как и в реальной жизни, одно неловкое движение может уничтожить отпечатки пальцев или другие улики.

В программе заложено два режима работы:

- режим создания моделей виртуальных криминалистических полигонов (рис. 2);

¹ Это техника обучения, использующая описание реальных ситуаций.

– режим обучения – слушатели работают с созданной моделью, в которой необходимо произвести определенный набор действий.

Рис. 2. Режим создания моделей виртуальных криминалистических полигонов

Программа способна провести работу над ошибками и закрепить пройденный материал. Это позволяет практиковать проведение различного рода следственных действий, таких как осмотр места происшествия, следственный осмотр, обыск, выемка.

Технические требования:

- обычный режим (дисплей): процессор с частотой 2 ГГц и выше;
- видеокарта NVIDIA GeForce GT440 (или аналогичной производительности) и выше;
- оперативная память от 4 Гб и выше;
- операционная система Windows 7 или выше.

На базе института государства и права Тюменского государственного университета разработан первый в России VR-полигон «Виртуальное место происшествия» (рис. 3). Цифровая база происшествий уже наполнена несколькими сценариями происходящего [4]. Каждый из них разработан криминалистами на основе реальных кейсов, на котором обучающиеся благодаря VR-технологиям могут не только фиксировать и изымать следы преступлений, но и оценить правильность своих действий, например, при расследовании автомобильной аварии (рис. 4) или ограбления банка.

Рис. 3. VR-полигон «Виртуальное место происшествия»

Рис. 4. Расследование автомобильной аварии при помощи VR-технологий

Тренажер отвечает всем стандартам и требованиям, являясь улучшенной версией учебного полигона для подготовки криминалистов. Его основные функциональные возможности:

- совместим с системами виртуальной реальности при запуске в Desktop режиме с подключением к персональному компьютеру «Pico 4», «Oculus Quest 2», «Oculus Quest 3», «HTC Vive Focus 3»;
- запускается и функционирует на персональном компьютере со следующими характеристиками: процессор – Intel Core i5 Gen 10+; графический процессор – RTX 4050 (6GB) или аналог; оперативная память (ОЗУ) – 16 Гб; операционная система – MS Windows 10+.

Смена поколений цифровых технологий привела к появлению качественно новых разработок в области виртуальной реальности для подготовки экспертов-криминалистов. Приведенные примеры подчеркивают, что VR-технологии способны не просто дополнять

образовательные процессы, но и создавать совершенно новые подходы к обучению. Ряд специалистов и ученых отмечают, что использование на занятиях по специализации «Криминалистика» виртуальных комплексов позволяет значительно повысить качество усвоения слушателями учебного материала, решить задачи развития самостоятельности обучаемых, повысить мотивацию к изучению практико-ориентированного материала [5]. Таким образом, формируется «профессиональный контекст», в котором «динамически моделируется предметное и социальное содержание усваиваемой профессии, тем самым обеспечивается возможность трансформации учебной деятельности обучаемого в будущую профессиональную деятельность специалиста».

Потенциал этой технологии огромен, однако в ближайшие годы она вряд ли заметно повлияет на массовую практику образования. Вместе с тем не стоит забывать, что проводя обучение, всегда есть и будет опасность подготовки не реальных, а «виртуальных специалистов», не способных к профессиональному выполнению задач. Поэтому теоретические, практические и виртуальные формы занятий должны использоваться в комплексе.

Список литературы:

1. *Еськин Д.Л.* Использование технологий виртуальной и дополнительной реальности при обучении сотрудников правоохранительных органов. Мир науки, культуры, образования. 2024.
2. *Кулаевский А. В., Осыкин Д. А., Умрилов Л.А.* Применение VR-технологий в образовательном процессе при изучении дисциплины «Криминалистика» // Наука. Образование. Современность. 2024.
3. Виртуальный осмотр места происшествия и обыск. Компания «Фундаментальные системы анализа». URL:<https://fsa3d.com> (дата обращения: 25.02.2025).
4. В России создали инновационный VR-полигон для криминалистов. URL:<https://applespbevent.ru> (дата обращения: 25.02.2025).
5. *Танаева З.Р.* Интерактивные симуляторы и виртуальные тренажеры в системе электронных средств обучения будущих сотрудников правоохранительных органов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2020. № 1. Т. 20.

Учет неутраченного оружия: «балласт» или «двигатель» криминалистической регистрации?

Аннотация

Как известно, элементы учения о криминалистической регистрации зародились весьма давно, задолго до группирования криминалистических знаний в самостоятельную науку. С тех пор учение постоянно развивается, однако на сегодняшний день есть ряд нерешенных проблем. Одной из них выступает совершенствование криминалистических учетов, в частности баллистического. В статье рассматривается проблема учета не утраченного оружия, производится анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих данный вопрос, приводятся различные точки зрения ученых и обосновывается введение учета не утраченного оружия.

Ключевые слова и словосочетания: *криминалистический учет; регистрация оружия; учет утраченного оружия и неутраченного оружия; учет пуль и гильз.*

«Эффективность раскрытия и расследования преступлений зависит от криминалистически значимой информации, которой обладает следователь или лицо, осуществляющее дознание и розыск» [6, с. 355]. Данный вид информации может существовать в различных формах, одной из которой является криминалистический учет. Развитие баллистических учетов в нашей стране началось примерно в начале XX века с регистрации похищенного оружия. Указывался номер утраченного оружия, его принадлежность и обстоятельства утраты. Со временем учет развивался, внедрялись технологии, так, например, начало двадцать первого века ознаменовалось отечественной разработкой, а затем внедрением автоматизированной баллистической идентификационной системы, но одно оставалось неизменным – учет утраченного оружия.

В 1993 году происходит организация Федерального учета контрольных пуль, гильз утраченного служебного, гражданского оружия с нарезным стволом, боевого ручного стрелкового оружия. Все ручное стрелковое огнестрельное нарезное оружие (гражданское, служебное и боевое) калибра менее 14,5 мм отстреливалось и регистрировалось

в уполномоченных для этого подразделениях, но проверялось по криминалистическим учетам только утраченное. С 1994 года происходит автоматизация ведения Федерального и регионального учета пуль и гильз (ФПГТ-РПГТ), изъятых с мест происшествий, и контрольных пуль и гильз все также утраченного ручного стрелкового огнестрельного оружия. Проанализировав редакции приказа МВД России № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации»¹ от 10 февраля 2006 г., 21 мая 2008 г., 30 декабря 2010 г., 4 мая 2016 г., 28 декабря 2016 г. и 11 сентября 2018 г., можно прийти к выводу о том, что на федеральном уровне вопрос о постановке на криминалистический (ФПГТ-РПГТ) учет не утраченного оружия не вставал. В Постановлении Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»² было закреплено положение, согласно которому учету в органах внутренних дел подлежат оружие и патроны независимо от их вида, типа, модели и т.д. (за исключением имеющих у военизированных организаций). Редакция № 24 от 12 мая 2018 г. была видоизменена – за учет отвечала Федеральная служба национальной гвардии Российской Федерации или ее территориальные органы. Тем не менее, в промежуток времени длиной почти в двадцать лет в системе криминалистической регистрации учитывалось исключительно утраченное оружие, путем помещения в ФПГТ-РПГТ пуль и гильз, полученных ранее при производстве контрольного отстрела этого оружия при постановке его на учет в подразделениях лицензионно-разрешительной работы (далее-ЛРР). Неоднократно в своих трудах вопрос совершенствования баллистических учетов поднимался такими учеными-криминалистами, как В.Ю. Владимиров [2], И.В. Латышов [4], А.И. Хмыз [7], М.В. Николаев [5] и др.

На сегодняшний день криминалистический учет контрольных пуль и гильз, стреляных в ручном стрелковом огнестрельном оружии при постановке на учет в подразделениях ЛРР не предусмотрен, хотя именно им обладает, в том числе, криминогенный контингент. Так, например, это оружие используется в качестве средства совершения преступлений,

¹ Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 10 февраля 2006 № 70. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотренных такими статьями УК РФ, как 258 «Незаконная охота» и 258.1 «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации». Согласно судебной статистике за 2023 год было осуждено 330 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, и 153 по ст. 258.1 УК РФ соответственно¹. В данном случае стоит отметить слова Президента Российской Федерации, Владимира Владимировича Путина, о важности сохранения популяций диких животных, в особенности краснокнижных: «Задача особой важности – сохранение популяций диких животных»². Также стоит напомнить, что 19 сентября 2024 года была утверждена Стратегия сохранения Амурского тигра в Российской Федерации до 2034 года.

Помимо этого, отрицательные аспекты отсутствия рассматриваемого учета подтверждаются и иными проблемами. В одной из своих работ М.В. Афоненков осветил опасность складов длительного хранения государственных военизированных организаций. «Опыт показал, что в случае возникновения массовых беспорядков, переходящих в стадию вооруженного конфликта, именно склады длительного хранения, в первую очередь, становятся источником пополнения для незаконных вооруженных формирований» [1, с. 58]. Тем временем соответствующего учета контрольных пуль, гильз нет. Учитывая современную геополитическую ситуацию, стоит обратить внимание на необходимость отстрела оружия частей и подразделений, убывающих в зону вооруженного конфликта [8, с. 64].

В данном случае ведение учета пуль и гильз не утраченного оружия с использованием цифровых технологий, обеспечивающих создание единой системы для всей нашей страны, послужит одним из средств выполнения задачи особой важности. В своем диссертационном исследовании Кузнецов А.В. отмечал: «коммуникационная составляющая – важнейший элемент, определяющий результативность технико-криминалистического обеспечения с использованием криминалистических пулегильзотек в раскрытии и расследовании преступлений» [3, с. 68]. Данный аспект весьма актуален, учитывая масштабы нашей необъятной Родины, что, в свою очередь, является благоприятной средой для существования проблемы «пропуска цели». Ставить же на учет служебное,

¹ Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 26.02.2025)

² Президент назвал сохранение диких животных задачей особой важности. URL: <https://ria.ru/20211019/zhivotnye-1755230298.html> (дата обращения: 26.20.2025)

гражданское, боевое ручное стрелковое оружие необходимо сразу же с момента его изготовления на заводе. Цифровые же технологии обеспечат обработку массивов «больших данных» идентификационно значимой информации и оцифрованных объектов баллистических учетов, что в свою очередь обеспечит оперативность раскрытия и расследования ряда преступлений.

Список литературы:

1. *Афоненков М.В.* Проблемы криминалистической регистрации боевого ручного стрелкового оружия в государственных военизированных организациях // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3.
2. *Владимиров В. Ю., Гаврилин Ю.В.* Цифровизация криминалистической регистрации. Две стороны медали // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 4 (97).
3. *Кузнецов А.В.* Обоснование рациональных методов и средств формирования, накопления, обмена и проверки информации по пулегильзотекам при раскрытии и расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2008. 185 с.
4. *Латышов И. В., Бачиева А.В.* Особенности информационного обеспечения судебно-баллистических экспертных исследований и проблемы его совершенствования на современном этапе // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 1.
5. *Николаев М. В., Краснов М. В., Хмыз А.И.* Использование при производстве судебно-баллистических экспертиз информационных баз данных по огнестрельному оружию // СНК-2020 : сборник по материалам Юбилейной LXX открытой международной студенческой научной конференции Московского Политеха. М., 2020.
6. *Соколова А.В.* Пути повышения эффективности экспертнокриминалистических коллекций баллистических учетов // Право и управление. 2024. № 12.
7. *Хмыз А.И.* Информационное обеспечение производства судебно-баллистической экспертизы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 2. Т. 20.
8. *Федюкин И.В.* Необходимость регистрации нарезного огнестрельного оружия частей и подразделений, убывающих в зону вооруженного конфликта // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 1 (8).

Динамичность уголовно-процессуальных обращений

Аннотация

В статье рассматривается признак динамичности уголовно-процессуальных обращений (заявлений, жалоб, ходатайств и т. д.) как важного элемента прогресса и развития уголовного судопроизводства. Автор анализирует различные аспекты динамичности: изменение законодательства, цифровая трансформация. Особое внимание уделяется последним изменениям в законодательстве, влияющим на уголовно-процессуальные обращения, а также цифровым технологиям, способствующим ускорению и облегчению взаимодействия невластных участников уголовного судопроизводства с органами предварительного расследования. В рамках исследования представлены примеры законодательства, иллюстрирующие развитие динамичности обращений.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовно-процессуальные обращения; динамичность; цифровая подпись; цифровая платформа; несовершенство законодательства; техническая возможность.*

Один из признаков системности – динамичность, т.е. способность к развитию, прогрессу в зависимости от объективно существующих факторов. В ранее опубликованных тезисах автора настоящей статьи выявлено, что совокупность уголовно-процессуальных обращений по своей сущности подходит под критерии системности [1, с. 225]. Данный признак предполагает способность к развитию в зависимости от различных факторов, в числе которых стоит выделить направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства, в результате которых вносятся изменения и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ). Особо ярко это проявляется на фоне цифровой трансформации уголовного судопроизводства и сопутствующими ей преобразованиями в нормативно-правовой базе. Иными словами, динамичность в рассматриваемом аспекте настоящей статьи – положительная изменчивость с течением времени как всей уголовно-процессуальной деятельности, так и отдельных ее элементов.

Обращаясь к истории возникновения, становления, и законодательного закрепления уголовно-процессуальных обращений можно проследить их положительную динамику развития. К примеру, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. одним из поводов к начатию предварительного следствия являлось обращение частного лица с жалобой, однако в УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг., и в нынешнем УПК РФ жалоба как вид обращения, начинающее уголовное судопроизводство, была заменена на заявление, что вполне логично разграничило два различных по своей узконаправленной сущности вида обращения.

В настоящее время в УПК РФ вносится значительное количество дополнений, направленных на расширение диспозитивных начал при реализации подозреваемым, обвиняемым права на защиту, а потерпевшим и иным участникам права на доступ к правосудию и т. д. К примеру, в 2012 г. ст. 119 УПК РФ была расширена включением в нее лица, имеющего право на подачу ходатайства - представителя администрации организации и иных лиц, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства; в 2013 г. в ст. 226.4 УПК РФ появился новый вид обращения – ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме; Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ расширил права потерпевшего, который получил право по ходатайству получать копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы; в 2024 г. в ч. 1.1. ст. 119 УПК РФ был закреплен новый субъект, имеющий право ходатайствовать о приостановлении производства по уголовному делу, наряду с этим появился и новый вид обращения, ранее не встречавшийся в уголовно-процессуальном законодательстве – ходатайство командования воинской части (учреждения) о приостановлении предварительного следствия.

Схожие новеллы были введены на фоне цифровизации отдельных институтов уголовного процесса. Внедрение новых технологий позволяет значительно расширить способы взаимодействия и общения участников уголовного судопроизводства. В уголовно-процессуальное законодательство было введено ряд норм. Некоторые из них: в 2023 г. ч. 3.1. ст. 222 УПК РФ была дополнена положениями, позволяющие получить копию обвинительного заключения с приложениями, изготовленную в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью по ходатайству обвиняемого, защитника или потерпевшего, однако с небольшой оговоркой – при наличии технической возможности; введение в том же 2023 г. новой статьи – 474.2 УПК РФ, регламентирующей порядок электронного обращения в органы предваритель-

ного расследования, прокуратуру. Подробнее вопрос динамического развития уголовно-процессуальных обращений рассматривался в других публикациях автора настоящей статьи [2, с. 803]. Данные нововведения в настоящее время не имеют характера системности, скорее они вызывают правовую неопределенность для невластных участников уголовного судопроизводства, которые в большинстве своем не обладают юридическими знаниями, не владеют электронными подписями и мало осведомлены о данных новеллах. Шаги государства в данном направлении не соответствуют запросам общества. В результате чего данные изменения требуют тщательного анализа и корректировки для обеспечения правовой определенности и защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Отдельные авторы высказывают перспективность цифрового преобразования уголовно-процессуальной деятельности. О. В. Мичурина заявляет о необходимости создания единой межведомственной информационной платформы электронного уголовного дела [3, с. 189]. В свою очередь добавим, что данная платформа прежде всего должна строиться с фундамента – момента подачи такого вида обращения как заявление о преступлении. Это станет актуальным направлением динамичности обращений, позволит разрешить неопределенность в части коллизии ч. 1 ст. 474.2, регламентирующей запрет подачи заявления о преступлении в электронной форме и приказа МВД России № 736 от 29 августа 2014 г., позволяющего подавать электронное заявление о преступлении посредством официальных сайтов территориальных органов МВД России. Проблема подачи заявления о преступлении через отмеченную «платформу» была проанализирована в других публикациях [4, с. 268].

Еще один аспект динамичности обращений – рассмотрение их посредством искусственного интеллекта. С. В. Зуев отмечает, что в будущем наблюдается возможность использования технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе, что таит в себе угрозу зависимости электронного характера: принятие программных решений, которые могут подменить человека, его внутреннее убеждение [5, с. 102]. В. Ю. Федорович, О. В. Химичева, А. В. Андреев высказываются, что искусственный интеллект при производстве по уголовному делу в виде компьютерной программы можно и должно рассматривать лишь как помощника должностного лица (дознателя, следователя, судьи), принимающего решение по уголовному делу [6, с. 209]. По мнению Б. Я. Гаврилова, «технологии, наделенные искусственным интеллектом, способны повы-

ситель законность и обоснованность принимаемых органами дознания процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела, в части оптимизации и ускорения процесса приема, регистрации и проверки сообщения, заявления о преступлении» [7, с. 21]. Так или иначе, искусственный интеллект не должен принимать решения во вред невластным участникам уголовного судопроизводства, обязан выступать благом, позволяющим помогать и содействовать сторонам уголовного судопроизводства. Иными словами, необоснованно отказывать в принятии обращения по различным формальным причинам. К примеру, сложности построения предложений в тексте обращения, либо же отсутствием грамотности изложения предмета и сути жалобы, ходатайства. При внедрении искусственного интеллекта в сферу уголовного судопроизводства вспоминается старейшая латинская пословица: «*primum non nocere*», в переводе – не навреди. Безусловно, искусственный интеллект способен привнести положительные моменты, и в ближайшее время это произойдет, по крайней мере в силу того, что искусственный интеллект внедряется во многие сферы общественной жизни.

Итак, динамичность уголовно-процессуальных обращений – это объективная действительность, которая под действием различных факторов способна развиваться и прогрессировать, что наблюдается в настоящее время. Динамичность положительно влияет на реализацию прав и законных интересов невластных участников уголовного судопроизводства, расширяя границ и способы общения и взаимодействия с должными лицами органов предварительного расследования. Однако для более полноценного дальнейшего развития законодателю необходимо разрешить проблемы, существующие в настоящее время в практике правоохранительных органов. В этой связи необходимо прислушиваться к мнению ученых и практиков, так как любые изменения должны иметь в своей основе глубокие теоретические исследования и анализ существующей практики для минимизации рисков, негативных последствий и сопутствующих проблем и ошибок. На данный счет верны суждения С.Б. Россинского, заявляющего, что усилия законодателя, ученых, практических работников должны быть направлены не на создание какой-то идеальной уголовно-процессуальной формы, а на ее максимальное соответствие объективным потребностям современного российского общества и правоприменительной практики [8, с. 77]. В данной статье в силу небольшого объема затронута лишь малая часть того массива перспектив и проблем динамичности уголовно-процессуальных обращений. Дальнейшее их освещение планируется в последующих публикациях автора настоящей статьи.

Список литературы:

1. *Сологубов А.Ю.* Тезисно о системе уголовно-процессуальных обращений в органы предварительного расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2025. № 25.
2. *Сологубов А.Ю.* Новеллы уголовно-процессуального закона в области обращений, поданных в форме электронного документа: правовые неопределенности и пути их решения // Санкт-петербургские встречи молодых ученых : сборник по материалам II Всероссийского конгресса. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024.
3. *Мичурина О.В.* Электронный способ оформления процессуальных действий и решений – меняющаяся реальность уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : сборник по материалам международной научно-практической конференции. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024.
4. *Сологубов А.Ю.* Цифровая трансформация института обращений в органы предварительного расследования: проблемы и перспективы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99).
5. *Зуев С.В.* Электронная «зависимость» в уголовном процессе: постановка проблемы // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства) : сборник по материалам V Международной научно-практической конференции. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2024.
6. *Федорович В. Ю., Химичева О. В., Андреев А. В.* Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2.
7. *Гаврилов Б. Я.* К вопросу использования информационных технологий в досудебном уголовном производстве // Высокотехнологичное право: точка бифуркации : сборник по материалам V Международной научно-практической конференции. М. : Московский институт электронной техники, 2024.
8. *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9 (118).

Производство вербальных следственных действий с использованием информационных технологий

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые организационно-тактические особенности производства допроса свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, очной ставки, предъявления для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи. Обосновывается внедрение программ транскрибирования речи для фиксации вербальной доказательственной информации, как перспективное направление развития цифровой трансформации уголовного процесса.

Ключевые слова и словосочетания: *информационные технологии; транскрибация; видеоконференцсвязь; вербальные следственные действия.*

В условиях повсеместной цифровизации общества и государства и активного внедрения новейших достижений научно-технического прогресса возникает необходимость адаптации уголовного судопроизводства к новым реалиям. Векторы развития в правоохранительных органах демонстрируют устойчивую тенденцию к интеграции современных технических решений в уголовный процесс, что обусловлено необходимостью оперативного реагирования на вызовы цифровой эпохи. Для всестороннего и полного исследования цифровой трансформации деятельности правоохранительных органов особое значение приобретает рассмотрение вопросов производства вербальных следственных действий, таких как допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, очная ставка, предъявления для опознания, с использованием некоторых информационных технологий.

Более трех лет прошло с нормативного закрепления в статье 189.1 УПК РФ возможность использования систем видеоконференцсвязи (далее – СВКС) при производстве допроса, очной ставки, опознания. Использование данной технологии существенно расширяет возможности следователя (дознавателя), при этом требует учета специфических тактических особенностей.

Для успешного производства допроса участников уголовного судопроизводства с использованием СВКС на подготовительном этапе следователь (дознатель) должен конкретно сформулировать следственные задачи, так как эффективность допроса напрямую зависит от их конкретизации.

Оценить техническую возможность использования СВКС, удостоверившись, что территориальный орган располагает соответствующим оборудованием и программным обеспечением. Как справедливо отметил Ю. Ю. Ксендзов, «такое ограничение на сегодняшний день представляется обоснованным, пока не выработаны в целом методы работы в подобном формате, а также практика взаимодействия различных подразделений органов предварительного расследования» [2, с. 224]. Организовать взаимодействие между участниками допроса, включая следователя (дознателя), проводящего допрос, следователя (дознателя), находящегося в месте нахождения допрашиваемого, технических специалистов, защитника, переводчика (при необходимости) и др. Важно учитывать временные различия в случае проведения допроса в разных часовых поясах. Определить пространственное размещение участников таким образом, чтобы они находились в поле зрения камер, что минимизирует риски фальсификации и скрытых манипуляций со стороны должностных лиц. В научной литературе предлагается в качестве превентивных мер производить видеозапись помещения из двух точек, чтобы охватить всю площадь помещения, и при этом осуществлять запись экрана компьютера, которая настраивается на самом техническом устройстве [3, с. 101], что, на наш взгляд, является загромождением процесса получения вербальной доказательственной информации.

При допросе и очной ставке посредством СВКС существенно усложняется установление психологического контакта с допрашиваемым [1, с. 203], что снижает возможность анализа его невербальных реакций и оценки достоверности показаний. В связи с этим следователь должен уделять повышенное внимание аудиовизуальному анализу речи, выражения лица и жестов участников.

Предъявление вещественных доказательств и документов, имеющих визуально значимые признаки, представляет собой сложность при дистанционном формате. Проблемы, возникающие при этом, включают недостаточное качество видеосигнала, затрудняющее четкое восприятие объекта; риск искажения деталей предмета, что может привести к неверному пониманию его

особенностей; вероятность получения недостоверных показаний из-за ошибочного восприятия продемонстрированного доказательства. В связи с этим полагаем в большинстве случаев использование СВКС для демонстрации материальных доказательств нецелесообразно, если точность восприятия визуальных особенностей объекта критически важна.

Дистанционный формат предъявления для опознания имеет возможные трудности тактико-технического характера:

- ограниченность обзора – камера может не передавать всей полноты деталей внешности;
- риск технических сбоев – снижение качества изображения может повлиять на точность восприятия;
- психологический фактор – опознающий может испытывать неуверенность, так как дистанционное взаимодействие отличается от реального контакта.

В ходе анкетирования следователей и дознавателей более 80% респондентов приступают к составлению протокола с начала допроса участников уголовного судопроизводства, после чего переходят к фиксации показаний, что снижает возможность контролировать его ход и анализировать поведение допрашиваемого лица. Использование технологий автоматического распознавания речи и преобразования в текст (транскрибации) позволяют следователю (дознавателю) сосредоточиться на производстве следственного действия, своевременно отслеживать невербальные сигналы, адаптировать тактические приемы и т. д. Однако автоматическая транскрибация не исключает необходимости редактирования протокола следователем (дознавателем), которые должны критически оценивать содержание показаний, уточнять детали посредством постановки вопросов, а также устранять возможные программные неточности преобразования слов и предложений [4, с. 70].

В связи с этим использование технологий транскрибации речи при производстве вербальных следственных действий является одним из наиболее перспективных направлений использования результатов научно-технического прогресса для повышения эффективности деятельности органов предварительного расследования. Следует подчеркнуть, что внедрение современных информационных технологий в уголовно-процессуальную деятельность открывает новые возможности, но вместе с тем всегда подразумевает адаптацию к новым вызовам и возможным рискам

Список литературы:

1. *Бондаренко Ю. А., Балугина Т. С.* Эффективность тактических приемов эмоционального воздействия и установления психологического контакта при допросе с использованием систем видео-конференц-связи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8.
2. *Ксендзов Ю. Ю.* Тактические особенности проведения допроса посредством видео-конференц-связи // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3 (219).
3. *Плахота К. С.* Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1.
4. *Сотников К. И.* О возможностях внедрения транскрибации в практику допроса на стадии предварительного расследования преступлений // Юридические исследования. 2023. № 11.

К вопросу о причинах злоупотребления правом на заявление отводов в уголовном судопроизводстве и способах решения данной проблемы

Аннотация

В статье рассматривается проблема злоупотребления правом на заявление отвода участниками уголовного судопроизводства. Автором выдвигается причина злоупотребления данным правом, а также на основе анализа зарубежного опыта преодоления данной правовой проблемы предложены пути ее решения в российском законодательстве.

Ключевые слова и словосочетания: *отвод; институт отвода; злоупотребление правом; порядок разрешения отвода.*

Право на заявление отводов является важным инструментом обеспечения справедливости и объективности в уголовном судопроизводстве. Оно позволяет участникам процесса исключить из производства по уголовному делу лиц, чья беспристрастность вызывает обоснованные сомнения, тем самым способствуя соблюдению принципов законности и защиты прав личности. Однако анализ судебной практики показывает, что нередко случаи недобросовестной реализации лицами субъективных прав, в том числе и на заявление отводов другим участникам уголовного судопроизводства. При этом данная проблема характерна как для стадии предварительного расследования, так и имеются яркие примеры на различных судебных стадиях уголовного судопроизводства. Установление причин и способов злоупотребления данным правом, по нашему мнению, является основой для выдвижения научно-обоснованных предложений о модернизации уголовно-процессуального законодательства в целях соблюдения не только прав участников уголовного судопроизводства, но и, в частности, принципа разумности сроков уголовного судопроизводства.

В науке уголовного процесса вопросу злоупотребления правом посвящен ряд диссертационных исследований, монографий, а также немалое количество научных статей. Однако, несмотря на то что данный вопрос затрагивался многими авторами, консолидирован-

ной позиции в отношении понятия «злоупотребление правом» так и не сформировалось.

Так, в диссертационном исследовании, посвященном злоупотреблению субъективными правами участниками уголовного процесса в ходе предварительного расследования, Д.А. Доника отмечает, что злоупотребление правом является особой формой неправомерного и/или недобросовестного поведения как властных, так и невластных участников уголовно-процессуальных правоотношений, при котором осуществление субъективного права причиняет необоснованный вред или создает условия для причинения такого вреда правам других лиц, организаций или иных субъектов права, а также противоречит общим принципам и назначению уголовного судопроизводства при наличии возможности правомерного осуществления этого права [1, с. 11]. О.И. Даровских в свою очередь понимает под злоупотреблением правом в уголовном судопроизводстве поведение участника уголовно-процессуального правоотношения, обладающего процессуальными правами (полномочиями), осуществляемое в процессе правомерной реализации этих прав, но в противоречии с их смыслом и назначением, причиняющее, либо способное причинить вред другим участникам процесса, обществу, государству либо влекущее за собой иные негативные последствия. При этом автор отмечает, что злоупотребление правом представляет собой самостоятельную правовую категорию, не являясь ни правомерным поведением, ни правонарушением [2, с. 8]. А.Е. Наумов, изучая теоретико-правовой аспект злоупотребления правом, приходит к несколько иному выводу. Согласно его позиции, злоупотреблением правом является акт правомерного человеческого поведения, состоящий в реализации норм объективного права в противоречии с их назначением и в целях удовлетворения личных интересов субъектов права, в результате чего причиняется вред другим лицам, обществу или государству [3, с. 8].

Несмотря на наличие схожих элементов в понятиях, приведенных авторами, в них имеются и некоторые различия. Чтобы прийти к пониманию сущности злоупотребления правом, считаем необходимым обратиться к общей теории права, поскольку без уяснения общеправовых категорий невозможно понимание отдельных правовых явлений. Злоупотребление правом является формально правомерной деятельностью, поскольку участники судопроизводства действуют в рамках определенных материальных правил. Однако сущность данной деятельности неправомерна ввиду того, что цели лица, злоупотребляющего правом, не совпадают с представлениями законодателя, о том, что право выступает в качестве способа достижения блага [4, с. 8–11].

Отсюда, по нашему мнению, и происходит первопричина злоупотребления правом – неверное толкование субъектом правоотношений блага, для достижения которого законодатель предусматривает определенные нормы. Поэтому объективное право, как мы считаем, имеет своей целью не только определение способов достижения блага, но и юридическую защиту участников правоотношений от злоупотребления правом. Юридическая защита прав одних лиц возможна путем установления пределов реализации субъективных прав других, поэтому установление границ, в рамках которых субъект может реализовывать право на заявление отводов, считаем вполне обоснованным. Анализ норм, регламентирующих основания и порядок отвода участников в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), показывает, что есть положения, которые служат достижению этой цели. Так, в гл. 9 УПК РФ предусмотрены определенные ограничения на заявление отводов в суде. Например, согласно ст. 64 УПК РФ отвод судье можно заявить только до начала судебного следствия. Однако, наряду с этой нормой, в данной статье предусмотрена и возможность преодоления установленного ограничения, что фактически его нивелирует. Ч. 3 ст. 62 УПК РФ также является законодательной попыткой недопущения необоснованного заявления отвода. Согласно данной норме, в случае отказа в удовлетворении заявления об отводе подача повторного заявления об отводе тем же лицом и по тем же основаниям не допускается [5]. Думается, что эффективность указанной нормы существенно возросла при закреплении хотя бы общего перечня обстоятельств, свидетельствующих о заинтересованности того или иного субъекта. Таким образом в действующем УПК РФ не предусмотрены какие-либо эффективные законодательные запреты и требования, направленные на недопущение злоупотребления правом на заявление отводов участниками уголовного судопроизводства.

Обращаясь к правоприменительной практике, считаем необходимым рассмотреть обзор судебной практики по отводам за 2018 год. Судьи указывают, что злоупотребление правом на заявление отвода действительно существует и действенных путей решения данной проблемы нет. При этом судьи поддерживают мнение, что в уголовном судопроизводстве необходимо внедрить практику привлечения к ответственности за злоупотребление правом, по аналогии, например, с арбитражным судопроизводством [6]. Заметим, что судебная практика в арбитражном процессе сложилась таким образом, что лицам, которые злоупотребляют правом на заявление отвода применяются положения ч. 5 ст. 119 АПК РФ, соглас-

но которой на лицо налагается штраф за проявленное неуважение к суду. Так, Арбитражный суд Московского округа наложил штраф на истца за неуважение к суду, обосновывая принятое решение тем, что «Проявление субъективного недоверия к суду, необоснованное обвинение в отсутствие беспристрастности свидетельствует о том, что такие действия являются сознательными и направлены на подрыв авторитета правосудия и умаление особой роли судебной власти в обществе» [7].

Отсутствие аналогичной нормы в УПК РФ не позволяет правоприменителю воздействовать на участника, который злоупотребляет субъективным правом, однако мы считаем, что в случае введения указанной нормы необходимо выработать критерии, которые помогут разграничивать правонарушение от правомерного активного осуществления субъективных прав участником уголовно-процессуальных правоотношений, что, по нашему мнению, затруднительно. По нашему мнению, наиболее эффективным способом противодействия злоупотреблению правом является не столько возможность ограничения прав субъекта, сколько детальная проработка отдельных процедур, которая не позволяла бы участникам уголовного судопроизводства недобросовестно реализовывать субъективные права.

В целях поиска решений данной проблемы считаем необходимым обратиться к зарубежному законодательству, где меры по противодействию злоупотреблению правом на заявление отвода реализованы в специальных процедурах. Так, например, в УПК ФРГ предусмотрена возможность проведения неотложных процессуальных действий до момента принятия решения по заявленному отводу. Согласно ч. 2 ст. 29 УПК ФРГ «Если судье заявляется отвод во время судебного разбирательства и для решения об отводе потребовалось бы отложение судебного разбирательства, судебное разбирательство может продолжаться, пока не станет возможным принять решение об отводе, не затягивая судебное разбирательство». При этом, если судья будет отстранен в результате принятия решения по заявленному отводу, «часть судебного заседания, состоявшаяся до подачи заявления об отводе, должна быть проведена повторно» [8, с. 69–70].

Процедура отвода во Франции фактически представляет собой самостоятельное производство с состязательной формой, разрешаемое вне производства по уголовному делу. Субъектом, принимающим решение по заявленному отводу, выступает третья сторона, а именно – председатель соответствующего суда. Компетентный на разрешение отвода субъект выносит решение в течение одного

месяца с момента подачи заявления в секретариат, при этом заслушав замечания судьи, которому был заявлен отвод. Для принятия решения «Первый председатель получает дополнительные состязательные бумаги от заявителя, если таковые имеются, и от судьи, которому заявлен отвод», после чего он заслушивает мнение государственного прокурора и выносит решение по заявлению. Кроме того, при заявлении отвода лицо предупреждается о наложении на него судебного штрафа в размере от 75 до 750 евро в случае отказа в удовлетворении данного ходатайства [9].

Таким образом, порядок разрешения отвода вне судебного разбирательства по уголовному делу, по нашему мнению, сводит к минимуму возможность злоупотребления правом, поскольку судья, который рассматривает уголовное дело, фактически не участвует в разрешении отвода во время осуществления им своих полномочий в рамках уголовного дела. Затягивание процесса невозможно еще и в силу того, что уголовно-процессуальный закон, например, Франции запрещает обжалование итогового решения по заявленному отводу.

На основании изложенного приходим к выводу, что основополагающей причиной злоупотребления правом на заявление отводов в уголовном судопроизводстве является неверное толкование субъектом правоотношений блага, для достижения которого законодатель предусматривает определенные нормы. Поскольку сущность злоупотребления правом неправомерна ввиду того, что цели лица, злоупотребляющего правом, не совпадают с представлениями законодателя, о том, что право выступает в качестве способа достижения блага, перед законодателем стоит задача противодействия недобросовестному осуществлению субъективных прав участниками уголовного процесса. Действующие нормы УПК РФ не позволяют урегулировать данное правовое явление, ввиду чего, по нашему мнению, наиболее эффективным способом предотвращения злоупотребления правом заявлять отвод в российском уголовном процессе будет являться использование зарубежного опыта в части дополнительной регламентации порядка разрешения отвода, а также вынесение за рамки уголовного дела процедуры по его разрешению. Оценка обстоятельств, свидетельствующих о заинтересованности субъекта уголовно-процессуальных правоотношений вне судебного заседания или вне рамок уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве, делает невозможным достижение целей злоупотребления правом – затягивания сроков уголовного судопроизводства. Считаем необходимым предусмотреть упрощенную процедуру отвода в случаях, когда отстраняемое лицо согласно

с доводами лица, заявившего отвод. В данном случае принятие решения по заявленному отводу должно приниматься незамедлительно в целях недопущения последующего признания проведенных следственных и судебных действий незаконными.

Список литературы:

1. *Доника Д.А.* Злоупотребление субъективным правом участниками уголовного процесса в ходе предварительного расследования и уголовно-процессуальные средства его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 27 с.
2. *Даровских О.И.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 25 с.
3. *Наумов А.Е.* Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
4. *Чеговадзе Л.А.* Злоупотребление правом как форма гражданского правонарушения // Гражданское право. 2013. № 2.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 03.03.2025).
6. Обзор практики рассмотрения федеральными судьями заявленных отводов и самоотводов при рассмотрении судебных дел за 2018 год // Совет судей Волгоградской области. URL: <https://vgg.ssrf.ru/dokumenty/obzory/33391> (дата обращения: 03.03.2025).
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 июня 2019 г. № Ф05-8992/2019 по делу N А40-209822/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/cEo8GinyUSrT/> (дата обращения: 03.03.2025).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии / перевод с нем. и предисл. Б. А. Филимонова. М. : Манускрипт, 1994. 203 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 411 с.

Уроки арбитражного судопроизводства в цифровизации уголовного процесса

Аннотация

Автором продолжается рассмотрение вопросов о необходимости внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность, опираясь при этом на опыт электронного судопроизводства в арбитражном процессе. Делается вывод о том, что в условиях цифровизации первостепенным так или иначе остается задача по соблюдению прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовный процесс; арбитражный процесс; электронное судопроизводство; цифровизация; цифровая платформа; электронный документ; транспарентность.*

Технологии – неотъемлемый атрибут прогресса, сопровождающий человечество с древнейших времен: от примитивных орудий первобытной эпохи до сверхсовременных разработок нашего времени, и отражающий непрерывное стремление к развитию. Действительно, развитие разного рода технологий, например, военных, медицинских, промышленных, цифровых и ряда других играет ключевую роль в ускорении роста популяции людей, обеспечении их безопасности, соблюдении прав личности и т. д. В связи с чем данные технологии становятся жизненно необходимыми, а от некоторых технологий сегодня практически невозможно отказаться.

Указанное нашло свое отражение и в вопросах изменения характера правоотношений за счет использования цифровых технологий, результатом чего стало формирование Т.Э. Мехдиевым концепции «правопорядок цифрового пространства» [6], включающий в себя следующую классификацию правоотношений:

– правоотношения, в которых цифровые технологии являются вспомогательным инструментом. Например, участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи (ст.ст. 241.1 УПК РФ, 153.1 АПК РФ) и т.д.;

– правоотношения, где цифровые технологии поначалу являлись вспомогательным компонентом, однако в силу активной цифровизации общественных отношений стали важнейшим элементом существования таких правоотношений. К примеру, использование в арбитражном процессе онлайн-сервиса «Мой арбитр», позволяющий подавать иски в арбитражные суды Российской Федерации в электронном виде, дистанционно знакомиться с материалами дел, календарем судебных заседаний и т. д. Безусловно, арбитражное производство способно реализовываться и без использования цифровых технологий, однако на данный момент полный и даже частичный отказ от них способен привести лишь к регрессу правоотношений в данной сфере;

– правоотношения, которые в принципе не способны существовать без использования цифровых технологий.

Рассмотрев указанную классификацию правоотношений, выделяемую Т. Э. Мехдиевым, автор настоящей статьи приходит к следующему выводу. Если правоотношения, представленные в третьем пункте, на сегодняшний день так и не нашли своего отражения ни в одном из существующих судопроизводств нашей страны, то реализация первых двух наблюдается достаточно отчетливо.

Тем не менее, анализируя изменения уголовно-процессуального и арбитражного законодательства относительно внедрения в деятельность своих участников электронно-цифровых технологий, можно заметить, что арбитражное производство характеризуется высоким уровнем высокотехнологичности по сравнению с уголовно-процессуальным.

Действительно, в данном вопросе следует учитывать, что арбитражный процесс благодаря специфике рассматриваемых споров, связанных с экономической и предпринимательской деятельностью, требует от государства создания таких условий, которые будут характеризоваться скоростью, прозрачностью и эффективностью деятельности его участников, а также минимизацией формальных процедур для более быстрого и удобного рассмотрения дел. Указанное, по мнению автора настоящей публикации, является первопричиной в процессе адаптирования данного судопроизводства под успешное интегрирование с ним цифровых технологий.

Наряду с этим уголовный процесс «будучи особой сферой, в которой решаются человеческие судьбы» [7, с. 296], не спешит активно внедрять цифровые технологии в деятельность своих участников. От части следует признать верным указанную медлительность в реализации данного вопроса в связи с необходимостью обеспечения высокой степени защиты прав личности, конфиден-

циальности сведений, содержащихся в уголовном деле, сложности уголовно-процессуальных норм и наличие повышенных рисков, связанных с возможными ошибками, приводящим к серьезным последствиям, например, необоснованное задержание, возбуждение уголовного дела и т. д.

Как следствие, следует констатировать, что опыт российского арбитражного судопроизводства в части использования цифровых технологий не может быть напрямую «скопирован» в российский уголовный процесс, требующий соблюдения более строгой процессуальной формы, наличия повышенных гарантий защиты прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в него и др.

Однако определенная часть высокотехнологичных новаций арбитражного судопроизводства способна качественно интегрироваться в российский уголовный процесс, решив ряд его актуальных проблем:

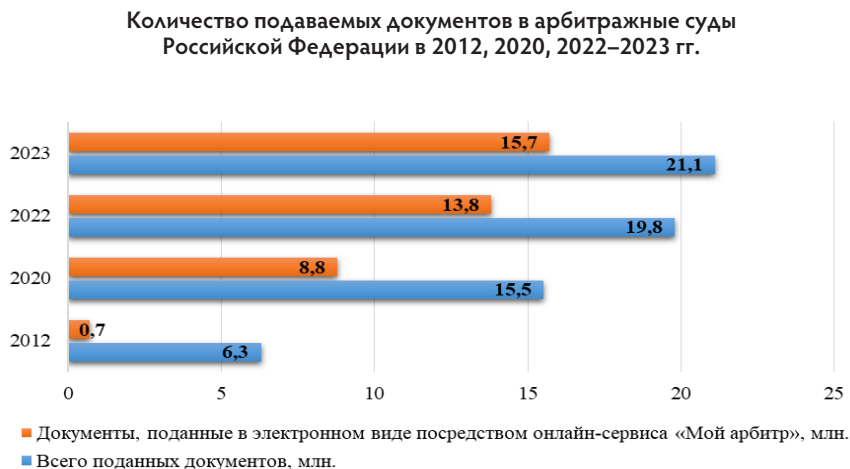
1. *Проблема производства по уголовным делам в бумажном формате.* Очевидно, что бумажный документооборот требует значительных ресурсов как временных, так и финансовых на подготовку и печать процессуальных документов, хранение уголовных дел, их транспортировку, непосредственное ознакомление с ними и т. д., что сегодня при существовании такой альтернативы как электронное уголовное дело и использование других электронно-цифровых технологий выглядит достаточно архаичным¹. В связи с чем П. П. Ищенко полагает, что вместо изготовления большого количества «печатной продукции» дешевле приобрести электронные книжки, загрузить в них все необходимые документы и вручать обвиняемым для ознакомления [4, с. 70].

Арбитражное судопроизводство в части данного вопроса движется вперед куда быстрее уголовного, предусматривая, что согласно ст. 125 АПК РФ исковое заявление подается в арбитражный суд не только на бумажном носителе, но и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Благодаря этому сегодня наблюдается тенденция к уменьшению объема бумажных носи-

¹ Например, объем одного уголовного дела, предварительное следствие по которому проводилось в Волгоградской области в 2016 г. по признакам преступления, предусмотренных ч. 2 ст. 210 и ч. 4, 5 ст. 228.1 УК РФ, составил около тысячи томов. К ответственности удалось привлечь восьмерых преступников и одного пособника – на каждого пришлось по 123 тома доказательной базы. Если принять во внимание вес одной бумажной страницы – примерно пять граммов, то совокупный вес всех томов по данному уголовному делу, составит более тонны. И таких примеров множество, что, безусловно, требует оптимизации. URL: <https://vv-34.ru/samoe-bolshoe-ugolovnoe-%20delo-vesit-tonnu.html> (дата обращения: 23.02.2025).

телей в судебном делопроизводстве и к преобладанию в нем электронных форм (767 тыс. в 2012 г. и 15,7 млн. в 2023 г.) (диаграмма 1). В специальном разделе «Электронный страж» онлайн-сервиса «Мой арбитр» формируется, так скажем электронное арбитражное дело, позволяющее контролировать по нему движение документооборота и осуществлять электронное судопроизводство.

Диаграмма 1

2. *Низкий уровень транспарентности деятельности властных субъектов уголовного процесса.* Цифровизация уголовного процесса, в частности, внедрение электронного производства по уголовному делу позволит его участникам, включая подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, защитника и т. д., удаленно контролировать ход и результаты расследования преступления посредством получения доступа к материалам электронного уголовного дела, что в перспективе обеспечит более высокую степень информированности и осведомленности сторон, усилит доверие общества к органам предварительного расследования, прокуратуры и суду, а также в целом улучшит, по мнению автора статьи, качество производства по уголовному делу.

В сравнении с российским уголовным судопроизводством, арбитражный процесс обеспечивает своих участников высоким уровнем информированности о движении дела и «инструментарием для взаимодействия неограниченного круга лиц с судебной системой». Воз-

возможность онлайн-ознакомления со значительной частью информации о рассматриваемых делах имеется у любого пользователя информационной системы «Картотека арбитражных дел» [3, с. 188].

При этом указанное выше сегодня реализуется в уголовном процессе Республики Казахстан через функционал Единого реестра досудебных расследований «Публичный сектор», а также в системе правосудия Великобритании, где запущена онлайн-служба Track My Crime, позволяющая потерпевшим отслеживать ход расследования, обмениваться сообщениями со следователем с целью получения актуальной информации о производстве по уголовному делу¹.

Следует отметить, что цифровизация как арбитражного, так и уголовного судопроизводства, а также других сфер деятельности, безусловно, сопряжена с рисками кибератак и рядом других негативных факторов с информацией, содержащейся в электронном деле, будь то уголовном или арбитражном.

В связи с этим следует согласиться с О. А. Адамовичем с тем, что перед переходом на электронное производство по уголовному делу важно решить вопрос защиты информации, содержащейся в электронном уголовном деле, от поражения вредоносными программами, несанкционированного доступа третьих лиц и хакерских атак [1, с. 9].

Действительно, сегодня сложно представить себе цифровую систему, которая была бы максимально защищена от несанкционированных (противоправных) действий третьих лиц. Так, осенью 2024 г. на достаточно продолжительный период времени хакеры «вывели из строя» множество ресурсов Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие», представляющих собой цифровую судебную систему². Однако таких масштабных хакерских или «спам» атак, да и в принципе каких-либо резонансных случаев с нарушением информационной безопасности онлайн-сервиса «Мой арбитр» в арбитражном судопроизводстве на сегодняшний день не зарегистрировано.

Очевидно, что в случае появления в уголовном процессе похожего онлайн-сервиса, направленного на осуществление электронного производства по уголовному делу, вопросы кибербезопасности должны являться первостепенными и постоянно находиться под контролем

¹ Online tracking service launched for victims of crime. URL: <https://www.gov.uk/government/news/online-tracking-service-launched-for-victims-of-crime> (дата обращения: 27.02.2025).

² Хакеры серьезно поломали российские суды. Не работают сайты ГАС «Правосудие» и ин-тернет-телефония на базе древнего сервиса Microsoft Lync // URL: https://gov.snews.ru/news/top/2024-10-09_hakery_serezno_polomali (дата обращения: 28.02.2025).

как непосредственных участников уголовного процесса, так и представителей службы информационной безопасности того или иного ведомства, имеющего доступ к электронному уголовному делу.

Кроме этого, актуальной проблемой цифровизации уголовного судопроизводства является обеспечение его участников равным доступом в части использования цифровых технологий, что в определенной степени наблюдается и в арбитражном судопроизводстве. К этой проблеме некоторые авторы также относят и ограниченную доступность электронного судопроизводства в регионах с недостаточно развитой инфраструктурой, где отсутствует стабильная и быстрая интернет-связь, не позволяющая полноценно работать с электронными документами и сервисами [5, с. 77–78].

Представляется, что развитие инфраструктуры 5G, государственная программа «Устранение цифрового неравенства 2.0», национальный проект «Цифровая экономика» и другие аналогичные проекты в ближайшем будущем смогут обеспечить все регионы, а также население нашей страны современными технологиями, что, несомненно, положительно отразится на самих участниках уголовного, арбитражного и иных судопроизводств.

Возвращаясь к разработанной Т.Э. Мехдиевым классификации правоотношений согласно концепции «правопорядок цифрового пространства», следует отметить, что отчасти она применима как к уголовному, так и арбитражному судопроизводству. Действительно, сегодня достаточно отчетливо наблюдается, как цифровые технологии постепенно внедряются в представленные выше виды судопроизводств, где они сначала представляли из себя только вспомогательный инструмент, не несущий какой-либо конкуренции традиционным способам предоставления, получения, изучения и т. д. информации, а затем стали важнейшим элементом существования таких правоотношений (использование онлайн-сервиса «Мой арбитр» и др.).

Что касается третьего пункта правоотношений, не способных существовать без использования цифровых технологий, представляется, что сегодня и в ближайшем будущем он не применим ни к одному из существующих видов судопроизводств нашей страны, поскольку, как отмечает, профессор А.В. Победкин интернет, цифровые платформы и другие современные технологии в ходе процессуальных действий далеко не всегда являются помощниками, «как и никакой виртуальный храм не заменит настоящего» [7, с. 305].

Тем не менее цифровизация уголовного, арбитражного и других судопроизводств – это продиктованная современными условиями необходимость. Инструмент на пути повышения законности

и эффективности судопроизводства. В связи с чем следует предположить, что изменения и дополнения уголовно-процессуального, арбитражного и иного российского законодательства, вызванные цифровизацией общественных отношений, продолжатся, но с учетом поиска баланса между инновациями и соблюдением прав и законных интересов человека.

Вместе с этим опыт арбитражного судопроизводства, где электронные сервисы и цифровые технологии уже доказали свою эффективность, служит важным ориентиром на пути цифровой трансформации уголовного процесса. Внедрение цифровых новаций, таких как электронный документооборот, возможность направления заявлений, ходатайств, жалоб в электронном виде, дистанционные судебные заседания, SMS-извещения и т. д. способно повысить прозрачность, оперативность и доступность российского правосудия.

Однако перед использованием цифровых технологий в деятельности органов, осуществляющих расследование преступлений, прокуратуры, суда, невластных участников уголовного процесса, как отмечает профессор Б.Я. Гаврилов, необходимо внесение соответствующих изменений в УПК РФ с целью исключения возможности нарушения прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство [2, с. 21].

Список литературы:

1. *Адамович О.А.* Электронное уголовное дело: перспективы и проблемы внедрения // Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе : сборник по материалам международной научно-практической конференции. Новополюцк : Полоцкий государственный университет, 2019.

2. *Гаврилов Б. Я.* К вопросу использования информационных технологий в досудебном уголовном производстве // Высотехнологическое право: точка бифуркации : сборник по материалам V Международной научно-практической конференции. М. : Московский институт электронной техники, 2024.

3. *Дружинина А. А., Паулов П.А.* Особенности реализации электронного судопроизводства в арбитражном процессе // Юридическая наука. № 4. 2021.

4. *Ищенко П.П.* Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex Russica. № 12 (157). 2019.

5. *Курочкин П. А., Радачинский Ю.Н.* Проблемы реализации электронного судопроизводства в арбитражном процессе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2.
6. *Мехдиев Т.Э.* Правопорядок цифрового пространства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 25 с.
7. *Победкин А.В.* Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2024. 328 с.

Вещественные доказательства как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними

Аннотация

В статье автором рассматривается значение вещественных доказательств в криминалистической характеристике преступлений, совершенных несовершеннолетними. Определяется понятие вещественных доказательств, их роль и значение в процессе расследования. Особое внимание уделено проблемам достоверности и допустимости доказательств в контексте подростковых преступлений. Подчеркивается важность комплексного подхода к расследованию, включающего криминалистический, психологический и социальный анализ поведения несовершеннолетних правонарушителей. Сделан вывод о значимости вещественных доказательств в формировании доказательственной базы и обеспечении объективности следственных действий.

Ключевые слова и словосочетания: *вещественные доказательства; несовершеннолетний; доказательства; преступление; расследование; предметы.*

Проблема преступности среди несовершеннолетних остается актуальной для нашей страны на протяжении многих лет. Причины такого явления многообразны и включают в себя как социально-экономические факторы: бедность, неблагоприятные условия жизни, недостатки в системе воспитания и образования, а также негативное влияние окружения, пропаганда криминальной жизни в СМИ и др.

Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых несовершеннолетними содержит следующие элементы: признаки, свойства, криминальные навыки и связи личности несовершеннолетнего преступника; признаки, свойства личности потерпевшего; предмет посягательства; способ совершения преступления; следовая картина; обстановка совершения преступления (место, время, условия), вещественные доказательства.

В целях качественного расследования преступлений среди несовершеннолетних представляется необходимым рассмотреть

такой немаловажный элемент криминалистической характеристики, как вещественные доказательства. Анализ и определение понятия вещественного доказательства обусловлены выявлением его специфических характеристик, сущностных особенностей и других уникальных критериев, описывающих данный вид доказательств или их группу.

Вещественные доказательства в уголовном процессе представляют собой любые материальные объекты, имеющие непосредственное отношение к расследуемому преступлению. В случаях, когда подозреваемым является несовершеннолетнее лицо, их значение особо велико, поскольку они позволяют установить объективные обстоятельства дела, исключая возможные искажения, связанные с возрастными особенностями восприятия и воспроизведения информации. Такие доказательства могут включать предметы, документы, следы преступления, биологические материалы и другие объекты, способные подтвердить или опровергнуть версии следствия.

Вещественные доказательства играют ключевую роль в расследовании, поскольку обладают способностью объективно подтверждать или опровергать другие собранные доказательства. Их значение обусловлено тем, что они представляют собой материальные объекты, напрямую связанные с расследуемым событием, что исключает субъективность восприятия. В отличие от свидетельских показаний, которые могут зависеть от памяти, эмоций или личного восприятия, вещественные доказательства предоставляют объективные и поддающиеся экспертному анализу сведения, тем самым повышая достоверность и обоснованность выводов следствия.

Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, слово «вещь» означает неодушевленный предмет физического мира, могущий быть чьей-нибудь собственностью. «Применительно к вещественным доказательствам, таковым будет являться вещь и ее свойства, так как последние неотделимы от вещи, отображают стороны или моменты исследуемого события в виде следов воздействия и изменений» [6, с. 94].

Вещественные доказательства должны отвечать критериям относимости, допустимости, достаточности и достоверности. Согласно п. 1 ст. 81 УПК РФ, вещественными доказательствами признаются любые предметы, а именно:

- предметы, которые служили орудиями преступления или иными средствами совершения преступления;
- предметы, которые сохранили на себе следы преступления;
- предметы, на которые были направлены преступные действия;

- деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления;
- иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Представленный перечень демонстрирует тот факт, что к вещественным доказательствам законодатель относит широкий спектр предметов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами. Данный перечень является открытым и неисчерпывающим, что затрудняет для правоприменителя определение сущности вещественного доказательства и отграничения от других форм и видов доказательства [3, с. 211–212].

Особое внимание уделяется проблемам достоверности и допустимости вещественных доказательств при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними. Процесс сбора, фиксации и оценки вещественных доказательств в уголовных делах, где подозреваемым является несовершеннолетний, должен учитывать возрастные и психологические особенности подростков, их эмоциональное состояние, уровень развития и возможные мотивы совершения преступления. Анализ вещественных доказательств должен проводиться с учетом специфики подростковой психики, возможного влияния окружения и социальной среды, чтобы обеспечить объективность расследования и соблюдения прав несовершеннолетнего.

Комплексный криминалистический анализ, применение современных методов судебной экспертизы и строгий контроль за соблюдением правовых норм являются ключевыми факторами, обеспечивающими объективность расследования и достоверность собранных доказательств. Важно также учитывать процессуальные гарантии, обеспечивающие законность получения, фиксации и оценки вещественных доказательств, что особенно значимо в случаях, когда дело затрагивает права несовершеннолетних. Только комплексный и всесторонний подход может гарантировать справедливость следствия и принятие обоснованных решений.

Если рассматривать предмет в качестве источника доказательств по конкретному уголовному делу, то представляется, что он обладает определенными характеристиками, которые представляют собой значимые сведения для расследования, то есть выступают в роли доказательств. Таким образом, доказательством является не сам предмет, в его свойства [1, с. 22].

Любая вещь или предмет включает в себя ряд характеристик физического и химического свойств. К таким характеристикам

относятся размер предмета, форма и вес, материал изготовления также имеет немаловажную роль. К специфическим свойствам относят твердость, магнетизм, реакционную способность, кислотность, токсичность и другие. В качестве вещественных доказательств при расследовании определенного уголовного дела признают только такие вещи, которые обладают свойствами, связанными с обстоятельствами дела. Такого рода свойства должны быть неотделимы от предмета, который признается вещественным доказательством.

Вещественные доказательства при преступлениях, совершенных несовершеннолетними зависят от характера преступления. Орудием преступления, например, при совершении преступления против собственности могут выступать предметы для вскрытия замков: отмычки, отвертки и другие предметы, свойством которых выступает способность открытия закрытых помещений для проникновения и хищения имущества. При насильственных преступлениях вещественными доказательствами будут являться такие предметы как: нож, пистолет, кастет и другие предметы, которыми причиняется вред. Предметами, ставшими объектом преступления являются украденные или поврежденные вещи, для подростковой преступности свойственны такие предметы как: продукты питания, телефоны, техника, одежда и другие [5, с. 161–166].

Электронные доказательства – сообщения, данные социальных сетей, история браузера, записи с камер наблюдения также являются вещественными доказательствами, составляющими доказательственную базу. Данные вещественные доказательства особенно ярко отражаются в уголовных делах, по которым обвиняемым выступает несовершеннолетнее лицо, так как подростки стали чаще совершать преступления в интернете.

Вещественными доказательствами также выступают следы преступления, которые были оставлены на месте преступления и обнаружены сотрудниками правоохранительных органов – кровь, отпечатки пальцев, следы обуви, биологические следы и повреждения на теле потерпевшего.

«Вещественные доказательства представляют собой материальные объекты, для исследования которых подчас необходимы специальные познания специалиста. Материальные объекты невозможно представить в письменном виде. Следовательно, в качестве доказательств может быть представлена только информация о свойствах, признаках, важности материального объекта, о месте, времени его обнаружения и получения следователем, о действиях, совершенных с использованием этого объекта» [4, с. 38–42]. В науке установилась концепция, что любое вещественное доказательство рассматрива-

ется не как изолированный предмет, а с учетом свойств, характеристик и в общей структуре обстановки преступного события [2, с. 3].

Доказательственную базу будут составлять не только предмет, но и его неотделимые свойства и характеристики. Концепция доказывания выстраивается на следующих основаниях признания материального объекта вещественным доказательством: запечатление на объекте характеристик орудия преступления; реализация предмета участниками преступного явления; установление на объекте признаков, отражающих индивидуальные характеристики несовершеннолетнего подозреваемого; обнаружение объекта в определенное время, имеющее значение для расследования конкретного уголовного дела; наличие на объекте видимых изменений, связанных с преступным событием; относящиеся к конкретному уголовному делу изменения, отражающиеся на объекте не в момент совершения преступления; отображение на объекте условий, в которых происходило событие (обстановка места происшествия).

Таким образом, вещественные доказательства как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними рассматриваются как различные по происхождению и материальному воплощению объекты, которые относятся непосредственно к обстоятельствам конкретного преступления и прошли процессуальное оформление.

Список литературы:

1. *Белкин А.Р.* Теория доказывания (криминалистические и оперативно-розыскные аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2000.
2. Вещественные доказательства: информационные технологии процессуального доказывания / под общ. ред. В.Я. Колдина. М., 2002.
3. *Доля Е.А.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М., 2002.
4. *Комлев Б.* О понятии вещественного доказательства // Законность. 1994. № 12.
5. *Статкус В.Ф.* Осмотр места происшествия (правовые, организационные и технико-криминалистические проблемы) // Вестник криминалистики. 2001.
6. *Шекшуева О.Н.* Некоторые аспекты теории доказательств в уголовном процессе. М., 2001.

Ольга Алексеевна Фарафонова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: ofarafonova99@mail.ru

Особенности дистанционного формата производства очной ставки

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей производства очной ставки посредством видеоконференцсвязи. Предметом изучения выступили положения ст. 189.1, а также отдельные части ст. 192 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Цель работы: на основе анализа порядка производства следственных действий в привычном формате, выявить специфику взаимодействия участников очной ставки, проводимой посредством видеоконференцсвязи. В результате проделанной работы выделены следующие особенности, присущие дистанционному формату взаимодействия участников: выбор времени производства следственного действия с учетом возможной разницы во времени, порядок оглашения ранее данных показаний, фиксация хода и результатов следственного действия. Кроме того, сделаны выводы о невозможности адаптации некоторых процедур, привычных в использовании при производстве следственных действий в традиционном формате и неосуществимости реализации определенных требований, касающихся составления процессуальных документов, а также предложены пути их решения.

Ключевые слова и словосочетания: видеоконференцсвязь; следственные действия; очная ставка; протокол следственного действия; участники следственного действия.

Несмотря на то что очная ставка известна еще со времен Русской Правды¹, взгляды ученых на природу следственного действия различны. М.С. Строгович определяет ее как одновременный допрос двух лиц в присутствии друг друга по поводу одного и того же обстоятельства [9, с. 112] и критикует мнение В.Е. Коноваловой

¹ Речь идет о положении, обязывающее лицо, у которого обнаруживалась похищенная вещь, указать на человека, у которого она была похищена. Продолжалось это до тех пор, пока кто-либо из «владельцев» не объяснял обстоятельства ее законного приобретения. Данная процедура имела название «свод», что в некоторой степени можно считать своеобразным прототипом очной ставки.

о том, что очная ставка является самостоятельным следственным действием [4, с. 125], отмечая, что ничего кроме допроса лиц в присутствии друг друга там не происходит. А. К. Давлетов и А. Б. Соловьев так же категоричны в вопросе определения процессуальной природы очной ставки как разновидности допроса. Аргументируя свою позицию, они ссылаются на то, что ст. 163 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. при регламентации очной ставки, оперирует терминами «допрос» и «допрашиваемый» [1, с. 154; 6; 8]. Иная группа ученых все-таки считает очную ставку самостоятельным следственным действием, которому присущи свои особенности, затрагивающие сущностные характеристики следственного действия, процессуальный порядок его производства, а также тактика [5, с. 217–226; 11, с. 51–57; 2, с. 329–336; 3, с. 121–124]. Мы придерживаемся этой же позиции.

Еще раз отмечая важность очной ставки как самостоятельного следственного действия, обратимся к мнению С. Б. Россинского, который видит ее уникальность в том, что это она является одновременным допросом уже допрошенных ранее лиц, в чьих показаниях имеются расхождения или противоречия [7, с. 150].

Безусловно, дистанционная процедура производства очной ставки отлична от производства следственного действия в привычном, «очном» формате. Она имеет свои особенности, которые необходимо учитывать правоприменителям в случае принятия решения о ее производстве посредством видеоконференцсвязи (далее – ВКС).

Отметим, что дистанционный формат позволяет проводить следственное действие в следующих комбинациях:

1) допрашиваемые находятся не по месту производства предварительного расследования, а по месту исполнения поручения;

2) один допрашиваемый находится по месту производства предварительного расследования, а второй по месту исполнения поручения;

3) оба допрашиваемых находятся не по месту производства предварительного расследования, при этом в разных местах.

Первой особенностью является то, что при выборе времени производства следственного действия правоприменителю, которому поручено производство предварительного следствия необходимо ориентироваться на то время, в котором проживает лицо, подлежащее допросу. В первой рассмотренной нами комбинации участников препятствий для производства очной ставки возникнуть не должно. Следователь, направивший поручение, может приступить к выполнению своих обязанностей раньше рабочего дня, так как это в его

интересах. В подтверждение данной позиции приведем мнение С. Б. Россинского, который считает, что если время производства следственного действия является ночным только для должностного лица, то нет оснований для признания полученных сведений недопустимым доказательством [7, с. 178–179]. В случае возникновения второй и третьей комбинации, могут возникнуть определенные трудности, так как не исключена ситуация, когда по месту нахождения одного допрашиваемого еще идет рабочий день, а у другого – ночное время. О. А. Теплякова говорит о том, что в ночное время производство очной ставки возможно только с согласия допрашиваемого лица, отмечая, что следовательно не вправе принудительно провести следственное действие [10, с. 23]. Позже ей предлагается дополнить ст. 189.1 УПК положением, которое запрещает проводить следственные действия посредством ВКС в том случае, если разница во времени составляет более 6 часов между следователем, которому поручено производство предварительного расследования и следователем – исполнителем поручения. Полагаем, что такое предложение является действительно разумным при производстве очной ставки, поскольку максимальная разница в часовых поясах в нашей стране составляет 10 часов, что превышает даже продолжительность рабочего дня следователя или дознавателя.

Вторая особенность связана с реализацией положения ч. 4 ст. 192 УПК РФ, которое касается оглашения ранее данных показаний, в том числе зафиксированных посредством звуко- и видеозаписи. Ограничивается ли данное требование закона прочтением следователем выдержек из протокола предшествующего допроса, или у участника очной ставки есть право ознакомления с показаниями, содержащимися в протоколе путем личного прочтения. Если придерживаться первого варианта, то трудностей не возникает. В случае расширительного толкования данного требования, возникают дополнительные действия, которые необходимо будет осуществить на этапе подготовки к производству следственного действия. Предвосхищая такую ситуацию, следователь или дознаватель должен заранее при подготовке к производству очной ставки сделать сканы протоколов допроса, где содержатся показания, которые необходимо будет огласить, и направить посредством сервиса электронной почты, включенного в информационную систему обеспечения деятельности ОВД МВД (ИСОД) – СЭП (сервис электронной почты) следователю, которому поручено организовать участие лица. Так же следует поступать и с аудио, видеозаписями.

Следующая особенность связана с фиксацией результатов следственного действия. Ч. 5 ст. 192 УПК РФ говорит о том, что каждое из допрашиваемых лиц должно подписать свои показания, каждый лист протокола и протокол в целом. Дистанционный формат не позволяет соблюсти это требование. Кроме того, сама процедура ознакомления значительно отличается от той, которая происходит при производстве очной ставки в привычном для нас формате. Следователь, составивший протокол, путем прочтения его вслух проводит первоначальное ознакомление. Очевидно, что этого недостаточно, поскольку возможна плохая передача звука или же у допрашиваемого лица, которое находится не по месту производства расследования могут быть проблемы со слухом или с восприятием текста на слух, поэтому после такого прочтения, следователь сканирует протокол и посредством СЭД направляет его на электронную почту следователя, который обеспечивает явку допрашиваемого лица. Он распечатывает электронный документ и предъявляет его для ознакомления, после чего допрашиваемый подписывает его и отправляет электронной почтой обратно следователю, его составившему. Этот протокол снова распечатывается, после чего очная ставка считается завершенной. Таким образом, в уголовное дело подшивается протокол, который составил следователь, в производстве которого находится уголовное дело и отсканированный протокол с подписями второго допрашиваемого. В том случае, если оба участника очной ставки находятся не по месту производства предварительного расследования и при этом в разных местах относительно друг друга, следователь или дознаватель отсканированный протокол направляет по месту нахождения каждого из них и приобщает к делу составленный оригинал протокола и две подписанные участниками копии.

Таким образом, ВКС, призванная для упрощения процедур производства следственных действий, наоборот, будет только усложнять работу должностных лиц с учетом необходимости использования нескольких источников видеозаписи. А учитывая то, что многие организационные вопросы ложатся на плечи следователя, который лишь исполняет поручение, откладывая свои дела, такая детализация и нормативная перегруженность кажется нам нелогичной. Полагаем, что достаточным будет, если объектом видеозаписи будет допрашиваемое лицо и по возможности следователь или дознаватель, исполняющий поручение об организации его участия.

Считаем важным с положительной стороны отметить тот факт, что лицо, чьи показания отличны от его собственных, при дистанционном формате производства очной ставки находится не на расстоянии

вытянутой руки. Это способствует созданию более благоприятного психологического климата и возможно способствует раскрытию правды из-за чувства безопасности. Допрашиваемый будет понимать, что не пересечется со вторым участником очной ставки после ее завершения при выходе из кабинета следователя.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что несмотря на наличие существенных отличий в процедуре подготовки и производства очной ставки посредством ВКС, предусмотренная ст. 189.1 УПК РФ возможность использования дистанционного формата оценивается положительно. Успешность и эффективность проведенного следственного действия будет зависеть от согласованности действий нескольких субъектов: должностного лица, которому поручено производство предварительного расследования и следователя или дознавателя - исполнителя поручения об обеспечении участия лица в следственном действии с учетом тех особенностей, которые были нами выделены.

Список литературы:

1. *Давлетов А.К.* Очная ставка на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. 1961. 357 с.
2. *Дулов А.В.* Судебная психология : учебное пособие для юридических институтов и факультетах. 2-е изд., испр и доп. Минск, 1975. 462 с.
3. *Жогин Н. В., Фаткуллин Ф.Н.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе: монография. М. : Юридическая литература, 1965. 367 с.
4. *Коновалова В.Е.* Тактика производства очной ставки // Ученые записки Харьков : Харьковский государственный университет имени А.М. Горького, 1955. № 6.
5. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей : учебное пособие. М., 1967. 290 с.
6. *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М. : Норма, 2021. 408 с.
7. *Россинский С.Б.* Очная ставка как предварительная процессуальная гарантия обеспечения права на справедливое судебное разбирательство // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89).
8. *Соловьев А.Б.* Очная ставка на предварительном следствии : методическое пособие. М., 1970. 156 с.

9. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1970 г. Т. 2. 615 с.

10. *Теплякова О.А.* Актуальные проблемы проведения допроса и очной ставки путем использования видеоконференц-связи на досудебном производстве // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 1 (36).

11. *Шейфер С.А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе : учебное пособие. М., 1972. 130 с.

Марина Дмитриевна Филимонова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: fmd38@yandex.ru

Запрет определенных действий как элемент гуманизации уголовно-процессуальной политики: теоретический и прикладной аспекты

Аннотация

В настоящей публикации представлен анализ отдельных теоретических и прикладных аспектов применения меры уголовно-процессуального пресечения в виде запрета определенных действий, выявлены проблемы реализационного характера и предложены пути совершенствования данного института.

Ключевые слова и словосочетания: гуманизация; меры уголовно-процессуального принуждения; меры пресечения; запрет определенных действий; ограничения.

В настоящее время отмечается устойчивая тенденция в законодательном пространстве, в частности в области уголовно-процессуального права, стремящаяся к поддержанию баланса между защитой прав человека и гражданина и обеспечением правопорядка. Так, введение более гибких мер пресечения, таких как запрет определенных действий¹ (далее – ЗОД), выступает ярким примером процесса гуманизации уголовно-процессуальной политики.

Основной целью дополнения перечня мер пресечения данной мерой выступает уменьшение случаев применения самой строгой меры в виде заключения под стражу при одновременном сохранении процессуального контроля за подозреваемым (обвиняемым, подсудимым).

Действительно, в практической деятельности отмечается, что за последнее десятилетие активно применялись меры, серьезно ограничивающие конституционные права и свободы граждан, среди которых наиболее распространено заключение под стражу. Так,

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

за период с 2018 по 2024 год (1 полугодие) заявлено 655 815 ходатайств об избрании указанной меры, из которых удовлетворению подлежали 580 791 [2]. Для сравнения – за аналогичный период домашний арест избран в 44 791 случаях из 51 681 заявленных, залог – 618 из 740 соответственно (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество ходатайств об избрании мер пресечения, требующих судебного санкционирования [2]

Период	Запрет определенных действий		Залог		Домашний арест		Заключение под стражу	
	Заявлено	Удовлено	Заявлено	Удовлено	Заявлено	Удовлено	Заявлено	Удовлено
2018	347	301	122	108	7 170	6 329	114 300	102 205
2019	1 417	1 246	90	77	6 967	6 038	106 045	94 632
2020	2 112	1 850	269	244	8 061	6 949	96 665	84 919
2021	2 918	2 565	41	25	7 849	6 828	99 298	87 905
2022	3 466	3 085	96	71	8 544	7 407	98 481	87 687
2023	4 476	4 005	85	66	8 764	7 500	94 576	82 480
2024 (1 полугодие)	2 289	2 113	37	27	4 326	3 740	46 450	40 963
ИТОГО	17 025	15 165	740	618	51 681	44 791	655 815	580 791

Представленная статистика свидетельствует о том, что несмотря на ежегодное снижение количества случаев избрания заключения под стражу – по отношению к более мягким мерам пресечения судебного санкционирования – подобные показатели являются явно чрезмерными и вызывают вопросы в части факторов, влияющих на их соотношение.

В данном контексте Н. И. Труфанов верно отмечает, что допустимым ограничение прав человека считается лишь в случаях необходимости обеспечения быстрого и прогрессивного расследования уголовного дела и судебного разбирательства, при этом следует по возможности стремиться к минимизации интенсивности данного ограничения [4, с. 218]. При этом процесс минимизации предполагался путем применения действенных альтернатив мере пресечения, в абсолютной степени ограничивающей права и свободы личности,

вследствие чего и появилось нововведение в виде запрета определенных действий.

Помимо снижения чрезмерно репрессивного воздействия на личность предполагалась оптимизация деятельности следственных изоляторов путем снижения нагрузки на их инфраструктуру. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что ЗОД не пользуется популярностью при принятии органом предварительного расследования решения об избрании меры пресечения. Так, с 2018 года (момент появления ЗОД) по 1 полугодие 2024 года заявлено лишь 17 125 ходатайств об избрании рассматриваемой меры, из которых удовлетворению подлежали 15 165, что в процентном соотношении от количества за указанный период избранной меры пресечения в виде заключения под стражу составляет лишь 2,3 % (см. табл. 1).

В связи с вышеизложенным предлагается рассмотреть некоторые проблемные аспекты нормативного регулирования и правоприменительной деятельности при избрании меры пресечения в виде ЗОД.

Так, известно, что перечень запретов, установленных ч. 6 ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), является исчерпывающим. Однако в судебной практике имеют место случаи выхода за пределы перечня. Например, постановлением Орджоникидзевого суда г. Екатеринбурга отказано в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении У., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Судебным решением в отношении У. избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий, выражающаяся в следующем:

- без согласия следователя, прокурора и суда общаться с иными подозреваемыми, обвиняемыми, подсудимыми, потерпевшими и свидетелями по уголовному делу, за исключением лиц, проживающих (зарегистрированных) с обвиняемым в одном жилом помещении;
- употреблять алкогольные напитки.

В последующем в отношении У. суд апелляционной инстанции решение, вынесенное судом первой инстанции, изменил – исключил установленный судом запрет на употребление алкогольных напитков, который, очевидно, не предусмотрен ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ [1].

Вместе с тем среди научных трудов встречается мнение о возможности расширения имеющегося перечня запретов определенных действий. Так, по мнению А.А. Ратанова, список установленных запретов следует дополнить изъятием документации, позволяющей заниматься предпринимательской деятельностью [3, с. 42].

Представляется рациональным данное дополнение, так как временное отстранение от должности (ст. 14 УПК РФ) не всегда влечет исключение возможности продолжения деятельности в сфере предпринимательства. Речь идет о случае, когда лицо является собственником. Также актуален вопрос правомерности деятельности предпринимателей, занимающих статус «самозанятые», число которых по данным Федеральной налоговой службы на конец 2024 года достигло более 12 млн [5].

Целесообразно и расширение перечня преступлений, при совершении которых возможно назначить запрет на управление транспортным средством (п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). В качестве аргументов А. А. Ратанов приводит случаи использования речных и морских судов при незаконной охоте [3, с. 42].

Следующим проблемным аспектом представляется отсутствие временных интервалов действия отдельных запретов определенных действий. Регламентация данного вопроса наблюдается лишь в отношении одного запрета – покидать пределы жилого помещения (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), предельные сроки применения которого находятся в зависимости от тяжести совершенного преступления: при совершении преступления небольшой и средней тяжести – 12 месяцев, тяжкого – 24 месяца, особо тяжкого – 36 месяцев. Для иных запретов подобных временных ограничений не установлено. Автору настоящей публикации представляется, что возможность суда устанавливать конкретные временные промежутки, в течение которых подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) обязан соблюдать назначенный ему запрет, выступает в качестве одного из эффективных инструментов, обеспечивающих более гибкое процессуальное реагирование, а также исключает возможность чрезмерного ограничения прав и свобод лица, подвергнувшегося уголовному преследованию.

Автором предлагается разрешение обозначенной проблемы путем дополнения нормативного содержания каждого из запретов, предусмотренных п.п. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, формулой «*в определенные периоды времени*».

Таким образом, современное уголовно-процессуальное законодательство характеризуется стремлением к балансированию между защитой прав личности и эффективностью контроля за уголовным судопроизводством за счет применения альтернативных заключения под стражу мер пресечения, в числе которых запрет определенных действий. Анализ практики показывает, что указанная мера может стать действенной альтернативой, однако ее недостаточная распространенность указывает на необходимость совершенство-

вания нормативного регулирования, в частности через расширение перечня запретов, а также введения временных ограничений для каждого из них.

Список литературы:

1. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 13 марта 2020 года по делу № 22К-2256/2020. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.01.2025).
2. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018 – 1 полугодие 2024 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2025).
3. Ратанов А. А. К вопросу усовершенствования законодательства меры пресечения в виде запрета определенных действий // Крымский научный вестник. 2019. № 2 (23).
4. Труфанов Н. И. Социально-воспитательный аспект применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4.
5. ФНС: число самозанятых в РФ достигло более 12 млн человек. URL: <https://www.gosnadzor.ru/news/67/12574/?ysclid=m8e9eiam0312660873> (дата обращения: 20.01.2025).

Анализ практики проведения оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений»

Аннотация

Статья посвящена анализу практики проведения оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» (далее – ОРМ «контроль отправлений») на примере борьбы с незаконным оборотом наркотиков. На основе изучения судебных приговоров за период с 2012 по 2024 гг. выявлены проблемные аспекты правоприменения, связанные с ОРМ «контроль отправлений» и «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – ОРМ «обследование»). Автором рассмотрены этапы документирования, проанализированы оперативные действия сотрудников полиции при непосредственной работе с почтовыми и грузовыми отправлениями, а также предложены некоторые рекомендации по совершенствованию. Затронут вопрос о необходимости специализированной подготовки оперативных сотрудников органов внутренних дел в исследуемой сфере.

Ключевые слова и словосочетания: *оперативно-розыскное мероприятие; контроль почтовых отправлений; незаконный оборот наркотиков; судебная практика.*

Для обеспечения соответствия правовых норм реальным потребностям правоохранительной практики важно учитывать не только перспективы развития законодательства, но и анализировать его применение на практике. В этом контексте изучение судебных актов позволяет выявить проблемные аспекты правоприменения и определить направления для его совершенствования. Так, анализ приговоров судов первой инстанции в различных регионах Российской Федерации за период с 2012 по 2024 гг. по ст.ст. 186, 222, 226.1, 228, 228.1, 229.1, 234 УК РФ¹

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

показал неоднозначную практику проведения оперативно-розыскных мероприятий по обнаружению и осмотру содержимого почтовых и грузовых отправлений.

Оперативно-розыскная деятельность по раскрытию преступлений, связанных с незаконной пересылкой и контрабандой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, а также выявлению и изобличению участников, показывает высокую эффективность, особенно при задержании с поличным [1, с. 117]. Негласная проверка отправлений на наличие наркотиков позволяет избежать утечки информации и обеспечить контроль за дальнейшей передачей. Такой подход помогает отслеживать полную цепочку участников преступной деятельности и своевременно изымать запрещенные вещества.

Документирование таких преступлений условно можно разделить на следующие этапы:

1. Получение оперативной информации о незаконной пересылке запрещенных предметов и веществ через почтовые или грузовые отправления.
2. Проведение оперативно-розыскных мероприятий по осмотру содержимого отправления.
3. Планирование последующих оперативно-розыскных мероприятий.
4. Направление изъятых предметов и веществ в экспертно-криминалистическое подразделение для проведения исследований.
5. Проведение дальнейших оперативно-розыскных мероприятий по установлению и изобличению участников преступной деятельности.

Наибольший интерес представляет второй этап, для которого характерно отсутствие унифицированного подхода, а также дублирование оперативно-розыскных мероприятий. Анализ судебной практики позволяет выделить три способа получения доступа к почтовым и грузовым отправлениям:

- проведение ОРМ «контроль отправлений» в 59 % случаев;
- проведение ОРМ «обследование» в 19 % случаев;
- совместное проведение ОРМ «контроль отправлений» и «обследование» в 22 % случаев.

Важно обратить внимание, что суды признали результаты указанных мероприятий как полученные в соответствии с требованиями закона, рассекреченные и представленные в органы предварительного расследования в установленном порядке. Они были

расценены как допустимые доказательства, включающие данные о содержимом вскрытых отправлений.

Данные показатели свидетельствуют о том, что указанные оперативно-розыскные мероприятия частично совпадают по своим задачам, и поэтому оперативные сотрудники полагают, что цели ОРМ «контроль отправлений» могут быть достигнуты в рамках ОРМ «обследование». Последнее предполагает такие действия, как поиск необходимого предмета в помещениях компании, его осмотр и изъятие.

Однако в рамках ОРМ «контроль отправлений» оперативным сотрудникам не требуется самостоятельно искать отправление, так как при наличии судебного постановления работники компаний обязаны выдать его по требованию. Это требование является законным и обязательно для исполнения физическими и юридическими лицами, к которым оно предъявлено. В соответствии со ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, неисполнение такого требования или воспрепятствование его исполнению влечет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации, включая административные меры в рамках КоАП РФ².

Для обеспечения эффективности проведения оперативно-розыскных мероприятий важно строго соблюдать установленные процедуры и разграничивать их задачи. В то же время, практика показывает, что при проведении ОРМ «контроль отправлений» оперативные подразделения нередко прибегают к совмещению данного мероприятия с ОРМ «обследование», которое подменяет его в момент непосредственной работы с отправлением. При наличии постановления на проведение ОРМ «контроль отправлений», нет необходимости в дополнительном постановлении для проведения обследования.

Для более детального анализа проблемы представляется важным рассмотреть сложившуюся практику проведения ОРМ «контроль отправлений». В 79 % случаев данное мероприятие проводилось оперативными подразделениями на объектах почтовой связи, а в 21 % – в частных компаниях по доставке грузов. Преобладание случаев на объектах почтовой связи связано с широкой территориальной сетью АО «Почта России», которое используется для пере-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

сылки грузов и документов. Кроме того, данная компания является более привычным и знакомым оператором связи для большинства граждан России.

Однако лица все чаще выбирают альтернативные каналы доставки, такие как компании по доставке грузов. Рост популярности частных служб доставки обусловлен несколькими факторами: во-первых, эти компании предлагают более развитую систему отслеживания грузов, что может насторожить преступников в случае задержки отправления на каком-либо этапе; во-вторых, такие службы обеспечивают высокое качество обслуживания и значительно ускоряют доставку до адресата.

Обращаясь к практике проведения ОРМ «обследование», следует отметить, что данное мероприятие проводилось оперативными сотрудниками в 89 % случаев на объектах почтовой связи и в 11 % – в компаниях по доставке грузов. Фактически указанное мероприятие полностью подменяет ОРМ «контроль отправок», что вызывает вопросы о правомерности его проведения. ОРМ «обследование» не требует получения судебного постановления, что делает процесс юридически проще и быстрее, однако подобные действия могут рассматриваться как нарушение права на тайну сообщений [2, с. 56].

Рассматривая последний способ проведения мероприятий по контролю почтовых и грузовых отправок, осуществляемый посредством совместного проведения ОРМ «контроль отправок» и «обследование», следует подчеркнуть, что в 80 % случаев он применялся на объектах почтовой связи, а в 20 % – в компаниях по доставке грузов. Несмотря на более редкое использование услуг грузовых компаний, факты их вовлеченности в противоправную деятельность свидетельствуют о важности установления контроля в данной сфере.

Совместное проведение указанных мероприятий представляется необоснованным, поскольку содержание ОРМ «контроль отправок» уже включает контроль за перемещением отправления и осуществление иных действий непосредственно с самим отправлением. Проведение дополнительных обследований, например, помещения почтового отделения избыточно, поскольку эти действия уже входят в содержание ОРМ «контроль отправок». Тем не менее, совместное проведение указанных мероприятий зафиксировано в 22 % изученных приговоров, что свидетельствует о достаточно распространенной практике.

Следует обратить внимание на этап, в рамках которого осуществляется замена предметов (веществ). Согласно проведенному

анализу, оперативные сотрудники производили подмену в 56 % случаев при проведении ОРМ «контроль отправлений», в 33 % – в рамках ОРМ «обследование» и в 63 % – при совместном проведении ОРМ «контроль отправлений» и «обследование». Возникает закономерный вопрос: в рамках какого именно ОРМ следует осуществлять замену запрещенных предметов и веществ, чтобы соблюсти процессуальные нормы и исключить дублирование действий?

Проблема заключается в том, что проведение подобных действий может занять значительное время, что делает выполнение этих действий в рамках ОРМ «контроль отправлений» практически невозможным. Как следует из показаний старшего оперативного уполномоченного по особо важным делам УНК МВД по Республике Калмыкия, отраженных в приговоре суда, в ходе проведения ОРМ «контроль отправлений» путем досмотра посылок в отделении почтовой связи ФГУП «Почта России» им был обнаружен бумажный конверт белого цвета с наклеенной почтовой маркой, в котором находился перфорированный фрагмент бумаги в полимерном пакете. В тот момент у него появились основания полагать, что данный фрагмент бумажного листа с перфорацией может являться наркотическим средством. В этой связи им было принято решение об изъятии всего обнаруженного и о его дальнейшей подмене наркотического вещества. Помимо этого, самостоятельное изъятие указанного фрагмента бумажного листа с наркотическим средством производилось с целью планирования ОРМ «контролируемая поставка», в ходе которого планировалась замена почтового отправления и дальнейшее установление лица причастного к перемещению через границу Российской Федерации наркотического средства. Для проведения указанного ОРМ необходимо было изготовить копии бумажного конверта с аналогичной текстурой, наклейками, в связи с чем для подготовки данных объектов требовалось длительное время [3].

Таким образом, на практике оперативные подразделения используют два подхода. В первом случае, когда конечный получатель отправления неизвестен, проводится ОРМ «контролируемая поставка». В случаях, когда сотрудники правоохранительных органов уже располагают информацией о личности получателя, наиболее целесообразным является проведение ОРМ «оперативный эксперимент», которое позволяет оперативным сотрудникам задержать преступника с поличным. Таким образом, осуществление замены предметов (веществ) зависит от конкретных целей и обстоятельств, при невозможности реализации данных действий в рамках ОРМ «контроль отправлений».

Необходимость использования различных оперативных действий обусловливается тем, что это обеспечивает дальнейшее выявления всех участников преступной деятельности, при этом исключаются реальные риски, которые могут представлять угрозу для общества. Проведение оперативных комбинаций дает возможность сотрудникам полиции в полном объеме задокументировать действия преступников, установить конечного получателя, а также зафиксировать и пресечь процесс реализации.

Проведение ОРМ «контроль отправлений» с целью обнаружения и изъятия предметов и веществ, запрещенных в гражданском обороте, требует специализированной подготовки. Это связано с множеством ключевых факторов, которые определяют успешное выполнение данного мероприятия, поэтому сотрудники полиции должны владеть специальными навыками и знаниями, а также быть технически оснащены необходимыми средствами и материалами.

Зачастую проведение оперативно-розыскных мероприятий связано с жесткими временными ограничениями, в связи с чем действия оперативных работников должны быть грамотно распределены между всеми участниками реализации. Промедления во время проведения мероприятия или некомпетентность сотрудников могут привести к преждевременному разоблачению планов.

В органах внутренних дел проведение специальных технических мероприятий традиционно возлагается на подразделения специальных технических мероприятий, которые обладают необходимыми ресурсами и компетенциями для выполнения подобных задач. Исторически в правоохранительных органах (МВД Российской империи, НКВД СССР, КГБ СССР и другие) существовали специальные отделы, занимавшиеся вскрытием почтовых отправлений [4, с. 25; 5]. В то время такие мероприятия проводились в широких масштабах, однако сейчас нецелесообразно создавать новые отделы или отделения, что могло бы потребовать значительных финансовых и организационных ресурсов, поэтому необходимо сосредоточиться на обучении сотрудников соответствующих оперативных подразделений для проведения ОРМ «контроль отправлений».

Практика показывает, что применение ОРМ «контроль отправлений» является действенным инструментом для сбора доказательств и установления лиц, причастных к совершению преступлений. Однако успешное проведение мероприятия требует привлечения специально обученных сотрудников. Только профессиональная подготовка может обеспечить высокую результативность и оперативность проведения. С учетом этого возникает необходимость пересмотра текущего распределения полномочий с органами феде-

ральной службы безопасности по проведению ОРМ «контроль отправлений». На сегодняшний день оперативные подразделения органов внутренних дел обладают не только значительным опытом, но и высокой профессиональной компетенцией в борьбе с различными видами преступной деятельности, включая наркопреступность, незаконный оборот оружия, экстремизм и другие.

Современное состояние проведения ОРМ «контроль отправлений» отличается сложностью и неоднозначностью, обусловленной появлением множества альтернативных каналов связи и доставки. Особое внимание заслуживают ситуации, когда оперативные сотрудники, столкнувшись с правовыми ограничениями, фактически осуществляют действия, характерные для ОРМ «контроль отправлений», подменяя его другими мероприятиями, что приводит к размытию правовых границ.

Список литературы:

1. Чистова Л. Е. О некоторых элементах тактико-криминалистического обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2.
2. Ларинков А. А., Кузнецова Л. В. Анализ и оценка прокурором нарушения, допускаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств // Уголовный процесс и криминалистика. 2016. № 2 (19).
3. Приговор Элистинского городского суда Республики Калмыкия. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.11.2024).
4. Смыкалин А. С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. М. : Русайнс, 2015. 268 с.
5. Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ. 1917–1991 : справочник / под. ред. А. Н. Яковлева. URL: https://imwerden.de/pdf/lubyanka_1917-1960_dokumenty_1997__txt.pdf (дата обращения 23.02.2025).

Типовые модели механизма нарушений ПДД, повлекших смерть человека

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы механизмов нарушения правил дорожного движения, повлекших смерть человека. Также, важными аспектами являются типовые модели нарушений правил дорожного движения, повлекшие смерть лица.

***Ключевые слова и словосочетания:** криминалистика; правила дорожного движения; механизмы преступной деятельности.*

Актуальным на сегодняшний день является вопрос обеспечения правил дорожного движения и безопасности дорожного движения в целом. На сегодняшний день этот вопрос обсуждается на самом высоком уровне. Министр внутренних дел В.А. Колокольников на расширенной коллегии МВД России обращал внимание на то, что необходимо принимать должные меры для того, чтобы снизить смертность в результате ДТП [1]. Законодательство ежегодно изменяется под влиянием обоснованных проблем, которые ежедневно происходят на дорогах и являются причинами дорожно-транспортных происшествий. Однако, пока достигнуть цели, которая заключается в том, чтобы снизить количество ДТП с летальным исходом не представляется возможным в связи со многими факторами. К таким факторам можно отнести качество дорожного покрытия, сложные погодные условия, особенно в зимний период (наледь, возможность возникновения заноса, короткий солнечный день), водительский стаж и употребление алкоголя либо наркотических средств водителями.

В связи с этим можно выделить как число объективных причин, так и субъективных. Чаще всего, дорожно-транспортные происшествия происходят именно в совокупности таких причин. Именно потому что нарушения ПДД, повлекшие смерть человека, являются сложным процессом совершения преступления, следовательно необходимо полностью изучить механизм совершения преступления и погрузиться мыслительно в обстановку совершения дорожно-транспортного происшествия.

Знание механизма как целостной системы обстоятельств и факторов способствует возникновению материальных и иных носителей информации об участниках преступления, обстановке и тем самым обеспечивает возможность выдвижения общих и частных версий и планирования расследования. Хотелось бы представить определение «механизма преступления» Р.С. Белкина, который наиболее полно определял его в своих работах. Таким образом, знаменитый криминалист понимал механизм преступления как «сложную динамическую систему, включающую субъект преступления, его отношение к своим действиям, их последствиям, соучастникам; предмет посягательства; способ совершения и сокрытия преступления; преступный результат; обстановку преступления, поведение и действия лиц, оказавшихся участниками события, и др.» [2].

Дорожно-транспортные происшествия со смертельным исходом требуют комплексного анализа для эффективного расследования. Понимание типовых моделей механизма таких ДТП, основанное на понимании причинно-следственных связей, является ключевым аспектом в направлении расследования. Нами предлагается рассмотреть наиболее распространенные модели нарушения правил дорожного движения, влекущие смерть человека.

Прежде всего, следователю необходимо собраться информацию и сохранившиеся материальные следы, свидетельствующие о нарушении скоростного режима. Превышение скорости считается одним из самых распространенных факторов совершения ДТП [5]. Поскольку водитель не может адекватно воспринимать обстановку вне транспортного средства из-за уменьшения площади обзора, а также не способен рассчитать длину тормозного пути в случае экстренного торможения. Немаловажным является и то, что при высокой скорости автомобиля уваливается «уязвимость» пешехода. Исследования показывают, что взрослый пешеход, которого сбивает автомобиль, который двигался со скоростью 50 км/ч, вероятность смерти такого пешехода составляет менее 20%. Тогда как, если удар происходит при скорости автомобиля 80 км/ч, риск смерти составляет 80% [3]. Типовыми моделями при нарушении скоростного режима являются: выезд на встречную полосу с высокой скоростью при выполнении маневра обгона; наезд на пешехода с высокой скоростью; столкновение с препятствием на высокой скорости. В любом случае, исходом таких типовых моделей будет считаться то, что водитель не способен справиться с управлением транспортного средства, что приводит к тяжелым травмам зачастую несовместимым с жизнью. Также неадекватная скорость на закруглении дороги, несоблюдение дистанции до впереди идущего транспортного

средства могут привести к потере контроля над автомобилем и столкновению.

Следующей типовой моделью совершения смертельных ДТП являются нарушения правил проезда перекрестка. Перекрестки являются зонами повышенной опасности. Нарушения правил проезда перекрестков часто приводят к столкновениям, с тяжкими последствиями. Прежде всего, стоит упомянуть проезд на запрещающий знак сигнала светофора. Попытки водителей проехать за кратчайшее время на запрещающий сигнал приводит к столкновению с транспортными средствами, имеющими преимущество. Не предоставление преимущества в движении: не уступая дорогу иным участникам дорожного движения (пешеходам, велосипедистам) или другим транспортным средствам, водитель тем самым создает опасную ситуацию, которая может закончиться дорожно-транспортным происшествием. Выезд на перекресток без обеспечения достаточной видимости, когда водитель, не убедившись в безопасности маневра, выезжает на перекресток.

Нарушение правил управления транспортным средством является самым большим блоком, т.к. в него входит огромное количество типовых моделей совершения ДТП. Как ранее мы уже отмечали, управление транспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения является большой опасностью как для водителя, так и для других участников дорожного движения и почти всегда приводит к трагедиям. Именно поэтому сотрудники ГИБДД уделяют особое внимание и производят рейды по выявлению пьяных водителей. Медицинские работники предупреждают, что алкоголь влияет на мозг водителя, время реакции увеличивается, снижается внимание и повышается сонливость. Совокупность данных элементов не позволяет адекватно оценивать дорожную ситуацию. Следовательно при расследовании ДТП первостепенно должен назначить ряд судебно-медицинских экспертиз на наличие алкоголя как в крови водителей, так и пешеходов [4].

Типовой моделью является нарушение правил дорожного движения пешеходами. В дорожно-транспортных происшествиях с летальным исходом виноваты не только водители, но и пешеходы, которые не соблюдают и намеренно игнорируют правила дорожного движения. К таким ситуациям относится переход в неположенном месте, когда пешеходы пренебрегают и стараются быстрее перейти проезжую часть там, где им удобно, а не там, где это положено. К этому можно отнести также переход на запрещающий сигнал светофора и неправильное использование пешеходных переходов [6].

Таким образом, стоит сказать, что нами были рассмотрены лишь некоторые типовые модели механизма нарушения ПДД, повлекшие смерть человека. Для снижения числа ДТП с летальным исходом следует применять комплексный подход, включающий, в первую очередь, развитие дорожной инфраструктуры, повышение уровня культуры самих участников дорожного движения и строгое соблюдение правил дорожного движения. Анализ наиболее типовых моделей при расследовании данных преступлений позволяет следователю подробнее углубиться в обстоятельства происшествия, чтобы провести качественную оценку ситуации, выяснить основные причины ДТП и принять законное, обоснованное решение по возбужденному уголовному делу.

Список литературы:

1. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2184965/> (дата обращения: 10.03.2025).
2. *Белкин Р. С. и др.* Криминалистика. 1995. 276 с.
3. URL: <https://auto.rambler.ru/roadaccidents/43224729-skorost-avtomobilya-kotoraya-yavlyayetsya-rokovoy-dlya-voditeley-soglasno-statistike/> (дата обращения: 15.03.2025).
4. *Кулев М. В., Кулев А. В., Покровская В. Г.* Влияние алкоголя на способность водителя управлять автотранспортным средством // Поколение будущего: взгляд молодых ученых. 2016. 430 с.
5. *Веренич И. В., Кустов А. М., Прошин В. М.* Криминалистическая теория механизма преступления. 2014. 640 с.
6. *Каминский М. К.* Введение в криминалистику и криминалистическое образование. 2015. 322 с.

Кристина Владимировна Четвертакова,
адъюнкт
Академия управления МВД России
E-mail: kristina.196@inbox.ru

Основные элементы системы криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования

Аннотация

В статье автор излагает теоретические основы систематизации криминалистического обеспечения безопасности участников предварительного расследования. В статье акцентировано внимание на важности обеспечения безопасности при оказании противодействия расследованию. Автором подробно рассмотрены основные элементы системы криминалистического обеспечения безопасности и дана общая характеристика.

Ключевые слова и словосочетания: *безопасность; противодействие; технико-криминалистическое обеспечение; тактико-криминалистическое обеспечение; методико-криминалистическое обеспечение; взаимодействие.*

Как и любая система в криминалистике, рассматриваемая нами деятельность имеет свои составные компоненты. Криминалистическое обеспечение было введено в науку криминалистику в 70-х годах прошлого столетия известным ученым В. Г. Коломацким [1]. Данное определение строится на теории о том, что это система знаний, умений и навыков, которая помогает органам предварительного расследования эффективно раскрывать уголовные дела и повышать качество расследования. Важно не столь определение, а какое «наполнение» тогда предполагалось для такого направления деятельности. В. Г. Коломацкий выделял следующие структурные единицы системы криминалистического обеспечения:

- криминалистическая наука;
- криминалистическое образование;
- криминалистическая техника [1, с. 63].

Анализируя данные элементы через призму того времени, напрашивается вывод о том, что они актуальны лишь для своего времени, т. е. в 70-е годы теория криминалистического обеспечения применительно к расследованию преступлений набирала свои обо-

роты, соответственно сотрудникам органов внутренних дел (далее – ОВД), необходимо было учиться применять новые криминалистические знания на практике, использовать различные технико-криминалистические средства, вводимые в оборот ОВД.

В настоящих реалиях перед криминалистическим обеспечением, как и перед наукой криминалистикой в целом стоит задача в адаптации к информационному веку и разработке таких технологий, методов, систем, которые бы отвечали потребностям общества и государства.

В теории криминалистики разрабатывается новая, отвечающая вызовам общества и государства система криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений:

- технико-криминалистическое обеспечение;
- тактико-криминалистическое обеспечение;
- методико-криминалистическое обеспечение [2, с. 52–55].

Действительно, данная система решает вопросы внедрения информационных технологий, отдельных тактических операций и комбинаций, методик по раскрытию новых преступлений (например, в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ)). Во многом данные элементы системы разрешают задачи теории и практики расследования преступлений, повышая тем самым эффективность. Однако, говоря о новых реалиях, не стоит забывать, что не всегда лишь качественное использование арсенала криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений помогает следствию познать истину по делу и вынести объективное решение по нему. Достаточно часто, в особенности учитывая геополитическую обстановку в стране, оказывается активное противодействие расследованию преступлений. И.В. Веренич выделяет два вида противодействия, оказываемого на органы предварительного расследования: внутреннее и внешнее [3, с. 36]. Автор говорит о том, что в последнее время противодействие расследованию зачастую связано с угрозами в отношении следователя (дознателя) и иных участников предварительного расследования, особенно по категориям преступлений, связанных с организованной преступностью.

Вопрос о безопасности участников предварительного расследования имеет свои разработки в уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и оперативно-розыскной науках, однако теоретические основы обеспечения безопасности участников предварительного расследования в науке криминалистике изучены не были. Таким образом, наша задача состоит в разработке оптимальной системы криминалистического обеспечения

безопасности участников предварительного расследования, с учетом криминогенной обстановки и геополитических условий в государстве.

Так или иначе без технического оснащения органам предварительного расследования достаточно не просто осуществлять безопасность лиц, участвующих в процессе. На наш взгляд, данный элемент должен включать в себя не только цифровые фото-, видеоаппаратуру, но и иные технические средства, инновации, которые бы значительно упростили работу органов предварительного расследования по поддержанию безопасности в рамках расследуемых преступлений (к примеру, беспилотные летательные аппараты, 3D-сканирование местности и пр.). Соответственно целесообразно в рамках изучаемой деятельности включать в систему такой элемент как технико-криминалистическое обеспечение. Рассматриваемый элемент не только о технике в прямом смысле слова. Мы солидарны с В. А. Жбановым, В. И. Козловым, А. В. Табаковым, которые исследуя технико-криминалистическое обеспечение расследования, включали в нее кадровое обеспечение, учеты ОВД, научные рекомендации [4, с. 79–80]. Нельзя не согласиться с тем, что кадровое обеспечение играет решающую роль в обеспечении безопасности, поскольку умение сотрудника в необходимый момент применить технику определенного типа, или использовать технические средства, не состоящие на вооружении ОВД крайне важно, особенно в ситуациях, где необходимо оперативно среагировать на возможные угрозы противодействия расследованию, связанные с причинением вреда жизни и здоровью участников предварительного расследования.

Изобличение преступника во многом зависит от грамотно подобранной тактики проведения следственных и иных процессуальных действий. Представим ситуацию: в деле фигурирует свидетель, чьи показания крайне важны для раскрытия преступления. Когда следствие предлагает такому свидетелю идентифицировать подозреваемого, возникают серьезные риски. Следовательно необходимо предвидеть возможное давление на участников процесса. Преступник или его сообщники могут прибегнуть к запугиванию, что часто приводит к отказу свидетеля от первоначальных показаний из-за страха за свою жизнь или здоровье. Такие обстоятельства существенно осложняют расследование, а иногда делают его продолжение практически невозможным. Поэтому обеспечение безопасности всех вовлеченных лиц становится приоритетной задачей при планировании следственных действий. В целях защиты свидетеля традиционная методика опознания возможных угрозоносителей претер-

пела существенные изменения. Наиболее эффективным в текущих обстоятельствах представляется проведение процедуры опознания таким образом, чтобы идентифицируемый субъект не имел возможности видеть лицо, осуществляющее опознание. Это только малая доля того, какие возможности имеет следователь (дознатель) при реализации тактико-криминалистического обеспечения безопасности.

Нельзя не согласиться с А. В. Богуславским и Т. А. Ткачук в части того, что тактико-криминалистическое обеспечение основывается не только на нормах УПК РФ, но и на анализе следственной и судебной практики [5, с. 49]. Несомненно, уголовно-процессуальное законодательство не предписывает органам предварительного расследования как действовать в ситуациях, угрожающих участникам процесса, но анализ следственной и судебной практики позволит выбрать наиболее подходящую тактику в зависимости от обстоятельств дела.

Так как криминалистическое обеспечение безопасности – деятельность, то, как правило, она носит организационный характер, поэтому методико-криминалистическое обеспечение безопасности по праву должно являться следующим элементом рассматриваемой системы. В теории криминалистики методико-криминалистическое обеспечение подразумевает планирование расследования. Безопасность, на наш взгляд, также нуждается в планировании, в рамках которого следователь (дознатель) организует расследование таким образом, чтобы минимизировать или вовсе исключить противоправное воздействие, оказываемое на них лично или на других участников процесса.

Последний элемент, который целесообразно рассмотреть – организация взаимодействия с другими правоохранительными органами. Недостаточно лишь силами органов предварительного расследования достичь качественного обеспечения безопасности. Не в каждом случае процессуальные нормы, отдельные тактические комбинации или планирование обеспечивают безопасность. В некоторых ситуациях органы предварительного расследования прибегают к взаимодействию с подразделениями уголовного розыска, оперативно-розыскной частью обеспечения государственной защиты при МВД России, Росгвардией, ФСИН России, ФСБ России. Взаимодействие с правоохранительными органами зависит от тяжести расследуемого преступления, криминогенной обстановки, уровня противодействия и многих других факторов.

Таким образом, систему криминалистического обеспечения безопасности можно представить следующим образом:

- технико-криминалистическое обеспечение безопасности;
- тактико-криминалистическое обеспечение безопасности;
- методико-криминалистическое обеспечение безопасности;
- организация взаимодействия с другими правоохранительными органами.

Вышеперечисленные элементы связаны между собой и взаимозависимы. В совокупности они направлены на поддержание достойного уровня безопасности на стадии предварительного расследования.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Возгрин И. А. и др.* Криминалистика: История, общая и частные теории: в 3-х томах : учебник. М. : Академия МВД России, 1995. Т. 3. 280 с.
2. *Аверьянова Т. В., Аминов Д. И., Архипова И. А. и др.* Криминалистика : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Ф. Волынского, С. В. Дубровина. 3-е изд. М. : Юнити-Дана, 2023. 799 с.
3. *Веренич И. В.* Теоретические и прикладные основы преодоления противодействия расследованию преступлений // Юридические исследования. 2020. № 6.
4. *Жбанков В. А., Козлов В. И., Табаков А. В.* Организационно-структурные проблемы технико-криминалистического обеспечения подразделений дознания и таможенных органов // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 4.
5. *Богуславский А. В., Ткачук Т. А.* Сущность тактико-криминалистического обеспечения в системе криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 4 (13).

Термины «законность» и «качество» расследования в федеральном и ведомственном нормотворчестве

Аннотация

В статье рассматриваются понятия «законность» и «качество» расследования по уголовным делам через призму действующих нормативно-правовых и ведомственных актов Российской Федерации. Обращается внимание на законодательные тексты и их понимание правоприменителем. Указывается на отсутствие полноты определения принципа законности в УПК РФ, что проявляется в том числе при анализе правового положения некоторых участников уголовного судопроизводства. Отсутствие законодательного определения понятия «качество расследования» приводит к теоретико-правовой неопределенности при рассмотрении конкретных уголовных дел. Понятие «законность» предлагается рассматривать как принцип уголовного судопроизводства и состояние уголовного процесса, при котором обеспечивается реальное верховенство закона, права и свобод его участников.

Ключевые слова и словосочетания: законность; качество расследования; эффективность; результативность; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальный кодекс.

Соблюдение баланса законности и высокого качества расследования уголовных дел в настоящее время является особенно актуальным, поскольку в современных условиях преступность принимает новые формы, требует оперативного реагирования, процессуальной экономии, применения инновационных технологий и новых методик расследования. Взаимосвязь вышеуказанных понятий очевидна, однако на практике часто возникают вопросы: являются ли законность и качество применительно к уголовному процессу тождественными понятиями, какова взаимосвязь между ними и может ли законность служить достаточным условием для достижения высокого качества расследования [1–6].

Предлагается рассмотреть законность и качество через призму действующих нормативных актов, понять, как они трактуются законодателем и правоприменителем.

Так, термин законность раскрывается в положениях ст. 7 УПК РФ как основополагающий принцип, однако не в полном объеме. Оснований для такого утверждения несколько. Во-первых, в указанной правовой норме законность определяется законодателем как принцип производства только по уголовному делу и не охватывает другие стадии уголовного процесса.

Во-вторых, законодателем не учтены в качестве субъектов, чьи действия и процессуальные решения также должны соответствовать требованиям закона, руководитель следственного органа и другие участники уголовного судопроизводства: потерпевшие, гражданские истцы и ответчики, подозреваемые, обвиняемые, адвокаты, защитники и другие.

В-третьих, нарушение законности не должно ограничиваться только признанием полученных доказательств недопустимыми. Действующим законодательством, и не только уголовно-процессуальным, предусмотрено множество мер ответственности за нарушение требований уголовно-процессуального закона: регресс в отношении следователя; отмена незаконных и необоснованных постановлений; административные штрафы и другие санкции в отношении участников; изменение меры пресечения; уголовная ответственность.

Несмотря на то что принципы задают вектор развития правоотношений, фактические итоги не всегда соответствуют исходным замыслам.

При производстве расследования по уголовным делам могут иметь место различные нарушения, поэтому законность необходимо рассматривать и в другом ее аспекте, как состояние, при котором в обществе, в определенной сфере его деятельности реально обеспечивается правопорядок посредством строгого соблюдения законов.

Таким образом, законность в уголовном процессе – это не только основополагающий принцип уголовного судопроизводства, обязывающий и ориентирующий всех его участников на строгое соблюдение уголовно-процессуального закона, но и состояние, при котором обеспечен процессуальный порядок, основанный на этом законе.

Сложнее обстоит ситуация с понятием качества в уголовном процессе, поскольку термины качество уголовного процесса и качество расследования ни в одной из норм законодателем не применяются и не используются.

При этом качество расследования длительное время является одним из критериев оценки деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России, поэтому для правильного понимания этого термина в первую очередь необходимо обращаться к ведомственным актам, регламентирующим данную систему оценки.

Так, после введения в действие в 2002 году УПК РФ впервые система оценки была регламентирована приказом МВД России от 23 ноября 2002 г. № 1150¹. В последующем ведомственные приказы, определяющие критерии оценки, неоднократно менялись с отменой предшествующих приказов.

Однако, в период с 2003 года по 2011 год одним из критериев оценки наряду с законностью неизменно определялось качество деятельности органов предварительного следствия (приказы МВД России от 23 ноября 2002 г. № 1150, от 5 августа 2005 г. № 650, от 19 января 2010 г. № 25)². В указанный период качество оценивалось преимущественно на основании такого показателя, как количество уголовных дел, возвращенных для дополнительного следствия.

В приведенных нормативных актах предпринимались попытки разделения правоприменителем критериев законности и качества, однако в этих приказах имело место использование одних и тех же критериев как для оценки законности, так и для оценки качества, что в очередной раз подтверждает наличие в практической деятельности неоднозначного мнения относительно содержания указанных понятий.

Так, число реабилитированных лиц в одном случае являлось показателем оценки законности (приказы МВД России от 23 ноября 2002 г. № 1150, от 5 августа 2005 г. № 650, от 19 января 2010 г. № 25), в другом – показателем оценки качества (приказ МВД России от 26 декабря 2011 г. № 1310)³.

¹ О введении в действие систем оценки деятельности органов внутренних дел, отдельных подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, органов предварительного следствия [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 23 ноября 2002 г. № 1150. Доступ из СТРАС «Юрист».

² Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования и органов внутренних дел на транспорте [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 5 августа 2005 г. № 650. Доступ из СТРАС «Юрист»; Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 19 января 2010 г. № 25. Доступ из СТРАС «Юрист».

³ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 26 декабря 2011 г. № 1310. Доступ из СТРАС «Юрист».

В любом случае качество расследования по уголовным делам следует рассматривать как комплексную характеристику деятельности органов предварительного следствия и дознания, которая отражает степень соответствия этой деятельности нормам закона, а также степень результативности и эффективности такой деятельности, то есть способность с наименьшими процессуальными затратами достигать целей и задач уголовного судопроизводства.

Рассматривая качество расследования по уголовным делам, как комплексную характеристику, имеет смысл выделить его структурные элементы или, так называемые, критерии оценки.

Обширный перечень этих критериев определен действующим распоряжением МВД России от 29 ноября 2024 г. № 1/14398¹.

Однако в п. 4.3 приложения № 1 к указанному нормативному акту правоприменитель, на наш взгляд, не вполне обоснованно выделяет качество расследования уголовных дел наряду с результативностью, сроками расследования, раскрытием преступлений, обеспечением законности и возмещением ущерба, подводя их вместе к критериям оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия.

Полагаем, что результативность и эффективность тесно связаны, но не идентичны. Расследование может быть результативным (достигнуты поставленные цели), но не эффективным (затрачено слишком много ресурсов), и наоборот.

Так, например, следователь направил в суд 10 уголовных дел. При расследовании уголовных дел ограничивался допросами потерпевших и не более двух свидетелей, которые проводил поверхностно, полагаясь на признательные показания подозреваемых, обвиняемых, очень редко назначал судебные экспертизы, что позволило закончить расследование по всем делам в двухмесячный срок. Показатели работы следователя по итогам отчетного периода признаны лучшими в следственном подразделении, то есть следователь показал высокую результативность и эффективность работы. Однако уже на следующий отчетный период из 10 направленных в суд уголовных дел 3 уголовных дела возвращены прокурору судом для производства дополнительного расследования в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ. По 2 уголовным делам подсудимые

¹ Об утверждении отраслевой методики оценки направлений деятельности территориальных органов МВД России компетенции Следственного департамента МВД России [Электронный ресурс] : Распоряжение МВД России от 29 ноября 2024 г. № 1/14398. Доступ из СТРАС «Юрист».

были оправданы в связи с недопустимостью и недостаточностью собранных по делам доказательств.

Таким образом, несмотря на высокую результативность и эффективность деятельности следователя (большое количество расследованных дел в короткие сроки), качество его работы оказалось низким. Это привело к тому, что многие дела не достигли своей конечной цели – справедливого судебного разбирательства и наказания виновных.

Тем самым, полагаем, что законность с одной стороны – это основополагающий принцип уголовного судопроизводства, с другой – состояние уголовного процесса, при котором реально соблюдаются закон, права и свободы его участников. Соблюдение законности является одним из основных, но не единственным условием качественного расследования уголовных дел. При этом, качество расследования должно обеспечиваться не только соблюдением норм уголовно-процессуального законодательства, но и само законодательство должно отвечать потребностям реальности, а именно создавать благоприятные условия для достижения целей и задач уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. *Деришев Ю.В.* Эффективность расследования преступлений: проблемы теории и практики : монография. Омск: Омская академия МВД России, 2005. 243 с.
2. *Даровских О.И.* Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022.
3. *Кудряшова Е.С.* Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020.
4. *Гаврилов Б. Я.* О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства и его роли в повышении эффективности отдельных институтов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68).
5. *Андриенко Ю.А.* Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.
6. *Степанов К.В.* Проблемы качества предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**КРИМИНАЛИСТИКА, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ:
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
(К 70-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ)
(66-е ежегодные криминалистические чтения)**

*Сборник научных статей
по материалам международной научно-практической конференции
(Москва, 25 апреля 2025 г.)*

Часть 3

Верстка С. Х. Аминова
Издается в авторской редакции

Подписано в печать 23.04.2025. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 16,28. Уч.-изд. л. 14,06. Тираж 156 экз. Заказ 21у.

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академии управления МВД России.
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907721-82-1

